ISSN 0130—8009

ПИОНЕР

5'90

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1990
Издательство «Правда»

5

ЧИТАЙ В МАРТЕ

На обложке: рисунок Д. Гончаровой.

Читайте «Воробьевы горы»! С. 27.

Сколько стоит жерв? С. 15.

С. 47.

КАРТИНЫ ДЕТСТВА

Заглядывая в зеркало, ты видишь только себя и только таким, каков ты в эту, зеркальную, минуту. Но есть зеркала, отразившие и навеки сохранившие на своей поверхности то, что давно уже исчезло из живой жизни. Глядя в эти зеркала, ты видишь самого себя, но таким, каков ты был две недели, год или десять лет назад. Ты видишь маму на выпускном балу в школе, а папу — на плоту посреди бурной реки. Ты видишь молодых дедушку и бабушку, а еще — каких-то совсем незнакомых людей в непривычной одежде. И ты начинаешь задавать вопросы, почти как в сказке: «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи...» И зеркальце фотографии начинает, почти как в сказке, рассказывать всю правду. И перед тобой открываются картины прошлого, и ты размышляешь о настоящем и задумываешься о будущем.

А иногда одна фотография может рассказать больше, чем целый учебник истории, особенно если этот учебник — словно кривое зеркало.

Давай с помощью фотографий восстановим если не полную историю детства в нашей стране, то хотя бы отдельные картины детства. Восстановим и увидим, что дети такие же участники истории, как и взрослые: детская жизнь никогда не была отдельной от жизни взрослой. И на долю детей выпадало иногда больше горя, чем на долю взрослых. И еще мы увидим, что очень похожи на наших сверстников из прошедших лет, а, значит, вглядываясь в их лица, мы сумеем лучше понять самих себя.

«Они сражались ради нас...»

И гордость, и радость, и слезы, и боль невозвратных потерь. Все соединилось в ней, в нашей Великой Победе, сорок пятую годовщину которой мы отмечаем в эти майские дни. Нам и раньше было известно, какую непомерно высокую цену пришлось заплатить советским народам за свою свободу. В канун 45-летия Победы над фашистской Германией мы узнали, что в действительности эта цена была еще более страшной. Двадцать шесть миллионов погибших... Это невозможно представить. Еще невозможнее допустить мысль, что это когда-нибудь может быть забыто.

Когда в октябре 1989 года мы начинали викторину «Нам этот мир завещано беречь», мы меньше всего хотели, чтобы ваши ответы походили на перечисление фактов, вычитанных в книгах. Хотя, конечно, знания эти тоже важны. Но мы все-таки надеялись, что главным станет добрая память о невернувшихся с войны и честная, без фальши, забота о тех ее участниках, которые еще живут среди нас. И мы рады, что так оно и случилось.

«Когда я был маленьким,— написал нам Даниил Пархоменко из Кемерова,— я считал, что мужество и героизм ветерана войны соответствуют его боевым наградам, и если у человека наград меньше — воевал он хуже. Теперь, проработав несколько лет в нашем школьном музее боевой славы, много раз встречаясь с ветеранами и слушая их рассказы о войне, твердо знаю, что военные подвиги не всегда оценивались орденами и медалями. Поэтому я с одинаковым уважением отношусь ко всем людям, которые защищали нашу Родину на фронтах Великой Отечественной войны и работали в тылу на Победу».

«Очень хочется, чтобы все, кому пришлось отстаивать нашу землю от фашизма,— читаем в письме Лены Павловой из Минска,— жили как можно дольше. Чтобы их голоса услышали все люди планеты. И не просто услышали, а осознали, что нам не нужна война. Фашизм — самое страшное из того, что было в этом столетии.

И еще, давайте посмотрим, каково нашим дедушкам и бабушкам. Наверное, кое-кто думает: можно один раз сходить к ним после долгих просьб вожатой — и ты тимуровец. А каждый день?! Может, я не права, но как приятно пожилым людям, когда кто-либо из нас уступит им место в автобусе или поможет донести тяжелую сумку. Я всегда стараюсь помочь им, ведь они ради нас сражались в той нелегкой войне».

Да, важно не только в праздники вспоминать о ветеранах. Да и нужно-то им зачастую не так уж и много. Сходить в магазин за продуктами, сбегать за лекарством в аптеку. Помочь убраться в квартире. А в селе еще — принести воды, наколоть дров, убрать урожай в огороде. А если человек одинок, он бывает

и просто рад внимательному собеседнику. И порою складываются такие отношения между школьниками и ветеранами, что, как заметил один из участников викторины, их «нельзя назвать ни опекунством, ни просто помощью. Это — дружба. И, как во всякой дружбе, трудно сказать, кто кому нужен больше: мы им или они нам».

Иногда такая трогательная дружба начинается со случайной встречи. «Как-то мы с подругой ехали с тренировки в бассейне,— поделилась с нами Люда Сухова из Москвы.— Выходим из метро и видим: дедушка еле идет — на спине рюкзак, в руках сетка с чем-то завернутым в газету. Мы подбежали, предложили помочь. Дедушка отказывается: «Нет, нет, спасибо!» А мы видим, что уже невмоготу ему. Взяли сумки, спрашиваем: «Куда вам, дедушка?» А он вдруг посмотрел на нас, положил руку мне на голову, провел по волосам. А рука дрожит... Дошли мы до его дома. Поднялись по лестнице. Василий Трифонович, так звали дедушку, пригласил зайти. Вошли и ахнули: столько на стенах было фотографий! Но расспрашивать мы постеснялись. Только позже узнали, что на снимках были его боевые друзья...

На следующий день мы опять пришли. Василий Трифонович обрадовался. Мы прибрали в комнате, помыли посуду...

И стали бегать к нему почти каждый день. Мы узнали, что семью его в 1942 году фашисты угнали в Германию. По дороге жена и старший сын погибли, а дочка Настенька пропала... И стал он нам как родной...»

Родными и близкими стали для многих ребят совсем неродные им дедушки и бабушки, соседи по улице, по дому, по лестничной площадке. И рассказывают они об этом с той искренней человеческой теплотой, которую придумать нельзя. А некоторые участники викторины написали о собственных бабушках и дедушках, о том, как дружат с ними, как помогают им.

Любая викторина требует настойчивости и упорства. И не всем при этом сопутствует успех. Самым сложным пунктом нашей викторины для многих оказался вопрос о памятниках. Точнее, об одном из них. Фигуру воина-освободителя в берлинском Трептов-парке узнали практически все. А вот обелиск...

«Этот памятник я никогда не видела раньше,— пишет Надя Стебай из Балакова Саратовской области.— Однажды, возвращаясь из школы, присела на скамейке во дворе дома. «Ты что такая грустная?» — спросила меня Акулина Дмитриевна, соседка наша. Я сказала ей, что не могу ничего найти об этом памятнике, и показала ей рисунок. «Постой, постой! — произнесла она.— Идем со мной». Она завела меня к себе и стала что-то искать в столе. «Вот,— сказала она радостно,— вот тот памятник. Он воздвигнут в городе Банска-Бистрице — центре Словацкого национального восстания». И она показала мне фотографию, где она со своими друзьями-однополчанами стоит возле этого памятника. Оказалось, что Акулина Дмитриевна освобождала Чехословакию».

Повезло и Наташе Матросовой из Абакана. Ее прадед Матросов Анатолий Алексеевич был в числе советских воинов, которые в октябре 1944 года пришли на помощь восставшим словакам. И хотя прадеда уже нет в живых, в семье Матросовых бережно хранят его орден Славы за ту операцию и чехословацкую медаль «Дуклинскому герою». В старом журнале отыскалась цветная фотография обелиска. Кстати, именно в подшивках журнала «Социалистическая Чехословакия» обнаружили снимок памятника те ребята, которые верно определили, в какой стране он установлен. Вернее, догадались, внимательно изучив на рисунке архитектуру окружающих его зданий.

Всех, кто правильно ответил на все вопросы, ждут почетные грамоты и памятные призы.

Авторы наиболее интересных работ будут награждены путевками в «Артек» и международные пионерские лагеря социалистических стран летом 1990 года. Называем их имена: Наташа Александрова из Харькова, Люда Сухова из Москвы, Эдгар Плявинь из поселка Гаркалне Латвийской ССР, Наташа Матросова из Абакана Красноярского края, Лена Клименкова с хутора Ширяевского Волгоградской области, Таня Попович из Киева, Лида Летучая из Красногорска Московской области, Оля Кузьмина из деревни Яглевичи Брестской области, Алеша Колбин из Свердловска и Катя Рыбак из Новосибирска.

Победителей викторины мы поздравляем с успехом, а всех наших читателей с праздником Великой Победы!

Фотография В. ЗУБРИЦКОГО.

Марина МОСКВИНА

Рисунки В. БУРКИНА.

Не наступите на жука

Окончание. Начало в №№ 3, 4.

Женька Путник, ученица седьмого класса школы-интерната № 73, мечтающая стать инспектором Уголовного розыска, обнаруживает нечто подозрительное в том, что все взрослые — сотрудники интерната — расхаживают в одинаковых меховых шапках, правда, разных мастей и различной пушистости. Из чего шапки? Канадский волк? Бразильский тушкан? Камышовый кот? Не звери ли это, исчезающие с лица Земли? Женьке удается завладеть ухом одной из подозреваемых ушанок. Сбежав из интерната, она относит ухо на экспертизу профессору зоологии в Зоологический музей. Профессор в растерянности. Однако работник гардероба Степан Федорович вмиг определяет, что этот мех — песий. В результате предварительного расследования Женька приходит к выводу: где-то в глухой деревне страшные небритые мужики шьют из собак шапки. Нужно: выявить торговцев ушанками в интернате, застукать кожедеров на месте преступления, вынудить сознаться в содеянном и предать шайку в руки правосудия. Версия насчет шахматиста Валетова рушится. Тогда она выдвигает новую. И приступает к разгадыванию очередных козней преступников...

Глава 4. Мистер Икс

— Я хочу с вами посоветоваться,— сказала Женька милиционеру.

Папин брат — дипломатический работник дядя Степа — говорил, что таким образом можно затеять разговор с любым человеком по любому вопросу.

— Ну? — Милиционер не остановился. Он шел к своему милицейскому «козлу» в таком же тулупе, в каком прибежал к месту «Встречи» Роберт Матвеевич. Но милиционер в отличие от Посядова был застегнут на все пуговицы.

Женька вкратце изложила свои сомнения и подозрения насчет шапок, и почему эти шапки стали объектом ее внимания.

— Пустой номер,— сказал старший лейтенант с неоконченным высшим образованием.

— Как это?

— Собака по Уголовному кодексу — это не живое существо, а предмет. Если у тебя похищена собака стоимостью пятьдесят рублей, то у тебя похищена собственность на пятьдесят рублей — в скобочках пес. И похититель обязан ТОЛЬКО возместить стоимость — не важно, что он сделал с этой собакой: сшил шапку или спекульнул.

— Выходит,— удивилась Женька,— свистнуть велосипед и убить собáку — одно и то же?

— По Уголовному кодексу — да,— важно ответил милиционер.

— Значит, Уголовный кодекс не прав!

— Уголовный кодекс,— милиционер остановился и поднял указательный палец вверх, как буддийский монах,— это святое!..

— А жестокость? — говорит Женька.— Жестокость не в счет?

— Кража происходит тайно. Чаще ночью. Никто никому свою жестокость, как правило, не демонстрирует. Привлек малолетнего — ответишь за привлечение малолетних. Я вор и более никто,— сказал милиционер.

— Ну да! — Женька вспомнила случай с сенбернаром. Когда с ЖИВОГО пса два типа содрали шкуру, то ли потому, что такая — помягче, то ли попушистей...

— Их вроде бы судили. За ШУМ! — припомнил милиционер.— Как нарушителей общественного покоя. Но и для этого нужны факты. А у тебя??? Ни фактов, ни доказательств, и происшествие незначительное.

— Вот мы стоим с вами, разговариваем,— сказала Женька.— А, может быть, ОНИ в это время расправляются с каким-нибудь домашним животным!..

Он поглядел отсутствующим взором, сел в свой «козел» и, перед тем как хлопнуть дверцей, сказал ей на прощание:

— НЕ ЗНАЮ, КАКИМ СОВЕТОМ ТЕБЯ ПОСОВЕТОВАТЬ.

Герои монумента «Встреча» были живей, чем милиционер.

Женьку всегда поражало, что есть люди живые, а есть — не совсем, не в полной мере. Они особый взгляд дают — рептилий. У них тяжелые веки, какие-то слишком длинные руки и полное пренеб-

---

* Журнальный вариант.

режение к тому, над чем надо дрожать, прикрывать собой и не выдавать жизни.

У Женьки дома долго жила такая тетка. С ней Женьку — маленькой — оставляли родители. Это была дородная девица из деревни. И у нее было два развлечения: ходить на рынок — ругать рыночных торговцев нелицеприятными словами на их родном языке до тех пор, пока те не покидали свою продукцию и не кидались за ней и Женькой; и мотогонки по отвесной стене. Пожалуй, это единственное, что отличало ее от Тутанхамона.

Женька помнила очередь у касс, ожидание, шаткую лестницу с прохладными перилами, сумрак под шатром, залоснившийся бортик, который без лишних колебаний делил мир на гонщиков и зевак.

Женька до края бортика тогда не доставала. И мотогонщика совсем не видела. Ей оставалось в ногах довольно разношерстной толпы стоять и слушать рык мотоцикла и наблюдать, как ходуном ходит пол, усыпанный шелухой от семечек и раковыми панцирями.

Однажды эта тетка затеяла уборку. Она слонялась по квартире с тряпкой и напевала тонким голосом:

— Ля-ля-ля!..

На ней была белая шерстяная кофта, ее собственная, но руки все равно торчали из рукавов. Движения вялые, неуклюжие. Она даже внимания не обращала на огненных барбусиков, а они на нее обращали внимания много. Они шныряли среди водорослей, воздушных пузырьков и ракушек. А она говорила — они ей надоели! Они снились ей в виде старых рваных башмаков.

Она ненарочно, я знаю, она и не заметила, как смахнула в аквариум тройник — тройную розетку с включенным штепселем. Короткое замыкание. Вода вскипела. Словом, жуть, что произошло.

А возле необитаемого аквариума, как свет далекой погасшей звезды, висела и висела на стене записка. Ее написал нам Юрик перед отъездом в зимний лагерь.

«Ребята!

Корм для барбусиков находится в холодильнике в пластмассовых сосудах (трубочник и мотыль). На них НИЧЕГО не ставьте, а то червякам будет душно! Перед кормежкой слить трубочник и мотыль в сачки. Кормить в небольшом количестве (1 щепотка), в два дня один раз. Корм съедается за 3—5 минут без остатка.

Ваш Юрий».

Вдруг я подумала: ты не переживешь, если увидишь, что сделала Тутанхамонша. Так и подумала: Юрик, ТЫ НЕ ПЕРЕЖИВЕШЬ.

Женька взяла свою копилку, она училась тогда в четвертом классе и копила деньги на мотоцикл. Роскошный гипсовый копилка-кот, зеленоглазый, рыночный, бордовый бант на шее — теперь такие редкость. И грохнула копилку. И с пола собрала все накопления: рубля три с половиной медяками. В авоську положила банку и отправилась в зоомагазин.

А в магазине! В магазине она употребила всю врожденную память на лица и выбрала точь-в-точь таких барбусиков, какими были те.

И чтоб наши новые огненные барбусики не околели от холода — мороз на улице, ледяной ветер,— я двухлитровую банку тащила у себя под шубой. И облила себе весь живот!

Ну и что? Кто помнит о мокром животе, если ты, Юрик, вернулся и все десять огненных барбусиков как ни в чем не бывало глядели на тебя из аквариума!..

О чем люди думают? Как будут жить дальше? Я могу рассказать тысячу историй, рисующих варварский быт наших современников. Эй, подростки с нерасшатанной нервной системой! Как вам нравится охота на волков с вертолета? А охота на слонов с автоматом и глубоким знанием дела: первым надо уничтожить вожака, тогда стадо неспособно к бегству и, окаменев, ждет своей участи!..

Мне не все равно, будет расхаживать по Земле носорог или не будет. Хотя мне их не приходилось встречать никогда! Я люблю бегемотов! Судьба горных зебр беспокоит меня. Горные зебры, из шкур которых сотни лет люди тупо шили мешки.

А вам известна история, как в одном подмосковном колхозе некие отчаянные головы украли коней, покатались, проскакали, с ветром споря, по полям и лугам, потом выкололи коням глаза и смылись?

Есть немалая цифра в Московском зоопарке, сколько булок с иголками и сколько булок с гвоздями Венец Природы — Человек — в порядке угощения протянул своему меньшому брату — зверю.

Черт возьми, кровожадные мысли эти факты, мне кажется, будят у нормальных людей. Юрик рассказывал, был реальный случай, как кенгуру выстрелил в охотника.

Охотник обнаружил его в своем капкане и давай заталкивать в мешок. Кенгуру, отбиваясь, нечаянно схватил винтовку охотника, выстрелил, ранил в руку и убежал.

Я за кенгуру! Пусть у ихнего брата во имя справедливости в кармане на всякий пожарный тоже хранится заряженный кольт.

Что-то надо делать с человечеством, думала Женька, нельзя его так оставлять. Ведь человек представляет собой жуткий генетический винегрет. Тысяча тысяч неизвестных, среди которых вполне мог затесаться какой-нибудь эгоист, жулик, эксплуататор народных масс, донжуан, коровьин сын, насильник — да черт-те кто, о ком ты не подозреваешь, живет в тебе, смотрит на мир твоими глазами и с нетерпением ждет часа, чтобы проявиться!

Может, есть смысл в искусственном отборе? А что? Скрещивать умных и добрых! Тогда человек станет чистым генетическим чудом...

— Тебе записка.— К Женьке подошел Рома Репин.

«Приглашаем на генеральную репетицию спектакля. Приходи сегодня после ужина в гараж.

Мистер Икс».

Глава 5. Ура королеве сыска!

Любите ли вы театр? Любите ли вы театр, как любил его Женькин дедушка? Дедушке было четыре года, когда он впервые посмотрел «Свинопаса», и до сих пор он помнит его в деталях.

Именно дедушка первый раз повел Женьку в театр — филиал МХАТа на улицу Москвина. И она тоже запомнила все до мелочей. Особенно антракт, когда Женька потрогала в оркестровой яме барабанщика за голову. У него была теплая, приятная на ощупь, плешь. И все дети стали трогать. А он молчал и улыбался.

А помнишь, Юр, как мы пошли на «Гамлета»? И возле тебя сидел человек со значком, на котором просто было написано «Шекспир». Ему не по-

нравился спектакль. Было ясно, что он недоволен.

О, если б она не мечтала стать милиционером, Женька б хотела быть актрисой, костюмером, рабочим сцены, продавцом программок... Не важно кем, лишь бы в театре! Лишь бы все время околачиваться за кулисами, в зале или на сцене!..

Женька не могла дождаться вечера. Что у них за спектакль в гараже? Почему именно ее пригласили на генеральную? Может, кто-то из участников тайно в нее влюблен? Или они такого высокого мнения об ее уме и художественном вкусе?

Записка напомнила Женьке, как летом шла она вдоль глухого зеленого забора. А из дырки в заборе торчит рука. Не видно чья — женщины, мужчины, ребенка или старца какого-нибудь глубокого. Женька остановилась и крепко ее пожала. И эта рука, явно принадлежавшая ВСЕМ ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ, ответила ей рукопожатием.

Целый день из-за приглашения Женька была в счастливом расположении духа. Она даже на время прекратила обдумывать план расследования, коря себя притчей о Филиппе Красивом.

Есть такая притча о хомяке Филиппе Красивом. Как он постепенно навалил Монблан. Так и человек, если каждый день делает хотя бы понемногу для достижения своей цели...

Сразу после ужина Женька направилась в гараж. Яблоневый интернатский сад зачеркивает ветками дома, домашнюю жизнь. Театр-гараж похож на крепость с одним узким окном-бойницей. На неприступную крепость для всех, только не для Женьки. Ее звали. Ее ждут. Она вошла, и дверь захлопнулась.

Навстречу в своих неизменных черных перчатках, со скверной улыбочкой двинулся Мочало. Следом засеменил верноподданный Козявка. Последний в их строю — Рома Репин. Он взглянул на Женьку и сразу отвел глаза, как будто ее вообще не существовало.

Они встали гуськом, потому что посреди гаража зияла яма для ремонта машин. А по бокам лежали два металлических рельса-желобка, чтобы точно попало колесо и машина не съехала в яму.

На другом рельсе — чуть поодаль — сидел, свесив ноги, Грущук. Было как-то не очень тепло, хотя они включили радиатор, и как-то не очень светло, хотя горел свет.

— Ура королеве сыска,— говорит Мочало.

У него привычка сжимать кулаки или, наоборот, растопыривать пальцы и ими пошевеливать, как щупальцами обитатели морей — кишечнополостные.

Меньше всего она ожидала такого поворота, но быстро оценила обстановку: приглашение в гараж задумано Мочалой как недружественный жест. Хорошего не жди. Однако, по примеру философа Декарта и в противовес коварному Мочале, Женька изобразила полное дружелюбие:

— И ты у нас артист, Мочалов? — приветливо так говорит.— Какая же у тебя роль?

— Перец задом толку,— сказал Мочало. На пряжке ремня у него конские головы. И он их медленно поглаживает большим пальцем.— Только без крика! Без шума! — сказал он.— К чему шуметь?

В железных мочалиных пуговицах Женька увидела себя, какой у нее испуганный вид. Все упражнения насмарку, все тренировки по умению владеть собой.

— А в чем дело? — спрашивает Женька.

— Друг собак! — выглянул Козявка из-за плеча Мочалы.— Я слышал, как ты конопатила мозги милиционеру.

— Ее ждет участь монумента «Встреча»,— сказал Мочало и подкрепил свои слова красноречивым жестом.

— Так это ты разбил? — спросила Женька.— РУКОЙ???

— Кончай угрозыски! Замочим! Раз тюкнем кулаком. А скажем, что несчастный случай. Ноготь те дери! — сказал Мочало.

До чего неохота ударить в грязь лицом. Она пока не ударила. Вот грязь, а вот ее лицо. И есть еще хоть маленькое, да расстояние.

— Ты хочешь шубу? — подал голос Грущук.

— Какую шубу?

— Шуба — класс! Ни у кого такой не будет! — Он потянулся к верхней полке. На полках вдоль стены стояли банки, обгорелый чайник; множество ножниц, молотки, ножи, пакеты с надписью «Хромовые квасцы» и разнокалиберные свертки.

Он сверток развернул, а там две шкуры.

— Тебя интересуют шапки? — спокойно говорит Грущук.— Что именно? Берется шкура. Ее надо слегка намочить и растянуть на досках гвоздиками. На лобовой козырек идет самое красивое, со спинки по хребту... Готовую вещь надевают на банку — двух- или трехлитровую, смотря какая голова. Потом кипятишь чайник и паром из носика обрабатываешь — волосик к волосику...

— Берется шкура, понимаю,— говорит Женька.— А где она берется? — И тут вспоминает: ночь. Они с Шурой из телефона-автомата звонят папе Водовозову. На поводке вел Рома Репин черного терьера.

— Ты не боишься много знать? — спросил Грущук.— Тогда скажу: я люблю больших собак, породистых, с густым подшерстком, ньюфаундлендов, борзых, эрдельтерьеров, хорош и королевский пудель. Возни выходит меньше, а шапок — больше.

У Женьки вспотел нос. Не верится! Уж больно чисто было в «театре», где настоящая кровь лилась, как клюквенный сок. Но эта черная ремонтная яма...

— Измерь ее рост от головы до пят для гроба,— зловеще произнес Мочало на тот случай, если до нее не дошло самого главного.— Пусть тут в углу стоит, вдруг пригодится?

— Ну-с,— говорит Грущук,— что будем шить? Меховую шубу или... «деревянный тулуп»?..

Глава 6. Долой мерихлюндию!

Перед сном в интернате процветал культ ног. «Честь и хвала чистым спальням, коридорам и игровым комнатам!» — начертано над входом в спальный корпус. «Слава помытым на сон грядущий ногам!» — добавим мы от себя.

Ух и наседали на нас с нашими ногами. Ежевечерний массированный налет — воспитатели под предводительством Проракова проверяют свежесть ног интернатских воспитанников.

Невзирая на лица, откидывают одеяла:

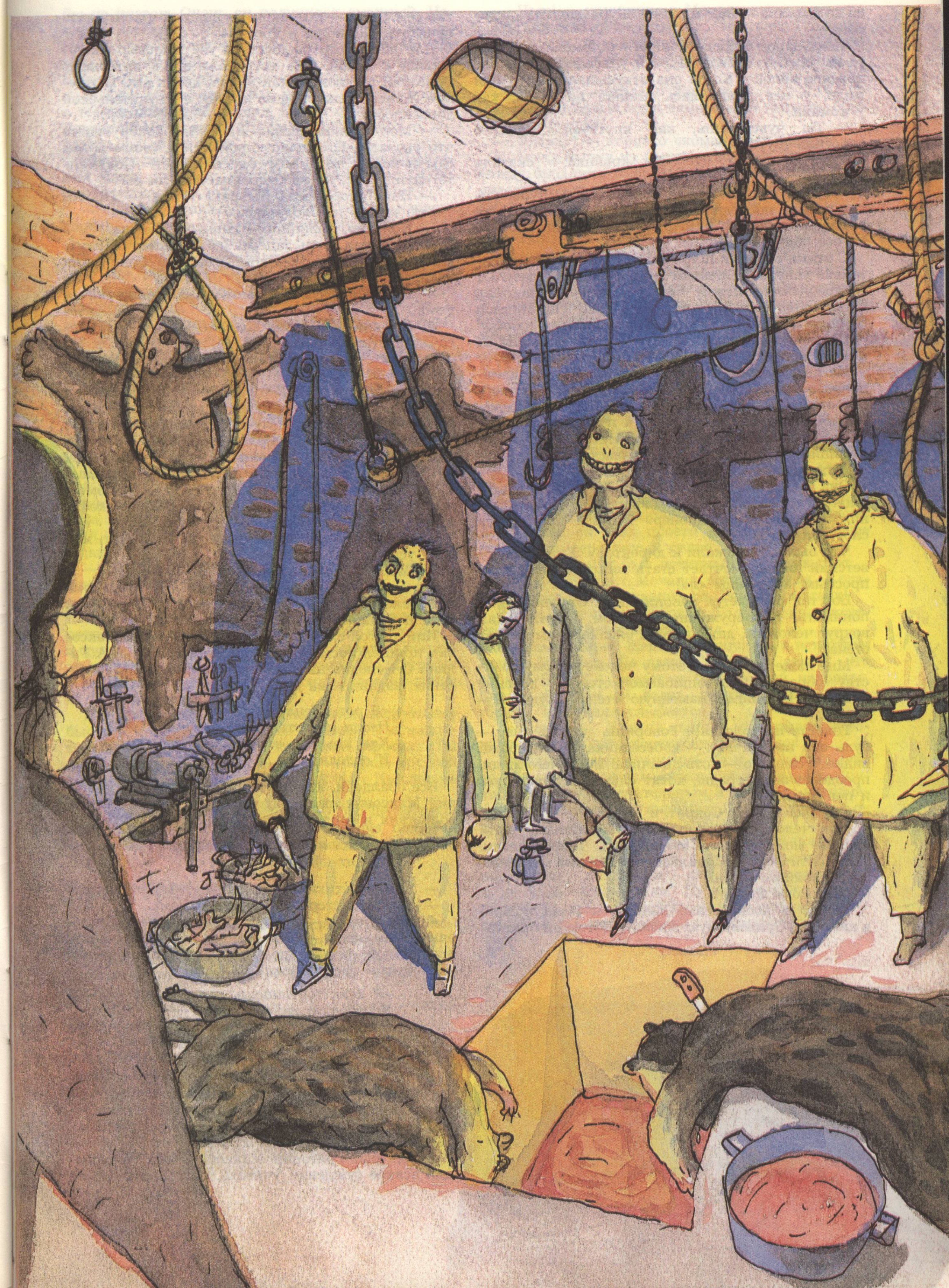
— А ЭТО У КОГО ТАКИЕ ЧЕРНЫЕ НОГИ???

Негр Фред Отуко:

— Я мыл! Клянусь мамой!

Шура Конопихина в знак протеста синими чернилами написала на ногах: «Они устали! Дайте им отдохнуть!»

Федор Васильевич Прораков, увидев это, взвил-

ся до потолка — подумал, что Шура сделала татуировку.

Пока народ сосредоточился у ногомоек, в туалете на унитазе сидела Шура и уписывала большое красное яблоко. Когда она откусывала много или мало, у нее появлялась шишка на щеке, как у хомяка.

— Ты чувствуешь, как крутится Земля? — спросила Шура.

— Я чувствую, что мне крышка,— сказала Женька.

— Верх канальства! — воскликнула Шура, когда узнала последние известия. Женька держала ее в курсе событий.— На фуфу берут! Надо спокойно все обдумать.

С этими словами Шура легла в постель и моментально уснула. У Женьки сна ни в одном глазу. От сердцебиения. Лежит и слушает — панцирная сетка кровати сердцу в такт: ТЩ! ТЩ! ТЩ! Циклоп Мочало все-таки посеял в ней некоторую панику.

Где мои мама с папой? Что они писем давно не шлют? Бросили, что ли? Другую себе нашли?..

Не поддаваться! Как говорит Юрик, нам, длинноносым, нельзя вешать нос. А то вы враз приобретаете какой-то суперунылый вид. Юрик называл Женькин нос приговоренным к повешиванию.

Но если человек целенаправленно растит в себе милиционера, он должен сызмальства с презрением относиться к страху.

Она и в сочинении написала: «Хочу быть милиционером!» Правда, ошибка вышла из-за невнимания: в слове «милиционер» Женька пропустила слог «ци».

Что было! Затаскали к директору. Еще бы! Советский пионер мечтает стать миллионером. И не простым, а с одним «л»!

Вот так рождается непонимание. От нежелания понимать. Невооруженным глазом заметно, как вокруг человека, даже иногда близкого, вырастает стена.

Мне кажется, в пику этому человеческому свойству: обрастать непрошибаемой стеной — древние китайцы воздвигли каменную стену — чудо акустики.

Толстая-претолстая! Говоришь сквозь нее — будь она прозрачной — собеседника бы еле было видно, а слышно — хоть шепчись! Во до чего люди, преодолевая преграды, хотят слышать друг друга и понимать.

Сто раз правы Сократ и Григорий Максович: другой человек — это ты. Любого оглоеда, черта драного можно понять и полюбить. Теоретически. Но практически в Мочалове для Женьки нет ничего, достойного любви.

Зато Рома Репин!

Как-то в воскресенье Женька и Рома ходили в кино на «Суматошную жизнь». Потом он пригласил ее в гости — познакомить с папой и книгу дать почитать «Шпионы в России».

Для Женьки не было такой уж радостью знакомиться с папой. Она встречала его в интернате. Григорий Максович, как видно, делал ему внушение. Женька дежурила по классу, а из учительской доносилось:

— Мой первоклассник Вася Забобонов знаете что сказал? «Кто выкозюливается и своим детям еды не подает, тот и маму съесть может!» Подумайте, прошу вас, не выкозюливаетесь ли вы?

— Папа хороший,— сказал Рома.— Просто у него жизнь не сложилась.

— Конечно, хороший,— кивнула Женька.

Приходят, а дверь заперта на два замка. У Ромы ключ всего от одного. Папы дома нет. А они жили на первом этаже.

— Буду ночевать в подъезде,— спокойно сказал Рома.

— Вот еще,— говорит Женька.— Я влезу в форточку и открою тебе дверь...

Она как раз проходила в форточку, а Рома — нет.

В это время какой-то бдительный пенсионер засек ее, позвонил куда следует, примчалась милицейская машина, и Рому с Женькой и с книгой «Шпионы в России» забрали в милицию.

Там они проторчали полночи. Рома звонил папе, но тот отказался за ним явиться. Их вызволил Юрик. Он взял такси, отвез Рому с Женькой домой, накормил пельменями, сварил по чашке кофе, взбодрил как мог и снарядил в интернат.

— Старик! — сказал Юрик Роме.— Может, мне тебя усыновить?

— Валяй! — согласился Рома.

Ну и что, что Юрик старше Ромы всего на семь лет. Дело ведь не в этом, а в том, что счастливым надо побольше усыновлять несчастливых.

Или другой случай. Раз как-то Григорий Максович пришел посидеть на уроке литературы. А Галина Семеновна вызвала Репина читать стихотворение, заданное на дом.

«Я рос. Меня, как Ганимеда,
Несли ненастья, сны несли.
Как крылья, отрастали беды
И отделяли от земли...»

Все обалдели, как он это здорово читал. Григорий Максович сжал ладонями пылавшие от удовольствия и гордости за Рому Репина уши!..

«Я рос, и вот уж жар предплечий
Студит объятие орла!!!»

— Чьи это стихи? — спрашивает Оловянникова.

— Борис Пастернак,— ответил Рома.

— Что творят! — говорит Оловянникова Григорию Максовичу.— Я прививаю детям вкус к истинной литературе. Я задала стихотворение «Два брата». Водовозова! К доске!

«Я кую, ты пашешь поле,
Я рабочий, ты мужик,
Наши крепкие объятья —
Смерть и гибель для владык!..» —
лихо продекламировала Верка.

Вслушайтесь в эти строки! — воскликнула Галина Семеновна, выводя в журнале Водовозовой «пять», а Репину — «три».— Вот гражданская поэзия, которая будет жить в веках. А всякие там... Цветаевы и Пастернаки... ТЬФУ!

Может бы, Григорий Максович, наш уважающий всякое суждение учитель, и промолчал, если

бы не плевок. Очень он получился смачный. Несимволический.

— Галина Семеновна,— сказал Григорий Максович, не поднимая глаз,— я вас глубоко уважаю, однако попрошу ваш плевок... забрать обратно.

— Как же я его?.. Вы что? — Оловянникова с тоской поглядела на пол. Потом с испугом — на Григория Максовича. Потом взяла швабру и повозила ею около себя.

В такое же невменяемое состояние впал Григорий Максович, когда Рома Репин из магазина «Самообслуживание» пытался утащить ватрушку.

— Я хочу, чтобы ты был человеком первого сорта! — кричал Григорий Максович.

— А я хочу быть второго.

— Но второго — мерзавцы и негодяи.

— Нет, мерзавцы,— отвечал Рома,— это пятого.

Вот он каков, Рома Репин, как в сказке — то жаба, то принц.

И все же хорош гусь, не предупредил! И в гараже не пикнул. Понятно, кому охота связываться с Мочалой. Тюкнет, и никаких отпечатков пальцев. Мочало, поди, даже на ночь перчатки не снимает.

Мне часто снится сон один и тот же: я стою у окна — поздно, во дворе безлюдно, вдруг рой, стая, толпа — НАД КЕМ-ТО — сомкнулись, тихо разомкнулись и разошлись. А я в окне молчу неподвижно.

Долой мерихлюндию! А то от всех этих сомнений повеяло каким-то скудо... душием. Кто-то наращивает живот, кто-то бицепсы, а кто-то мощь духа. Напустить на себя вид еще более устрашающий, чем у них, явиться в гараж и сказать этим гадам:

— Ну вы, старые носки! Попробуйте троньте еще хоть одну собаку!..

Будь что будет!

Сразу легче стало. Так бывает, навалится неразрешимый вопрос. И валтузит тебя, и мурыжит, и мучает, ты не ешь, не спишь, ты не справляешься с ночью, от мыслей весь перекиснешь, и утро не в радость! Тогда есть один выход — решительней на что-то решаться!

Женька стала считать слонов, чтоб заснуть побыстрее и больше не думать о завтра. Пятнадцатый слон посмотрел на нее туманно и спросил: «Ты какой бы пуговицей хотела быть?» «Серой, круглой костяной,— ответила Женька.— А ты?» Но слон не успел ничего ответить.

— Женя! Путник! Проснись! — Это Шура трясла ее за плечо.— Придумала! — И она шепотом изложила блистательный и дерзкий план действий.

Глава 7. Господа удавы

— Итак? — спрашивает Мочало, встретив Женьку на узенькой тропинке у радиорубки.

У него была оригинальная по форме голова: ограниченная вершина и мощный расширяющийся низ.

— Хочу шапку из бульдога. Под норку,— сказала Женька.

— Давай из эрделя! Под каракуль,— предложил Мочало.— Как раз на примете подходящий эрдель. Где мы тебе возьмем бульдога?

— Есть тут один, бродячий,— сказала Женька.— Я наведу.

Ровно в двадцать ноль-ноль они вышли на дело — Женька Путник и Мочало с Козявкой.

— «Мы идем по Уругваю,— запел Козявка,— ночь, хоть выколи глаза...»

— Цыц! — прикрикнул Мочало.

Шагали молча по снежному пустырю. Гололед. Когда идешь по обледенелой дороге и если задрать голову и посмотреть в небо, кажется, что идешь по реке.

— Вон он! — сказала Женька.

Белый на белом, едва заметный в темноте, брел в овраге бульдог.

— Удавку! — коротко скомандовал Мочало.

Козявка вынул из кармана веревку. Расстояние между бродячим бульдогом и отловщиками стремительно сокращалось. Козявка посвистел. Бульдог поднял голову и навострил уши.

— Бру-бру-бру,— заворчал бульдог.

— Ноготь те дери! — говорит Мочало.— У этих бульдожек мертвая хватка.

— Трусы,— сказала Женька.— Давай удавку!

— Цыц! — говорит Мочало, но веревку отдал.

С мрачной решимостью Женька двинулась на бульдога. Стараясь не делать резких движений, опустила ему на голову петлю.

— Рядом,— сказала Женька.

Пес не артачился, ничего.

— Ну ты гигант! — пришел в восторг Мочало.— Ноготь те дери!

Ветер гонит по катку осыпавшуюся елку. Как в пустыне — перекати-поле. Удивительно, до чего с некоторыми людьми чувствуешь себя в пустыне! Зато с некоторыми, наверное, и в пустыне кажется, что ты на карнавале.

— Хорошая шапка! — сказал Грущук, встретив их в гараже и придирчиво оглядывая бульдога. Всех собак он звал просто «шапки».— Палевые пятнышки, серебряный отлив...

Алеша Грущук был истинный шкурник-поэт.

— Ну,— говорит Мочало, потирая руки,— слабонервных просим удалиться. Рома! Томагавк!

Репин тоже присутствовал. То есть полуприсутствовал. Как он один это умел.

У самых дверей Женька обернулась и встретила взгляд бульдога. По глазам видно за версту, что собаки ВСЕГДА вернее и благородней человека. Сидит, смотрит ей вслед, верхняя губа у него горюет, а нижняя улыбается.

— Стойте! — Женька вынула из кармана пирожок.— Пусть хоть перекусит напоследок.

Бульдог принял угощение, ел и все поглядывал на Женьку: какая замечательная это была девушка! Особенно замечательным в ней был исходивший от этой девушки пирожок. Правда, лучше б он с мясом был, а не с повидлом!

— Собачка!.. Некусачая!..— воспользовавшись тем, что мысли бульдога и его клыкастая пасть поглощены пирожком, давай подкрадываться к нему Мочало.— Иди, Путник, гуляй. Прошу, господа удавы!.. Но-но! Ты мне смотри вырываться!.. Как бы его половчей укантрапупить?..

Стук в дверь оборвал злодейский монолог Мочалы. В рядах юных скорняков произошло замешательство.

— Кто там? — спрашивает Козявка.— Вы нам срываете репетицию!

— ВЕТЕРИНАР ВАСИН! — ответили с улицы и так замолотили в дверь, того гляди разнесут в щепы.— Сбежал взбесившийся бульдог! Сюда ведут следы! Опасно для жизни!!!

— Ноготь те дери! — Мочало попятился от бульдога.— Ноготь те дери!..

— Открой, пусть катится, ну его к черту! — сказал Грущук.

— А шапка? — спрашивает Женька.— Вы обещали! Хочу ушанку из бешеного бульдога!

— Бру-бру-бру-бру!..— Бульдог стал издавать такие звуки, словно стартующий мотоцикл. Это его «бру-бру» записать бы на пленку да и пустить через усилитель — пугать врагов нашей страны.

Сам не свой от кошмарных опасений, Мочало отпер дверь, и тут «на сцене» в черном драповом пальто с чемоданчиком и в очках без стекол появляется... Семен Семенович Хворостухин!

Бульдог Алмаз, а это был именно он, со всех ног кидается навстречу хозяину.

— А-а!! — диким голосом вопит Хворостухин.— БЕШЕНЫЙ!

Заслышав родное, до боли знакомое слово «бешеный», Алмаза в тот памятный вечер перед любительской студией «Театр в гараже» с шекспировским накалом сыграл безумие и в то же время рок, судьбу — спектакль, при виде которого зашевелились волосы и кровь остановилась в жилах.

С пылающим взором, шикарной пеной у рта он стал бросаться на кого ни попадя, ударом лапы в грудь сбил с ног Алешу Грущука, ощерившись, гонял по гаражу Козявку, пнул Рому Репина, но так, не слишком, почуял, что он тут не запевала. Главное, на редкость артистично Алмаз разбрызгивал слюну! Да что разбрызгивал! Он просто вожжи слюней развешивал повсюду, как новогодние гирлянды. Ну и немножко покусал не менее великого, чем он, актера Мочалова.

Укус пришелся Мочале в руку, не на перчатку, а в вырез «для поцелуя». И ядовитая слюна попала!.. Мочалов издал страшный вопль и опрометью вылетел из гаража.

За ним — Козявка, за Козявкою — Грущук. Один лишь Рома Репин стоял как стоял. На том же месте, где и раньше, когда они пытались или подкупить, или запугать Женьку. Возможно, он прирос к этому месту за малодушие.

Увидев, что противник в большинстве своем покинул театр военных действий, Алмаза лег, завел глаза и стал изображать умирающего лебедя. Женька обняла его и почувствовала, как его сердце стучит об ее, а ее — об его.

— Ну-ну,— сказал бульдогу Хворостухин.— Хорош! Вставай! Пора брать след!..

План действий точно был рассчитан Конопихиной. Мочало с Грущуком — мелкие сошки, от силы хищные сомы, за ними — рыба покрупнее, пират морей, китовая акула. Напуганные бешеным Алмазой, они, по Шуриному плану, ринутся прямо к главарю шайки.

Дул сильный встречный ветер. По улице, слегка освещенной лиловыми фонарями, держа, как говорится, три ноздри по ветру, скакал галопом пес Алмаз. На толстом брезентовом поводке он волочил за собой ошалевшего Хворостухина.

Семен Семенович не перебирал ногами, он скользил на галошах, будто на водных лыжах. И таким образом они развили бешеную скорость, примерно сорок километров в час.

Женька за ними еле поспевала. К погоне вроде еще кто-то примкнул. Но кто — не разглядеть в потемках.

Алмаз притормозил у блочной пятиэтажки. Первый подъезд, второй этаж. Квартира «пять» полуоткрыта. Забыли впопыхах закрыть. Алмаза, Женька, Хворостухин остановились и прислушались. Ну, следопыт Алмаз! Привел! Все слышно. Как Мочало рассиропился. Верзила в порванных перчатках, лохмотник и отрепыш, он плакал и жалобно мяукал.

— Какая муха тебя укусила?!! — спросил ужасно знакомый голос.

— О, если б муха! Бешеный бульдог!

И бедный Мочало поведал о своих злоключениях: про Женьку-наводчицу, про чертова бульдога, про роковой укус и его, Мочалы, близкую, неотвратимую погибель.

— Не смей садиться на мои брюки, ты их расплющишь! — крикнул хозяин квартиры.— Жертвы саморазоблачения! Что вы привязались к этой Путник! Она б еще сто лет шла по ложному следу! Запомните: если человек вооружен до зубов, ему незачем это демонстрировать! Иди в больницу и получи сорок уколов в живот!

— У меня ноги обмякли! — сказал Мочало.

— Я вызову «скорую».— Грущук поднял трубку.

— С ума сошел! — взревел хозяин.— А спросят, при каких обстоятельствах? И почему вы все тут? У меня? После отбоя! Вам хорошо, вы несовершеннолетние. А я?! Короче: выкручивайтесь, как знаете. И, дорогие мои... ПОБОЛЬШЕ ВРОЖДЕННОГО АРИСТОКРАТИЗМА!..

Ах, это Прораков! Как его Женька сразу не узнала! Хворостухин, она и Алмаза стояли на лестничной клетке не шевелясь и не дыша.

— «ГОРА ФУДЗИ ПОРОЮ ПОД ДОМОМ НАШИМ КОЛЫШЕТСЯ»,— продолжал Федор Васильевич спокойно, увещевающе.— Зато у вас бурная, мятежная жизнь, богатая приключениями. Не срывайте мне предстоящую поездку в Италию. Я еду в Рим по приглашению. Хочу папу римского повидать. А вам я привезу итальянские сувениры.

— Вы уходите от ответственности! — завопил Мочало.

— Да, я ухожу, мне пора на дежурство,— сказал руководитель «театральной студии», выпихивая из дома «труппу».— И чтобы никаких доносов. Моя вина недоказуема...

— Ошибаетесь! — воскликнул Хворостухин и, словно само возмездие, с Женькой и бульдогом преградил дорогу честной компании.

— Не зря мне всю ночь снились одни гиббоны.— Прораков понял, что его козни раскрыты. Глаза у Федора Васильевича бегали по сторонам, однако с явно напускным хладнокровием он вынул из нагрудного кармана зубочистку, использовал ее по назначению, положил обратно и спросил:

— Этот бульдог?

— Этот,— сказал Мочало.

— Этот ветеринар?

— Этот.

— Ликуй, Мочалов, ты не взбесишься. Каким-то непонятным образом жизнь победила смерть. Вас разыграли. Под видом бульдога вам подложили свинью,— сказал Федор Васильевич, он был одет в поддевку из бурого сукна, сам бледный, как граф Монте-Кристо.— Вы что, все слышали? — спросил он Семена Семеновича.

— Все, до последнего слова!

— Тогда посоветуйте,— говорит Прораков,— как бы нам вывернуться из беды без особой мотни. За вознаграждение, конечно! Прораков второй раз не предлагает. Советую от души. Соглашайтесь! ЕСЛИ ВЫ НЕ КАМИКАДЗЕ!!! — С этими словами молниеносно — Женька ахнуть не успела, Алмаз опешил — Прораков хвать Хворостухина за грудки, втащил в квартиру! Силами всего «театрального коллектива» они уже почти закрыли дверь... Проклял бы Семен Хворостухин тот день и час, когда очертя голову дал согласие Женьке принять участие в разоблачении мошенников!..

Но вдруг — откуда ни возьмись — огромная стопа сорок четвертого — сорок пятого размера в сильно поношенном туристском ботинке встала между дверью и дверным косяком.

С той стороны вся шатия-братия поднавалилась на дверь, однако сквозь наш туристский ботинок ноге не причинить вреда и под гидравлическим прессом.

— ТОВАРИЩ ПРИДОРОГИН!!! — вскричала Женька.— Какими судьбами??

— Я здесь проездом,— отвечал он, не убирая ноги.— По делам организации.

— Фима! Ты? Друг!!! — полупридушенным голосом с той стороны баррикады позвал Хворостухин.

— Сема! Я здесь! Не бойся! Ни один волос не упадет с твоей головы.

— У него их и нет почти,— съязвил Прораков. Это было правдой.

— Ну ты, подарок папе римскому! — парировал Придорогин.— Хороший человек в Слизневке увидит больше достопримечательностей, чем ты в Риме. Стрекулист!

— Какого дьявола?!!

— Пусти Сему!..

И тут явился Витя Паничкин. В тот вечер он дежурил по спальням. И зашел узнать, в чем дело, почему Прораков не идет в интернат укладывать людей спать. И застает вышеописанную картину.

Понадобилось какое-то время, пока он понял, что к чему, освоился в обществе Алмазы и только тогда — не к чести Паничкина будет сказано — с удовольствием стал оскорблять Проракова обидными речами.

Он вспомнил, как копил на шапку, какую уйму денег ухнул, как у него ее украли, все муки вспомнил, все страдания...

— Вы спекулянт, Федор Васильевич! — бросил в дверную щель Витя.— Закостенелый!

— От закостенелого слышу! — огрызнулся Прораков.

— А вы, Федор Василич, живодер!

— А ты косноязыкий!

Витя раздул ноздри, свидетельствовавшие о его свободном духе, и выпалил:

— А вы жулик! Я всегда знал! На деньги смотрит жаркими глазами. Раз в ботинках новых приходит — кремовых, остроносых!.. Я ему: «Федор Васильевич! Где ботинки брали?» А он молчит. Не отвечает. ХОЧЕТ, ЧТОБ У НЕГО ТОЛЬКО ТАКИЕ БЫЛИ. Стиляга. А я, дурак, ему сумки таскал! С ворованными продуктами. Со школьной кухни! Мы ведь с ним рядом живем. «Занеси да занеси! А то за ночь истухнут!..» И поцеловал меня один раз. Это поцелуй Иуды!!!

— Я не соображал, что делал! Я был в нетрезвом состоянии!!! — крикнул Прораков.

— Фиг вы меня еще поцелуете!

— Очень надо!!!

— Милиционер! — закричал Витя Паничкин, так и норовя покрыть себя неувядаемой славой борца против нетрудовых доходов.— Милиционер!

Прямо скажем, подоспевший милиционер оказался кстати. Прораков быстро потерял свою твердокаменность, пустил Хворостухина к Придо-

рогину и вышел сдаваться. Он, правда, разглагольствовал и хорохорился, делал высокопарные заявления типа: «Как говорил художник Сезанн, я вам не дам себя закрючить!» Но видно было, что их шайка разбита наголову.

За ним плелись собачьи бизнесмены: понурый Грущук, непросветленный Козявка и каратист Мочало, который сам уже не знал, чему радоваться, а чего пугаться. На всякий случай он держался подальше от доблестного защитника собак Алмазы.

Милиционер-заочник составил протокол и както сконфуженно сказал Женьке:

— Ну вот, объект обезврежен. Хотя б дальнейшее кровопролитье мы остановили.

Прораков шел, бросая на всех испепеляющие взгляды. Никто, наверное, не пожелал бы взглянуть на мир его глазами. Спина широкая, как дверь. И он сказал перед отъездом:

— Вернусь домой, куплю себе собачку таксу и обрету таким образом душевное равновесие.

Глава 8. Не наступите на жука

Летним утром в Орехово-Борисове по многолюдной улице мимо кинотеатра шел жук. Сухой, как шелуха от семечки, под крыльями немного пошевеливая полосатенькой спиной.

Жуки — это же вообще очень крепкие существа, сами с усами, энергией так и пышут. И все-таки мало ли, на всякий случай рядом с ним шагал парень лет семи. Он жука и взять боялся, и бросить. Поэтому просто шел рядом и повторял:

— Осторожно! Не наступите на жука!..

И точно как с жуком, мне кажется, обстоят дела с Землей и с человеком. Тем более они похожи друг на друга, Земля и человек: у них есть тело — оболочка и магма — любящая душа.

А может, Придорогин прав и основная мысль земная совсем не в человеке? А в дереве. Или в птице. Не важно!

Я, говорит Фима, понятия не имею, по какой причине вымерли динозавры. Но отчего все вокруг может пожухнуть — догадываюсь. И я буду, Сема (это Придорогин говорил Хворостухину), ПРОТИВОСТОЯТЬ! Не знаю, как другим,— есть ли перед кем держать ответ, а у нас с тобой — собаки. Мы, Сема, собаководы, должны думать, какой будет Земля и будет ли она вообще!

Из этих соображений два друга, Придорогин и Хворостухин, лично проследили, чтобы Прораков не улизнул от правосудия.

Проракова с треском уволили из интерната и из оперетты, передали дело в суд — пусть не за жестокость, раз не было такого закона, но за спекуляцию и за привлечение малолетних Мочал.

Главное, чего они добились,— это сурового общественного порицания. Плюс того, что Прораков той весной не поехал в Рим.

А с Мочалами никакого разбора не произошло. Поскольку в тот час, на который назначили всеинтернатское собрание с представителями роно, гороно и милиционерами, Григорий Максович Бекштейн улетел на воздушном шаре.

Да-да, на том самом, который тогда не надулся, а теперь надулся. Старухи в ватниках, пилоты, газовщики удерживали аэростат за тросы да еще на петли навесили балластные мешки. А он шагнул в корзину без всякого парашюта.

Это увидел первым Фред. В актовом зале, где мы собрались, был спертый воздух. И Галина Семеновна попросила Фреда Отуко открыть фрамугу.

Фред распахнул ее, потянулся.

— Я РУССКИЙ БОГАТЫРЬ! — сказал.

И вдруг увидел.

Все повскакали с мест: и мы, и представители, и милиционеры, вскочил «Театр в гараже» со «скамьи подсудимых»... Неразбериха, тарарам!..

Мы облепили окна, мы кричали, размахивали руками. Но он не слышал.

Минуту назад Рома и Женька видели его в классе. Он сидел за учительским столом. Взгляд у него был расфокусированный. А на столе — полный пакет мятных пряников. Григорий Максович любил пряники. Но этот пакет — нетронутый,— он там и теперь. Еще Женька заметила: Григорий Максович свою футболку с ярчайшей надписью на груди «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ!» пустил на тряпочки — вытирать доску.

— Хотите что-нибудь сказать — скажите...

Но Рома с Женькой промолчали.

А он сказал:

— Я БЫ ХОТЕЛ БЫТЬ ВЕСЕЛОЙ, СЧАСТЛИВОЙ СОБАКОЙ.

...Что со мной? Разве это возможно? Не просто вспомнить, а очутиться в той зиме, в том актовом зале!

Сколько всего произойдет! Наши вырастут. Кто был никем, как поется в песне, станет всем. Мочало женится, остепенится, выучится битве на двуручных мечах и будет передавать свой опыт молодежи.

Фред станет скульптором, уедет в Кению, мы

ВНИМАНИЕ

В результате жеребьевки определены «победители среди победителей» в игре «Календарь-закладка». Их по условиям II тура (см. «Пионер» № 4) 10 человек.

Итак, победителями стали: АНДРОНОВА Наташа, село Атаманово Новокузнецкого района Кемеровской области; БОБРОВ Вадим, Минск; ВОЛОДИНА Алина, Новосибирск; ДОЛГОВА Оля, Казань; КАЗАКОВА Лариса, Алма-Ата; ЛЕМАЕВ Саша, Дзержинск Горьковской области; ЛУКЬЯНОВА Марина, Мурманск; НИКОЛАЕВА Олеся, Апрелевка Московской области; СЫЧЕВА Ира, поселок Волосово Ленинградской области; ШУСТЕР Лариса, Шепетовка Хмельницкой области.

Просим не расстраиваться тех, кто правильно угадал все номера, но не прошел заключительного тура игры. Убеждены: удача улыбнется вам в следующий раз!

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

никогда больше не встретимся; Козявка — химиком, прославленным изобретателем ядохимикатов; Рома Репин — инструктором райкома комсомола; Шура — тихой-тихой программисткой НИИ.

Раз в поезде Женька увидит сапог. Он так будет надраен — в сапоге вид из окна весь отразится! Носителем сапога окажется бравый лейтенант артиллерии, в ком Женька узнает известного аккуратиста Алешу Грущука...

Давид Георгиевич Водовозов, обзаведясь новой семьей, поселится в одном доме с Женькой. На том же этаже, на той же лестничной площадке. Верка к тому времени давно уж отбудет в дальние страны к неведомым берегам.

Однажды Женька с ним поедет в лифте, он не узнает ее — столько лет пройдет! А она спросит:

— Как Вера?

— Какая Вера? — обернется Давид Григорьевич.

— Вы папа Веры Водовозовой.

Последует трехэтажное молчание.

— Нет,— скажет Водовозов. И первым выйдет из лифта, постаревший, с сутулой спиной.

«Как хорошо не знать своей судьбы!..»

Пока мы здесь вместе — в интернате — в кругу представителей ведомств и милиционеров, стоим на подоконниках, прижав горячие носы к подмерзшим стеклам.

Воздушный шар, то есть не шар, аэростат «колбасу» отпустили. Солнечнобокий, сияющий, он проплывает у наших окон.

В желтой корзине из ивового прута от нас улетал Учитель и глядел с укоризной. Что грозные педсоветы, суды и собрания, что протокол, что святой Уголовный кодекс?!! Разве они прольют свет на то, что хорошо, что плохо, что можно и чего нельзя, как он сделал, исчезая в синеве?

А Оловянникова глядит и не верит, что вообще такое возможно.

— Ноготь те дери! — вопит Мочало в щель фрамуги.— Григорий Максыч! Не улетай!

А он все выше, он постепенно превращается в точку. И невозможно смотреть на него из-за солнца.

Когда солнце скрылось, ничего не видно было на небосводе.

Метеорологи, пилоты, аэроинженеры, старушки отложили капитанские бинокли, поели картошки с огурцами, попили чаю, без лишней суеты погрузили баллоны, такелажные сундуки, корабельные тросы, крючья, шланг, металлические штопоры, сели в «ГАЗ-69» и уехали.

Вредные советы

Если в классе, на уроке
Вам захочется заняться
Чем-нибудь полезным очень,
Например, поесть конфет,
Вы учителю скажите:
«Перестаньте издеваться!»
Он, сраженный речью грозной,
Будет долго вас хвалить.
Ну, а вы берите смело
Свой портфель и выходите.
В коридоре вы спокойно
Дожуете шоколад.

(Это совет
Сергея и Алексея Бобровых.)

* * *

Если ты пятерку хочешь,
Но не выучил урок,
То не сразу к педагогу
Рэкетира посылай!
Ты проверь: а вдруг учитель
Знает тайны ТЭКВОНДО?
Если знает, то придется,
Видно, выучить урок!

(Советует Алексей Гуськов.)

* * *

Если вы найдете спички,
То момента не теряйте:
Подожгите вы квартиру
И примитесь за гараж:
Там ведь папина машина.
То-то здорово шарахнет!
И скажите всем, что это —
Пионерский ваш костер!

* * *

Если рано-рано утром
Неохота просыпаться,
И вставать, и одеваться,
В школу на урок идти,
Продолжайте спать спокойно,
А про школу позабудьте!
Как проснетесь, так идите
Сразу в видеосалон.

* * *

Если выдали учебник
Вам в ужасном состояньи,
Вы ничуть не огорчайтесь:
Можно делать самолеты,
Корабли, «лягушки», бомбы,
Также многое другое
Из учебника листков!

(Эти советы прислал нам некто
под псевдонимом «Одиночка».)

МАЙ

Пн		7	14	21	28
Вт	1	8	15	22	29
Ср	2	9	16	23	30
Чт	3	10	17	24	31
Пт	4	11	18	25	
Сб	5	12	19	26	
Вс	6	13	20	27	

Это паровоз серии ФДп. Большие буквы означают: «Феликс Дзержинский». Маленькая «п» определяет, что паровоз данной серии водит пассажирские составы. Значит, и скорость у него должна быть соответствующая. Так и есть: даже по нынешним временам она немалая — 115 километров в час. Выпускались эти паровозы начиная со второй половины 30-х годов.

Тридцать кун за чудо-зверя

Валентин РИЧ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Машина времени

Глава 1. СЧАСТЛИВАЯ НАХОДКА

В середине прошлого столетия в Петербурге два архивных служителя разбирали старинные книги. В одном судебном сборнике они обнаружили текст, относящийся ко времени Александра Невского. Прошло больше века. Отрывок из этой книги, в котором говорится о том, кого, как и за что судили в те далекие времена, попался на глаза мне. Я прочел этот отрывок и понял: передо мной машина времени, с помощью которой можно попасть в Древнюю Русь.

Хочешь, отправимся в путешествие немедленно? Тогда читай:

За голуб Ѳ̃ коун. За утку л̃ коун. За гус л̃ коун. За лебед л̃ коун. За жерв л̃ кун. За кошку г̃ гривны. За собак г̃ грив. За кобыл ζ кун. За вол г̃ грив. За коров м̃ кун. За третак л̃ кун. За лонщин пол грив. За тел є̃ кун. За борн ногата. За порс ногот. За овцу є̃ кун. За жребца гривн. За жрб ѕ̃ ногот. Передни идет а заднии что наидет не дьлитьс с передним а передни делитьс з задним.

«Ну и что? — скажешь ты.— Какая-то галиматья, а не машина». Не торопись с выводами. Жившие в XIII веке наши прапрадедушки и прапрабабушки говорили и писали не совсем так, как мы сейчас.

Прочитаем еще разок. Не кажется ли тебе, что текст явно делится на две части? В первой говорится о штрафах, которые полагалось уплачивать за кражу. Во второй — о дележке каких-то передних с какими-то задними. Вторую часть пока оставим в покое и займемся расшифровкой первой — про штраф.

И тут же возникают два вопроса. Один: сколько надо было платить? Другой: за кого?

На вопрос «Сколько?» прапрапредок отвечает:

— Ѳ̃ коун, л̃ коун, л̃ коун, л̃ коун, г̃ гривны, г̃ грив, ζ кун, г̃ грив, м̃ кун, л̃ кун, пол грив, є̃ кун, ногата, ногот, є̃ кун, гривн, ѕ̃ ногот.

На вопрос: «За кого?»:

— За голубя, за утку, за гуся, за лебедя, за жерв, за кошку, за собаку, за кобылу, за вола, за корову, за третак, за лонщин, за теленка, за борн, за порс, за овцу, за жеребца, за жрб.

Он-то ответил, да как нам все это понимать?

Глава 2. ВСЕ ПОЗНАЕТСЯ В СРАВНЕНИИ

Более понятным кажется ответ на второй вопрос: за кого? Сначала идут птицы — голубь, утка, гусь, лебедь. Потом какой-то жерв. Потом кошка с собакой. Потом кобыла. Потом коровье племя, среди которого затесались какие-то третак с лонщин. Потом скотинка помельче — борн (очевидно, баран), порс (очевидно, поросенок) и овца. Завершают список оставшие от кобылы жеребец и жрб (очевидно, жеребенок). Так что выводить на чистую воду тут надо всего трех таинственных персонажей: жерва, третака, лонщина. Не так уж много!

Расположенный между птицами и кошкой жерв мог быть либо птицей, либо животным. Но единственные домашние животные, название которых начинается с буквы «ж», это жеребец и жеребенок. А они уже есть в списке. Может быть, писец ошибся, упомянул кого-то из них дважды? Но тогда бы он написал не «жерв», а «жерб». И потом — за жерв штраф исчислен в кунах, за жеребца — в гривнах, за жеребенка — в ногатах. Увы, это три разных персонажа...

Какое же еще животное начинается с буквы «ж»? Жаба, жираф, желтопузик... Единственный хоть сколько-нибудь возможный претендент — жираф — живет, к сожалению, в Африке. И еще: все остальные животные в списке домашние, а жираф на скотном дворе — чужак. Выходит, что животного из жерв не получается. Не беда, поищем его среди птиц.

В древнем тексте сперва идет сравнительно небольшой голубь, за ним птица побольше — утка, за ней еще более крупный гусь, дальше еще более крупный лебедь. Значит, жерв должен быть больше лебедя. На территории Древней Руси таких птиц было три: цапля, аист и... журавль.

Неужели это он — журажура-журавель, журавушка дорогой? Пожалуй, другой кандидатуры не найти. И рост подходит, и имя. Жерв, жервь, жеравь, журавль — похоже!

Будем считать, что одна загадка разгадана.

Принимаемся за следующую. «Вол, корова, третак, лонщин, теленок». Похоже, что тут писец сменил порядок, принятый им для птиц, на противоположный: все начинается с самого большого существа. А кончается теленком. Кто же в таком случае находится между взрослыми родителями и их маленьким детенышем? Дети повзрослее? То есть телка или бычок? Других наименований, чем теленок, для более взрослых коровьих отпрысков как будто бы нет.

Но это у нас. А как было у наших прапрапредков?

С этим вопросом можно обра-

титься к знатокам русской старины, и в первую очередь к Владимиру Ивановичу Далю. Он жил в прошлом веке и всю жизнь записывал слова, которыми пользовались люди самых разных краев обширной Российской империи. Эти слова вошли в составленный им «Толковый словарь живого великорусского языка». «Толковый» — потому что каждое слово там растолковано. «Живого» — потому что в словарь вошли слова, которые при Дале еще употреблялись в живой речи.

Помнил ли тогда русский крестьянин стародавние наименования подростков коровьего племени или уже забыл?

Смотрим у Даля слова на букву «л». «Ло», «Лон»... Есть! «Лонись» — в прошедшем году. «Лонщина» — жеребенок или бычок на втором году жизни.

Но если так, то, по всей вероятности, «третак» — то же самое животное, только на третьем году жизни. Что скажет Даль? Так и есть!

Итак, с одним ответом прапрапредка дело начинает проясняться. За кого в Древней Руси полагалось платить штраф? За голубя, за утку, за гуся, за лебедя, за журавля, за конское поголовье, за вола, за корову и ее разновозрастное потомство, за барашка, за овечку, за поросенка, за кошку с собакой.

Понять бы теперь, что скрывается за вторым ответом...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Приехали!

Глава 1. СЧИТАЕМ ПО-СТАРОСЛАВЯНСКИ

Мы расшифровали названия животных и птиц, и древний текст можно теперь читать, не спотыкаясь на каждом слове. Особенно если предположить, что «коун, коун, кун, кун» — одно и то же. И «гривны, грив, гривы» — одно и то же. И «ногата», «ногот» — одно и то же. Так уж писали тогдашние писцы — где с ошибкой, где с сокращением, а звук «у» изображали двумя разными способами.

Итак: «За голубя Ѳ кун. За утку л̃ кун, за гуся л̃ кун, за лебедя л̃ кун, за журавля л̃ кун, за кошку г̃ гривны, за собаку г̃ гривны, за кобылу ζ кун, за вола г̃ гривны, за корову м̃ кун, за двухлетнюю телку л̃ кун, за годовалую телку полгривны, за теленка є̃ кун, за барана ногата, за поросенка ногата, за овцу є̃ кун, за жеребца гривна, за жеребенка ѕ̃ ногат».

Ясно, что старославянскими буквами, среди которых затесалась и греческая, обозначены числа. Чтобы не путаться, где буква, а где цифра, славяне ставили над цифрами особую закорючку. Значит, теперь нам необходимо выяснить, какими цифрами являются буквы в тексте. Хочешь узнать, например, сколько кун стоил голубь, выясни, какой цифрой была для нашего прапрадедушки старославянская буква л — «люди». Хочешь прицениться к кошке — разгадай, какой цифрой была буква г — «глаголь». А сколько ногат давали за кобылу, узнаешь, переведя в цифру греческую букву ζ — «кси». Сложновато, конечно, но что поделать!

Снова обратимся к знатокам: «Энциклопедическому словарю» под редакцией Брокгауза и Эфрона. Заглянешь в него — и сразу буквы с закорючками превратятся в нормальные цифры, а текст станет почти понятным: «За голубя 9 кун, за утку 30 кун, за гуся 30 кун, за лебедя 30 кун, за журавля 30 кун, за кошку 3 гривны, за собаку 3 гривны, за кобылу 60 кун, за вола 3 гривны, за корову 40 кун, за двухлетнюю телку 30 кун, за годовалую телку полгривны, за теленка 5 кун, за барана ногата, за поросенка ногата, за овцу 5 кун, за жеребца гривна, за жеребенка 6 ногат».

Еще один шаг, и мы — в Древней Руси. Узнаем, что такое гривна, куна, ногата,— и все.

Глава 2. ГРИВНА, КУНА И НОГАТА

Что это какие-то деньги, вроде бы ясно. Но какие именно?

У нас есть рубли и копейки. А как было полтыщи лет назад? Если гривна — древний рубль, а куна — древняя копейка, тогда что такое ногата? И какое странное название — «ногата»! Да и «куна» — тоже странное...

Откуда они взялись? Прикинем известные названия денег. Польский злотый — золото. Шведская крона — ясное дело, корона, королевский герб, оттиснутый на монете. Болгарский лев — он и есть лев, тоже герб. Английский фунт стерлингов — наверно, фунт серебра... В общем, все это кусочки драгоценного металла определенного веса. Славянские же племена и предки нынешних финнов, эстонцев металлическими деньгами не пользовались. Вместо монет в ходу была пушнина. Самыми мелкими деньгами были шкурки белок (их называли векшами), более крупными — шкуры соболей и куниц (вот откуда куны), а самыми крупными деньгами — лисьи, волчьи и медвежьи меха (их называли «ногата» — по-эстонски это слово и сейчас означает «мех»).

Но чтобы расплатиться за нечто более ценное, чем утка, гусь, баран или жеребенок, уже и лисьи и медвежьи шкуры не очень-то годились. Представь: за трех жеребят надо заплатить восемнадцать лисьих шкур. А если у тебя только медвежьи? Какой груз придется тащить к продавцу!

Вот и появились еще одни деньги — гривны.

Когда-то так называли ожерелья. От древнего слова «грива», которым сейчас называют волосы на конской шее, а когда-то просто шею — хоть конскую, хоть человеческую.

Наиболее ценные ожерелья делали из серебра, иногда даже из золота. И такими ожерельями расплачивались за самые ценные покупки. А потом для торговли стали отливать металлические бруски примерно в полфунта. Золотой брусок называли «гривна золота», серебряный — просто «гривна». Так что упоминаемая в нашем тексте гривна — это полфунта, или, по-современному, приблизительно 200 граммов серебра.

Гривну делили на 20 ногат. То есть в ногате было около 10 граммов серебра.

А если ту же гривну разделить на 50 равных частей, то получались четырехграммовые дольки — это и были куны.

Меньше куны была только векша. Если на одну чашу весов бросали куну, то для равновесия на другую чашу приходилось бросать 20 векш.

В нашем тексте векши не упоминаются вовсе. Значит, прапрадеды ценили всех домашних птиц и животных достаточно высоко. Немного потрудившись, ты узнаешь, на какое количество драгоценного металла тянули все поименованные в тексте существа. Выстроив их в ряд, начиная от самых дешевых, получишь: поросенок, баран — 10 граммов серебра, овца, теленок — 20, голубь — 36, жеребенок — 60, годовалая телка — 100, двухлетняя телка, утка, гусь, лебедь, журавль — 120, корова — 160, жеребец — 200, кобыла — 240, вол, собака, кошка — 600 граммов серебра.

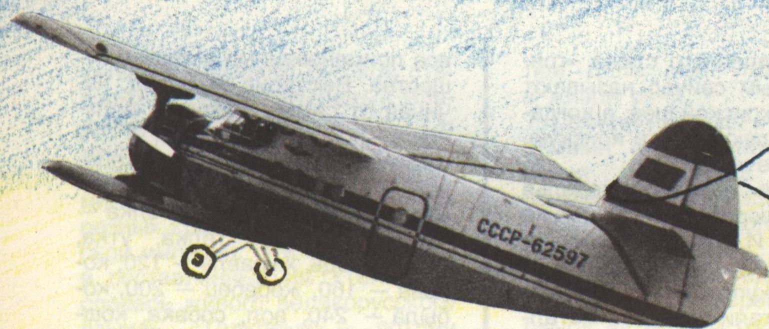
Пока мы расшифровывали, подсчитывали, выстраивали, нам некогда было задумываться над тем, что получается. Но теперь, когда появилась возможность окинуть все это одним взглядом, стало ясно: приехали! Машина времени привезла нас в поразительную страну. Кошку тут ценят дороже коня. Голубя можно выменять на трех поросят или трех баранов. В птичнике среди домашних птиц разгуливает журавль.

Но больше всего поражает, пожалуй, то, что чемпионами по ценности в этой стране оказались три существа, совершенно не сопоставимые ни по величине, ни по значению: вол, собака, кошка.

Почему? Почему? Почему? Почему именно эта тройка опередила всех остальных участников состязаний, да еще с таким громадным отрывом?

Окончание на стр. 45.

Марина МАТВЕЕВА

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦЕНТР СТРАНЫ

В газете читаю: ОПРЕДЕЛЕН ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР СТРАНЫ! На пересечении самой северной точки нашей державы, самой южной, самой западной и самой восточной получены координаты: 58 градусов 29 минут 30 секунд северной широты и 105 градусов 19 минут 15 секунд восточной долготы. Ближайший населенный пункт — деревня Токма, расположенная на реке Непе в Катангском районе Иркутской области.

«Вот это да! Центр страны...— подумала я, отложив газету.— Пуп земли нашей. Как-то он смотрится с дальней периферии, из города Москвы?» И, раскрыв карту Сибири, поползла искать по параллелям и меридианам знаменитую точку.

«Надо слетать туда. И рассказать читателям журнала, как живут люди в самом центре».

Так началось это путешествие. В Москве тогда стояли солнечные осенние дни. Народ гулял по улицам легко одетый. А я нарядилась в шубу и теплые литые сапоги. Ведь там, в Сибири, за пять часовых поясов от столицы, по прогнозам, уже была зима.

Первая остановка

До Киренска добралась без проблем. Только на последнем перелете — из Иркутска — уж очень хотелось спать, так как по московскому времени была глубокая ночь. А вот в Киренске я застряла.

Секретарь райкома комсомола Саша Солодов, встретивший меня в аэропорту, все пытался выяснить, дадут самолет на Токму или нет. А я, сидя в комитете комсомола аэропорта, где меня временно разместил Саша, изо всех сил боролась со сном и рассеянно вслушивалась в объявления диспетчера. Диспетчер усталым голосом заявлял, что самолеты летят в Ербогачен, в Бодайбо, все склонял город со странным названием Мама...

А Токма нас не принимала, над Токмой зависла плохая погода.

— Алеша Ко́зел — опытный летчик, Алеша сегодня в Токму не полетит. Да ты пойми, там никаких ориентиров нет, глазу не за что зацепиться,— говорил Володя Сафонов.

Володя тоже летчик и тоже Киренского авиаотряда. Только он был в тот день свободен от полетов и случайно заглянул в комитет комсомола.

— Я для ее репортажа заголовок придумал: «За сутки до центра страны». А не получилось за сутки,— сокрушался Саша Солодов.— Видно, придется ей в Киренске ночевать.

— Не горюйте,— обратился теперь уже ко мне Володя,— зато Киренск посмотрите. Хотите, я вам щенка подарю? У меня лайка ощенилась. Замечательная лайка. Я ее из Якутии привез. Только там еще можно найти настоящую охотничью лайку.

Я представила настоящую сибирскую лайку с густой шерстью, острым носом и баранкой вместо хвоста. Которую никогда не пускают в дом, иначе потеряет чутье и не сможет выдерживать пятидесятиградусные морозы, которую кормят свежим мясом только что убитого соболя или белки и которая ни за что не испортит шкурки ценного зверя, пока несет его в зубах хозяину... И как эта лайка будет жить у меня в Москве, на 14-м этаже, и по 10 часов тосковать, пока я не приду с работы...

Нет, я не мучитель. Не надо мне щенка от замечательной охотничьей лайки. Но раз уж в Токму за сутки не добраться, я согласна соснуть часок-другой в единственной киренской гостинице «Север», а потом посмотреть этот город на острове, город-порт на реке Лене, город ссыльных декабристов и известных в прошлом купцов — торговцев пушниной и алмазами.

Знакомьтесь — Токма

Господи, как трясет в самолете АН-2, просто душу выворачивает! Как будто едешь в телеге по разбитой проселочной дороге. Вот почему Алеша Козел не хотел лететь. Оказывается, эта машина так чувствительна к ветру.

А за окошком — тайга, тайга, тайга. Низко летим, все видно. Только смотреть неудобно: все семь пассажиров, мы сидим вдоль бортов, спиной к окнам.

Час мучительного лета, и вот уже видна река, дома на берегу, поляна и на краю ее мачта с флагом, предупредительный летчику знак: то не луг или поле, то аэродром.

Наконец-то я в Токме.

Итак, знакомьтесь. Деревня, ближайшая к центру страны. Здесь живет почти двести человек. Больше русских, эвенков, коренных жителей, мало. Есть школа и 37 учеников. Есть ясли-сад, больница с одним врачом, есть почта — она же и сберкасса. Есть клуб, где крутят каждый день кино. Библиотека. Два магазина — «Продукты» и «Промтовары», пекарня — тут пекут свой хлеб, есть ферма — там сейчас стоят всего 12 дойных коров и их телята, контора коопзверопромхоза, куда охотники сдают пушнину, рыбу, ягоды, где получают план по заготовке дров и сена.

Да, есть движок, он работает на солярке и освещает дома электричеством. Но только с 6 до 11 вечера. И то лишь последние два года. А до этого в ходу здесь были керосиновые лампы. Ими пользуются и сейчас, по утрам и в сумерки вечером, до шести.

Раз в год по весне, в половодье, в Токму приходит баржа с товарами. Стоит два-три дня, выгружается. То-то праздник! А так вся связь с миром — самолетами. До соседней деревни 105 километров по воздуху, до ближайших двух городов — час лету.

На единственной длинной улице Токмы — деревянный тротуар. Вечерами тут ходят в клуб или в гости с фонариками. А меж домов бродят, из-под первого снега щиплют жухлую травку лохматые кудрявые коровы.

В гостях у бабушки Степаниды

Бабушка Степанида старенькая, ей глубоко за восемьдесят. Она сидит на кровати и давнишнюю жизнь вспоминает.

Попала она в Токму в 27-м году. Замуж сюда вышла. Тогда Токму и деревней нельзя было назвать — два дома на том берегу да несколько на этом. Тут был «Госторг». Так назывались склады, куда кочующие эвенки свозили пушнину в обмен на муку, сахар, чай, табак, бисер и стеклярус. Бисером эвенкийские женщины расшивали куртки из меха — парки.

Муж Степаниды, Андриан Федорович, был охотником. Его отец, политический ссыльный, родом с Волги, попал сюда еще при царе. Поставил тут на ноги сыновей. Хозяйство завел: сеял рожь, ячмень, сажал картошку, держал коров, свиней... Это сейчас говорят, что хлеб в здешних краях вызреть не может. А раньше вызревал. И Степанида с мужем так жили — работали не покладая рук. Но покатилась по стране волна раскулачивания работящих да сметливых крестьян, накрыла и их. Приехал из Киренска уполномоченный, первым делом надел носки самовязаные да сапоги, что Степанида приготовила мужу, а потом описал все их хозяйство: и коров, и свиней, и собак, и дом. И пришлось Степаниде с мужем уехать к ее родителям, в Марково. Это километров сто пятьдесят от Токмы, по хребту да через тайгу. Тогда еще дороги меж деревнями были, зимой по ним на санях ездили, летом верхом на лошадях. Это сейчас все дороги заросли.

...А потом забрали Андриана Федоровича, и вернулся он из тюрьмы перед самой войной, избитый да еле живой.

Опять поселились в Токме, избенку построили, детей растили, муж охотился. Раньше тут белок было много, хорьков, горнаков. (Что это за зверь такой, я все не могла понять, пока не увидела его чучела. Маленького белого горностая с черным пятнышком на хвосте.) А соболей тут совсем не было. Соболи позже пришли и всех хорьков и горнаков поели...

Вокруг кочевых эвенков много жило. Их русские тунгусами звали. Они оленей держали и тоже охотились, а их жены мяли шкуры, шили парки, верхонки — меховые рукавицы и алочи — сапоги из камасов, из шкуры с лосиных ног.

А сейчас шкуры никто не мнет — трудно. И эвенки больше не кочуют — поселились в избах. Как колхозы стали создавать — распустили стада оленей, одичали олени в тайге, кто говорит — их в войну люди съели, кто говорит — горела тайга, сгорел и ягель — олений корм, только нет сейчас в округе оленей.

«И-и, матушка, трудная была жизнь»,— заключает бабушка Степанида. Тут бы ей помянуть бога да перекреститься на образа. Но в красном углу нет иконы, там телевизор. И бабушка мнет, зажигает которую уже за вечер сигарету.

Эвенки

Майе все хотелось рассказать, как ее на фольклорном празднике для телевидения снимали. А я не хотела про телевидение слушать, я про житье-бытье эвенков спрашивала.

Родители Майи умерли рано. Жила она с бабкой. Бабка звала ее Топоркан — мышка. Бабка курила трубку и охотилась до 60 лет. Когда-то, сказывала бабка, было у их семьи стадо в 300 оленей. Они кочевали и жили в чумах. Зимний чум строили из еловой коры, летний — из бересты. Костер разводили прямо в чуме. В золе пекли пресняки — лепешки из пресного теста. Заваривали чай из листьев брусники. А самым сладким лакомством считалось оленье молоко с голубикой.

Когда перегоняли стадо с пастбища на пастбище, весь скарб навьючивали на оленей. И зыбку с маленькой Топоркан привязывали к оленьей спине. Порой после длинного перехода недосчитывались нескольких молодых оленей, их по дороге утаскивали волки. «Так и меня могли утащить вместе с оленем»,— волновалась Майя, слушая бабкины рассказы. «Нет, мы тебя к сильному оленю привязывали»,— успокаивала бабушка.

Ни легенд эвенкийских Майя не помнит, ни обрядов. Нет у нее расшитой парки, чтобы надеть ее хотя бы в праздник. И с дочерью на эвенкийском она дома не говорит. Только вот родные песни знает. Потому и ездила на фольклорный праздник.

И другие эвенки так живут. Перестали кочевать, поселились в избах. Переженились с русскими, язык свой забывать стали, обычаи.

А тут эвенков, которые живут в Токме и в соседних деревнях, чуть было последнего исконного промысла не лишили — охоты. Родилась в государственных головах идея: заготавливать здесь лес. А чего вроде бы не рубить? Леса много — тайга. Но, прежде чем ели на целлюлозный комбинат вывозить, надо дороги проложить, значит, техники нагонят целый парк, людей навезут, поселки для них построят... В общем, распугают зверя, и уйдет отсюда соболь навсегда.

Лес свести быстро. А вот восстанавливать как? Тут два метра вглубь — и вечная мерзлота. Новый лес не 20—30 лет подниматься станет, а все 100—150. Леса не будет — реки обмелеют, рыба пропадет... А в здешний магазин мясо не привозят. Уток себе не настреляешь, рыбки не наловишь — и есть нечего. В общем, что тогда делать охотникам, и эвенкам, и русским?

И стали охотники письма писать в палату национальностей Верховного Совета СССР. Комиссия за комиссией поехали в Токму. Все просчитывали да прикидывали: рубить или не рубить?

Вроде отстояли охотники лес.

Если бы да кабы...

А соболь тут водится редкостный, баргузинский.

Я в конторе шкурки видела. Петр Валентинович, он принимает их у охотников, взял одну высушенную, вывернутую мездрой наружу и — раз — ножницами разрезал брюшко, чтобы показать мне, какой красивый мех на спинке. Потом — раз — разрезал другую шкурку, где мех был светлее. Я так и ахнула: жалко портить! Но Петр Валентинович успокоил: ему по инструкции разрешено так проверять сортность.

Главное, что Токма дает стране,— это мех. У каждого охотника зверопромхоза, а почти все мужчины деревни профессиональные охотники, есть свой участок в тайге. С октября и до конца года, а иногда и пару месяцев следующего, живет он в лесу и стреляет зверя. Есть у него примерный план — сколько каких шкурок надо сдать, но и сам он смотрит, как бы всего зверя не выбить. Участок-то один и тот же из года в год, значит, сам видишь, сколько оставить и соболей, и белок, и зайцев на развод.

Выгодней всего, конечно, добыть соболя. За баргузинского, да если шкурка без дефектов, охотник может получить 200 рублей. План у него — 10—15 соболей за сезон. Белок каждый охотник бьет по 200—300 штук. Чуть больше трех рублей стоит беличья шкурка. Две сотни шкурок ондатр сдает. И столько же зайцев...

...Вот я пишу, и очень мне жалко белок. Я видела их только в городах, где белка — ручной зверек. И сколько же их надо набить, таких веселых, юрких, красивых, чтобы из их хвостов сшить хотя бы одну шубу?! Эх, человек, человек...

А летом охотники сдают зоопромхозу ягоды, рыбу, косят сено, заготавливают дрова. И в итоге на круг получают хорошие деньги.

Вроде благодать? И план по меху перевыполняют, и рыбы в реке много, и ягод-грибов вокруг... Только где же эти меха в магазинах, раз уж загубил человек столько зверья? На каком прилавке вы видели хорошую рыбу да клюкву и морошку, например?

А меха гниют на базах. Сухим, плохо обезжиренным шкуркам стоит полежать 2 месяца в тепле и на свету — и они сгорают.

Варенье из лесных ягод контора сбывает с трудом. Говорят, самолетом вывозить невыгодно, а как еще его можно доставить к людям, никто не думает.

Соленой рыбой в зоопромхозе забиты все погреба. Хорошо, договорились с Киренским авиаотрядом, контора продает ему три тонны рыбы в год, а летчики уж сами для себя ее вывозят.

Вот и нет в наших магазинах ни рыбы, ни ягод, ни грибов, ни меха... А если бы тут хоть небольшие мастерские по выделке меха открыть... Если б найти покупателей на рыбу, грибы, заячье мясо... деликатес ведь!

Но говорить об этом — только расстраиваться. И мы с Петром Валентиновичем прерываем этот бесплодный разговор о том, что если бы да кабы...

Зимовье

Очень мне хотелось посмотреть, что такое зимовье. Но как туда попадешь? Когда я прилетела в Токму, уже открылся охотничий сезон и все охотники вместе с собаками на вертолетах отправились в тайгу.

Мне остается только вообразить по рассказам токминцев, как живут они на охоте.

Я представляю себе избушку из толстых бревен. Внутри тепло: топится печь. Печка железная, она быстро накаляется и нагревает дом. Маленький дощатый стол у окна. На нарах — оленьи, медвежьи шкуры. В пазы между бревен воткнуты пялы — деревянные дощечки. На них натянуты, сушатся вывернутые наизнанку шкурки. Вечер. Горит керосиновая лампа. Охотник печет пресные лепешки — вандолики, как их тут зовут. А может, лежит на нарах и крутит транзистор. Или при слабом свете двух керосиновых ламп листает старые журналы. Какой свет дает одна лампа, я видела в доме бабушки Степаниды, при нем не очень-то почитаешь.

Собаки, наверно, на улице. А где же охотник хранит еду? Ну, крупы, чай, конечно, в зимовье. А масло? А мясо? Наверно, в лабазе, подвешенном на деревьях, чтобы не съели свои же собаки и не утащил дикий зверь.

Картошку охотник ссыпает в мешки из целлофана и мешки опускает в прорубь. В реке вода всю зиму плюс четыре, картошка там не мерзнет и не вянет.

На участке охотника три-четыре таких зимовья, и все — на реке. Чтобы продукты, керосин и прочее легко было завезти осенью по воде. А потом по замерзшей реке удобно ездить на снегоходе «Буран». К соседу-охотнику или в деревню домой.

Утром охотник встает на лыжи, широкие лыжи, подбитые шкурой, голицы их тут зовут, берет ружье, свистит собакам и идет обходить свой участок.

Юрий Акимович, человек бывалый, сказал мне: «Кто охоту попробовал, того уж ничем от нее не оторвешь. Вот меня возьми. У меня шестеро детей, корова, хозяйство, а как осень наступит, в воздухе потянет морозцем, мне так и кажется, что руки мои пахнут звериной шкуркой. И ничто меня уже не удержит дома: ни дела, ни дети, ни баба... Только охота мне нужна.

Ты не думай, что жизнь в лесу — это, мол, так красиво... Там суровая жизнь, там нельзя расслабляться. Вот я тебе случай расскажу, что был со мной двадцать лет назад. Мы вдвоем в зимовье жили, я и напарник. Раз он пошел обходить участок и мог не вернуться и день, и два. И я пошел в другую сторону. День пробыл в лесу, ночью спал у костра и еще день охотился. Вечером приготовил дровишек, как и для прошлой ночи, немного, но вроде тогда хватило. А ночью вдруг замело, проснулся я от холода. Дрова кончились, видно плохо, впотьмах я стал чего-то рубить, топор соскользнул и ударил мне по ноге. Не больно ударил, я и внимания не обратил. Пока разжег огонь, пока вокруг него повозился, чувствую, что-то сыро в унте. Снял его, а там кровь. Я на рану помочился, пристроил ногу поближе к огню и лег спать. Утром смотрю: нога распухла, унты надеть нельзя. Весь день просидел я у костра. Еду, что была с собой, подъел. И еще на ночь у костра остался. И еще день просидел, а нога все пухнет. Идти не могу, а есть уже нечего. Свистнул я лайку. Хорошая сучка была. Пристрелил.

...Уже и лайку съел, а нога все болит. В конце концов замотал ногу в собачью шкуру и кое-как добрел до зимовья.

— А что же напарник вас не хватился?

— А он еще и не вернулся. Вот что такое жизнь на охоте в тайге».

На продленке

На продленке играли в «почту». «Почтальонша» проверяла, кому какая зарплата пришла из райцентра, отсчитывала «деньги» на руки и по желанию клиента переводила их на «сберкнижку». Я поинтересовалась, нет ли мне телеграммы из Москвы. «Почтальонша» полистала записи, покопалась в бумажках, но телеграммы для меня не нашла.

А до этого играли в «парикмахерскую» — после того, как из Киренска прилетал настоящий парикмахер: стричь, завивать всех желающих. Играли в «больницу» — учителям даже пришлось принести из Токминской больницы бинты и марганцовку, чтобы игра выглядела поубедительнее. Играли в «аэропорт». В общем, как и везде, дети играли в то, что видели вокруг себя в реальной жизни.

Это в городах — видеосалоны и Дворцы пионеров, это в городах — музыкальные школы, и спортивные секции, и музеи, и цирки, и театры, и парки, и аттракционы... А здесь... Здесь дети и взрослые веселят себя как умеют.

Зимой с ледяных гор катаются на санках. Рыбу

Фотографии автора. Рисунки А. БУХАРЕВА.

ловят на мормышку — кто больше поймает, да кто быстрее. (Об одном их рыболовном турнире даже заметка в районной газете была.) По пояс в снегу на «заминированном» поле в «Зарницу» играют.

На проводы зимы все село выходит. Тут тебе и богатыри в меховых парках верхом на конях, тут и гонки на «Буранах» и на лыжах-голицах, и битвы на бревне мешками с сеном, и забытое сейчас лазанье по гладкому столбу за сапогами...

А вообще тут ребятишки, может, в науках и не больно сильны, зато работящи и умелы. Все мальчишки охотятся. Девочки, правда, сейчас уже нет. Хотя Таня Апкина — дочь старого уважаемого охотника-эвенка (недавно она замуж вышла) — еще три года назад била и глухарей, и уток.

И «Бураны» они водят, и с моторными лодками управляются, и лошадей обихаживают, и свою школу побелить-покрасить могут...

Все ребята умеют. Только застенчивые очень. Пришла им на дружину путевка в «Артек». Для мальчика. А все мальчишки говорят: «Чего мы туда поедем? Мы стесняемся». Вот так. К 10 годам они по сто раз на самолетах летали, а троллейбусов и трамваев никогда не видели.

— А волков видели? — спрашиваю я.

В прошлую зиму олень на реку выскочил, мимо деревни пробежал — это волк его гнал. А самого волка не видно было.

Как-то волк в силосную яму залез — корову подстерегал. Да яма глубокая — не вылезти. Увидели мужчины — пристрелили волка.

И стали мне ребята про волков да медведей истории всякие рассказывать.

Один медведь корову из деревни утащил. И закопал ее в лесу на черный день. Охотники ту яму нашли, медведя выследили и убили.

А то вот случай был. Бабушка одна, что у «Госторга» жила, пошла как-то в гости. А в ее избушку медведь ввалился. Лапой раму выставил, собаку порвал и сожрал, мешки с мукой распорол, все в доме перевернул, через окно вылез и в лес ушел. Охотники его догнали и убили. А в животе бабушкин кошелек с деньгами нашли.

А еще как-то одна старушка пошла на реку проверить корчагу. Только всю рыбу выбрала, как кусты на берегу затрещали и кто-то огромный стал через чащу ломиться.

«Медведь!» — ахнула бабушка и бросилась по тропочке к деревне. Бежит и думает: «Как бы мне его задержать?» Медведи-то, они быстро бегают, а бабушка старая. Вот она через плечо — раз — и швырнула рыбеху. Пробежала еще немного — и опять швырнула. Мол, так медведь у каждой рыбехи задержится, а я пока ноги и унесу.

Добежала до деревни — дух не перевести, еле жива, зато цела.

А в это время из кустов у реки выбралась другая старушка, что ходила по ягоды. Глянь — на тропе свежая рыбина лежит. Она ее подобрала. Идет — другая рыбина. Что за чудо? Пришлось ягоды высыпать, чтобы всю рыбу в корзинку забрать.

...А так живого волка — глаза в глаза — пока никто из ребят не видел.

Про глухаря и пачку рафинада

Таня Петрова, Ира Петрова и их мама — директор школы — пригласили меня в гости.

Сидим мы, чай пьем, а девочки мне про свое житье рассказывают. Как приехали они сюда из города да как здесь здорово: и лошади тут, и рыбу они ловят, и на зайцев охотятся.

— Вы глухаря когда-нибудь видели? — спрашивает меня младшая, Таня.

— Нет, не видела.

Таня в сени выскочила и внесла в дом огромную черную птицу. Пришлось встать из-за стола, выйти на крыльцо, где света побольше, и сфотографировать Таню с глухарем, а заодно и Иру, и братика их маленького Женю, и собаку Каштанку, которая тут же к ним на крыльцо заскочила.

— А как петлю на зайца ставить, знаете? — спросила меня Таня, когда мы вернулись в дом.

И как петлю ставить, я не знала. Таня петлю отыскала и давай мне объяснять, что проволоку сначала долго трут о дерево, чтобы пропал запах металла и человека, и пахло только лесом и корой... А потом натягивают ее, привязав к двум деревьям, над заячьей тропой...

— А корчагу вы видели?

— Нет, не видела.

И что заячью шкурку сушат не на пялах, а просто вешают на гвоздь, я тоже не знала.

В общем, совсем незнающей оказалась.

— А это сахар, рафинад называется,— неся пачку на стол, пояснила Таня,— знаете?

...Подрастут девчонки и разлетятся из Токмы. И Таня с Ирой, и остальные. Поедут в города учиться на врачей, бухгалтеров, учителей... А парни останутся. Они уже не смогут без охоты. И опять будет в Токме женихов больше, чем невест. Как сейчас.

Взгляд из Москвы

И вот я дома. Позади долгий обратный путь.

И трехдневное ожидание летной погоды в Токме. Полетит при таком ветре самолет, не полетит? «Ничего,— шутили в деревне,— зазимуешь у нас, а весной уплывешь с баржей».

И тревожное ожидание самолета в Киренске. Будут в кассе билеты, не будут? Ожидание в переполненном аэропорту, где толпились речники — закончилась навигация на Лене; где бренчали на гитарах наголо стриженные призывники — шел осенний набор в армию; где томились охотники в тяжелых унтах и огромных тулупах — наступил охотничий сезон, и их лайки, привязанные к скамейкам в зале ожидания, время от времени заходились истеричным лаем, возбужденные шумом, духотой и скученностью.

И длиннющий перелет Иркутск — Москва позади.

Я дома. В огромном городе, где человек — как сухой листок, гонимый ветром различных событий. То что-то выставляют там — и ты бежишь смотреть, то что-то происходит здесь — и ты идешь участвовать, то ждут тебя те, то зовут эти...

И какой-то далекой и нереальной кажется из города та, токминская, жизнь: и неторопливые прогулки на реку за водой; и переправа через Непу в шитике, когда все в лодке перебирают натянутую над водой толстую проволоку; и тишина, зависшая над деревней, изредка прерываемая гулом «Буранов» или дробным топотом собачьих лап по деревянному настилу; и даже то, что внук бабушки Степаниды, вертолетчик, навещая старушку, сажает свою машину ей прямо на огород.

Но летит время, и воспоминания о Токме всплывают, проявляются в памяти, и ты убеждаешься, что Токма не сон, что Токма близка и дорога тебе, это и твоя жизнь тоже, что Токма теперь всегда будет с тобой.

Картины детства

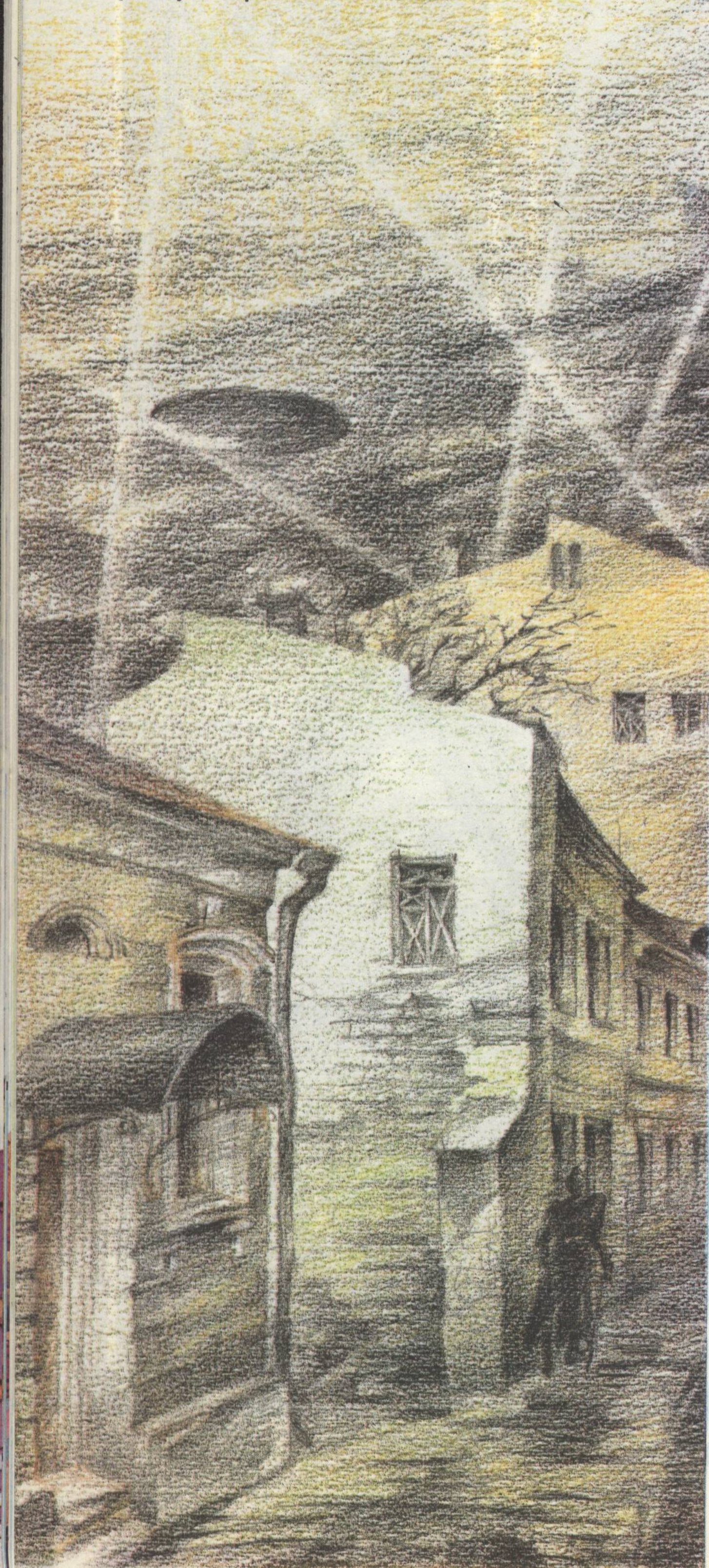

10-е годы XX века

Москва, Малый Черкасский переулок, дом 1,— адрес, хорошо известный в нашей стране каждому детскому писателю,— издательство «Детская литература», знаменитый Детгиз. Более сорока лет проработал здесь Борис Исаакович Камир. Пожалуй, нет такого детского писателя, который бы не знал этого талантливого, чуткого и очень доброжелательного редактора. Через его руки прошли сотни и тысячи рукописей из числа тех, что теперь составляют золотой фонд отечественной литературы. Много, много удивительных встреч было у Бориса Камира за долгую редакторскую и человеческую жизнь. Он рассказывает нам об этих встречах, боясь упустить мельчайшие подробности, с жаром очевидца. Не раз уже «Пионер» обращался к запискам редактора. Вот и на этот раз мы вновь прикоснемся к никому не известным главам книги о детских писателях. Только лишь прикоснемся, потому что целиком эту тему исчерпать невозможно.

Борис КАМИР

ВОЙНА... И МИР КНИГ

ИЗ ЗАПИСОК РЕДАКТОРА

...Воскресное утро 22 июня 1941 года. Москва, солнечный летний день, освеженный прозрачным, легким дождем, вдруг потускнел. На перекрестках возле уличных столбов с черными квадратами репродукторов группки людей. Чуть приподняв головы, молча слушают радио. Дыхание перехвачено — в дом ворвалась беда...

Нас никто не собирал. Сюда, на Малый Черкасский, в Детгиз, пришли все — от бессменного вахтера тети Дуси Полюцкой до директора Людмилы Викторовны Дубровиной. Отпускники, больные с бюллетенями, вчерашние «счастливцы», получившие фанерные комнатушки-дачи на станции Заветы Ильича по Ярославской дороге, один за другим появлялись в издательстве.

«Вероломное нападение злейшего врага...» Думаем и говорим только об этом. Мы искренно верили, что заключенный в сентябре 1939 года германо-советский договор о дружбе и границе нерушим. Кто мог представить, что вскоре разразится война...

В глазах детгизовцев, собравшихся в зале, одно: «Как жить дальше?» Чувство братства, товарищества, верности долгу дало силы превозмочь растерянность. На одном дыхании провозглашено: с этой минуты настраиваемся на военный лад. Детская книга должна жить, должна сражаться. Вместе с народом! Для обороны, для Победы!

«ПЕХОТИНЦЫ»

Пехота — царица полей. Без книги о пехоте военная серия намыслима. Школьнику надо рассказать о главном роде войск.

Наши намерения осуществились. Помогла «Правда». Осенью 1943 года в ней появились публикации Константина Симонова — из действующей армии. Писатель, знавший войну не понаслышке, участник боев на озере Хасан, полуострове Рыбачьем, в полярных скалах Муста Тунтури, на дорогах Смоленщины, с удивительной чуткостью откликнулся на требование времени, создал повествование о бойцах пехоты — «Пехотинцы».

...Мы узнаем об одном дне рядового Савельева. Только об одном — с предрассветного часа, когда, прикрывшийся плащ-палаткой, он проснулся на дне отбитого накануне немецкого окопа, и до глубокой ночи, которую коротал в мокрой, набухшей земле у реки. В назначенный час предстояло этот «водный

рубеж» форсировать... Обычный фронтовой день, но как много «трудного и радостного» пережил Савельев. Преследование отходящего противника, перебежки в рост и по-пластунски под минометным огнем, рукопашная схватка в отвоеванном рву, страшные секунды под танком и озверелый рев «тигра», которого Савельев сразил ударом гранаты в гусеницу.

...Корреспондента центральной военной газеты разыскать непросто. В редакции «Красной звезды» развели руками: сами, мол, не знаем, откуда сегодня позвонит Константин Михайлович. Мчится туда, где жарче дело. Ему сподручно все: «виллис», вездеход, подлодка. Впрочем, не огорчайтесь, должен вот-вот вернуться в Москву.

...Есть на Ленинградском проспекте рядом с Беговой красивый белый дом с нишами балконов, оплетенными выпуклыми скульптурными цветами-лилиями. Каждый раз, когда смотрю на красавца, вспоминаю промозглый ноябрьский вечер сорок третьего и дорогу сюда по неосвещенным улицам. Затемнение действует непреклонно. Идти в сыром, ставшем непомерно широким пальто, подпоясанном для удобства тугим ремнем, было грустновато. Совсем доконала узкая лестница, по которой пришлось подниматься на пятый этаж. Кабина лифта дремуче спала, и некогда заманчивые дверные проемы с полированными кнопочками «вверх», «вниз» наглухо, крест-накрест, обшиты шершавыми досками.

Из крохотной, в полшага, прихожей я вошел в небольшую комнату — кабинет Симонова. Константин Михайлович стоял с телефонной трубкой в руке, поздоровался кивком головы. Сверкающая белизна рубашки под расстегнутым кителем резко оттеняла его чуть смуглое лицо и светлые глаза с угольками зрачков. Высокий, статный, «военная косточка», он выглядел старше своих лет (ему было двадцать восемь).

Странное чувство овладело мною. Казалось, попал во фронтовой блиндаж в минуту подготовки операции. Телефон непрерывно «зуммерил», дверь шумно отворялась, приносили гранки, верстки, письма, бандероли. Страницы на маленьком столике, испещренные размашистым цветным карандашом, выглядели полевой картой-километровкой.

— Вот видите, как я провожу свои тыловые дни,— сказал Константин Михайлович и виновато, по-школьному улыбнулся.

Я принес с собой его рукопись, о которой он не знал,— перепечатанный текст правдинских публикаций. Признаться, я опасался, что Симонов наших «вольностей» не одобрит. Соединились ли в одно повествование очерки, публиковавшиеся врозь? Ведь потребовались «стыковки», снятие повторов, редакторское прикосновение.

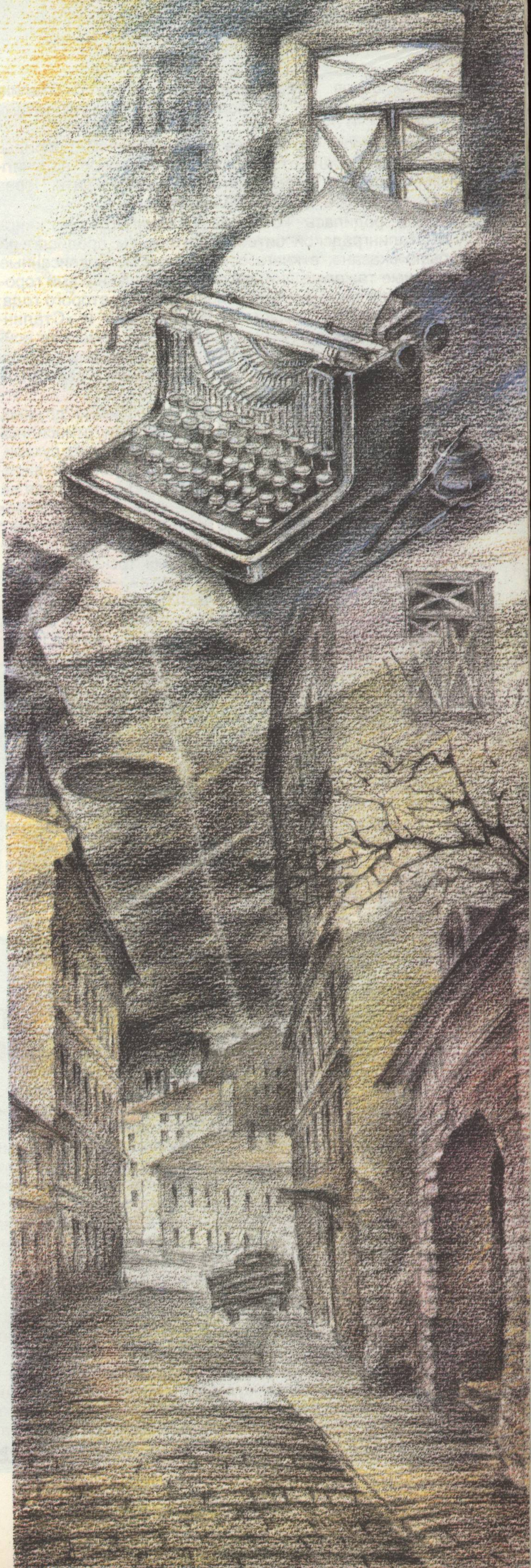
Я ждал приговора.

Константин Михайлович довольно быстро прочитал текст и наше предложение принял.

Вскоре «Пехотинцы» увидели свет в военной серии Детгиза.

ВЕРШИНА НРАВСТВЕННОСТИ

С Василием Семеновичем Гроссманом мы встретились в издательстве в середине 1943-го. Он выглядел бывалым фронтовиком, потертая, «видавшая виды» шинель с полевыми, защитного цвета погонами, потрепанная дождями и ветрами фуражка, кирзовые сапоги. Было в его облике и что-то учительское — негромкий, размеренный голос, глаза с грустинкой, укрывшиеся за толстыми выпуклыми сте-

Рисунки К. ЯСИНСКОЙ.

кламии очков. Мы хотели издать книгу о Сталинградской битве и поделились с ним этими мыслями.

Оказалось, что он уже думал об этом, прикидывал, перебирал, отшлифовывал. Разговор получился, и «всходы» не заставили себя долго ждать. Через месяц-полтора мы получили рукопись.

Так родилась «Оборона Сталинграда» — книга о Сталинградской битве. В авторском предисловии было сказано: в книге собраны очерки, написанные в самые тяжелые дни, пережитые защитниками города, в сентябре, октябре и ноябре сорок второго года; последние два очерка — «Новый день» и «Сталинградское войско» — в декабре, когда немецкие войска были окружены и думали не о том, чтобы захватить город, а лишь мечтали вырваться из него.

«...Рота автоматчиков жила необычайно дружно, семейно»,— пишет автор. Автоматчики относились друг к другу по-братски, делили последние сухари, на марше полка шагали впереди, поглаживая висящий на шее автомат и снисходительно поглядывая на остальных бойцов-стрелков. Но автор не удовлетворяется общим планом. Его «объектив» приближает к нам то узкоплечего Лазарева, то казаха Желдубаева, то украинца Петренко, который тоскует по родным «садкам». «— Ты степь не ругай,— укоряет его Лазарев,— Желдубаев обижается, когда степь ругают...» Обычная минута отдыха, а скоро бой, и они не знают, что в этом бою Желдубаев будет убит и Лазарев своими руками выроет в раскаленной степи могилу и навеки простится с товарищем...

Подвиг — вершина нравственности. К этой мысли подводит читателя автор, создавая портретную галерею защитников города.

...В страшную минуту, когда снаряд разворотил борт и в полуметровую дыру хлынула вода, сержант Власов сорвал с себя шинель, туго свернул ее и всем своим телом, «живым кляпом», втиснулся в пробоину. Баржа с четырьмястами бойцами и боеприпасами была спасена. «В нем, в этом сорокадвухлетнем человеке, отце шестерых детей, человеке великого и тяжкого трудового долга, словно воплотилась гневная сила нашего народа».

...Солдат Анатолий Чехов. Юноша, который в детстве «жалел бить по живому» и не стрелял ни из рогатки и ни из чего другого, в дни сталинградской обороны в совершенстве овладел снайперской винтовкой. Как заправский физик, он изучил принципы оптики, освоил законы преломления света, постиг сложный путь светового луча через линзы оптического прицела. Анатолий Чехов, любивший книги и географию, мечтавший о далеких путешествиях, нежный сын и брат, стал грозным для врагов человеком: истребителем оккупантов. «Не в этом ли железная, святая логика Отечественной войны?»

В книге «Оборона Сталинграда» особое место занял очерк «Направление главного удара». Это горячее, проникновенное слово писателя во славу сибирских полков дивизии Гуртьева. В октябрьское утро 1942 года сибиряки заняли оборону в разбомбленных цехах завода «Баррикады». «...Саперы взламывали асфальт и в каменистой почве выдалбливали кирками окопы, в мощных стенах цехов прорубали боевые амбразуры, в подвалах разрушенных зданий устраивали убежища». Сердце холодеет, когда узнаешь, какие адовы муки испытали эти люди. «Дивизия выдержала напор. Она не сошла со смертного рубежа, она ни разу не оглянулась назад, она знала: за спиной ее была Волга, судьба страны».

«Оборона Сталинграда» вышла в свет в начале 1944 года и явилась своего рода прологом к роману «За правое дело». Вобрав в себя материалы о сражении на Волге, это широкое полотно показывало борьбу советского народа против фашизма, превосходство высоких гуманных побуждений над злом, жестокостью, насилием.

ЯСНЫЙ, ПРОСТОЙ, СЕРДЕЧНЫЙ...

Не раз мы задумывались над тем, что наша военная серия выглядит неполной без «Василия Теркина». Однажды, беседуя со мной, Маршак сказал о поэме Твардовского, что вся она до самых глубин лирична, настежь открыта окружающему миру и всему, чем этот мир богат, что она чиста, честна и потому очень близка восприятию школьника, хорошо бы дать «Теркина» ребятам, но не самым малым, а тем, кто постарше, кто скоро станет солдатом...

Как-то летом сорок третьего Самуил Яковлевич позвонил:

— Придите завтра утром, у меня будет Твардовский, он на несколько дней приехал с фронта.

Еду к Самуилу Яковлевичу, чтобы встретиться с Твардовским — договориться об издании «Василия Теркина». Захожу со двора в парадное, звоню у дверей. Мне открывают и приглашают в кабинет. Александр Трифонович уже здесь, удобно расположился в глубоком кожаном кресле. Молодой, жизнерадостный, в гимнастерке с майорскими погонами. Чувствует себя по-домашнему: «Я голоден как черт, а он еще не оделся». Из другой комнаты доносится голос Маршака: «Розалия Ивановна! Дайте им поесть». Александр Трифонович смеется, ждать ему явно неохота, он выскакивает из кабинета и мгновенно возвращается, толкая перед собой столик на колесиках с двумя полками, уставленными едой.

Наконец появляется Самуил Яковлевич и, предъявив мне обычное обвинение: «Вы всегда опаздываете, не щадите меня, старика»,— здоровается с Твардовским и просит его почитать поэму, ради которой мы собрались.

Александр Трифонович начинает читать, и представьте, какие взгляды бросает на меня Самуил Яковлевич — преисполненные восхищения талантом своего друга, любви к нему, но я ловлю в них и упрек себе: «Вы понимаете, что сейчас слышите? А ведь до сих пор ничего не сделали!»

Кажется, что все было только вчера, так живо встает передо мной вся эта сцена. Самуил Яковлевич за письменным столом, заваленным папиросными коробками, на которых он записывал стихи, рядом в кресле — Твардовский:

На войне, в пыли холодной,
В летний зной и в холода
Лучше нет простой, природной,—
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда,—
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода...

Звучит «Василий Теркин» — ясный, простой, сердечный. Я заслушался... Сомнений нет, «Василий Теркин» должен стать достоянием школьников. Александр Трифонович попросил Маршака взять редактирование на себя: «Ты лучше меня знаешь детского читателя». Мы стали готовить рукопись, но за это время поэма разрасталась, расширялась и вышла у нас полностью спустя год-полтора.

Не успели мы сдать в набор журнал молодых, начинающих писателей (если вы помните, его название — «Черная курица»), как в редакцию пришли еще более молодые и еще более начинающие и принесли новый журнал (как вы видите, его название — «Воробьевы горы»). Сотрудники «Пионера» сначала возмутились: что это, мол, такое, «Черная курица», «Воробьевы горы»... а когда сам-то «Пионер» на страницах «Пионера» появится? Но потом кончили возмущаться и решили — в конце концов на первой странице «Пионера» написано: «Детский журнал». А это значит — не только журнал для детей, но и самими детьми (хотя бы раз в год) написанный. Тут уж возмутились авторы «Воробьевых гор»: мы, мол, не дети, а серьезные, достаточно взрослые люди. В ответ снова сотрудники «Пионера» возмутились: как это, мол, вы со старшими непочтительно...

В общем, это переменное возмущение так никогда бы и не утихло, если бы не появился главный редактор. Он сказал, что, мол, печатать мы эти самые «Воробьевы горы» будем, хотя и с некоторыми исправлениями и улучшениями (каковые останутся редакционно-авторской тайной). И этим соломоновым решением все так довольны оказались, что быстро улучшили номер и сдали его в набор. А теперь сидят и думают: вдруг и среди этих воробьевцев классик окажется? Это сколько же «Пионеру» гордости прибавится...

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРНОГО КЛУБА МОСКОВСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Пять, или четыре, или три года назад мамы вели нас записываться в литературные кружки Дворца пионеров. Мы упирались, не хотели идти. Думали, во Дворце пионеров будут учить писать стихи на злобу дня, заставлять делать газеты к знаменательным датам и разучивать пионерские песни. Этого хватало и в школе.

Здесь на первых же занятиях мы услышали стихи Пастернака, Ахматовой, Мандельштама. Читали Пушкина, Достоевского, Данте, Шекспира... Да не как в школе. Никто не навязывал нам своих мнений, не диктовал готовых решений. Педагог сидел за одним столом с нами и вместе с нами размышлял.

Здесь всегда идет диалог со взрослыми, а не безропотное выслушивание их мнений. В нашем клубе не заставляют писать сочинений. Мы сами выбираем темы работ. Глубокая и серьезная работа увлекает. А попасть на выездной семинар, то есть заниматься и во время каникул, мечтает столько людей, что приходится устраивать конкурс. Здесь не заставляют учить стихи наизусть, но невозможно молчать, когда все читают стихи у свечки...

У нас в клубе есть кружки литературоведения, журналистики, перевода, поэзии и прозы. Но мы учимся не на поэтов, прозаиков, журналистов. Мы учимся читать и понимать поэзию и прозу, отличать истинное от ложного в литературе и в жизни.

А там уж как получится...

Тем, кто не знает географии, редакция журнала «Пионер» сообщает, что Воробьевы горы, от которых пошло название данного журнала, находятся в Москве. Сейчас на них стоит Дворец пионеров и школьников, а когда-то Герцен с Огаревым клятву давали, а Лев Толстой дрова пилил.

ГОЛОС ИЗ ХОРА

Попробуем сказать: стоп

Помните: не так давно под гром пионерских барабанов, торжественное «Слушайте все», под постоянно забывающиеся, непонятные слова «Вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Ленина...» мы становились пионерами.

Чем была пионерия для меня? Незадолго перед вступлением на этот вопрос в анкете я ответила примерно так: «Пионеры — умные и смелые, они помогают октябрятам и готовятся в комсомол, и из-за этого я хочу стать пионеркой».

Мне было 9 лет. Мне казалось тогда, что мой ответ — чистая правда. Теперь я понимаю: пионерский галстук был частью взрослого мира, куда я уже давно пыталась заглянуть. Но, конечно, это не все. Нам внушали (и мы верили): вступишь в пионеры — автоматически станешь хорошим человеком (возможность быть хорошим человеком, воспитываясь только в семье, не рассматривалась).

Мне рисовалась идиллия: я в пионерском галстуке веду за ручку несмышленых октябрят по правильному пути.

Наконец, я вступила в пионерскую организацию. Ярко помню, как меня фотографировали на фоне знамени. Больше в памяти почти ничего не осталось...

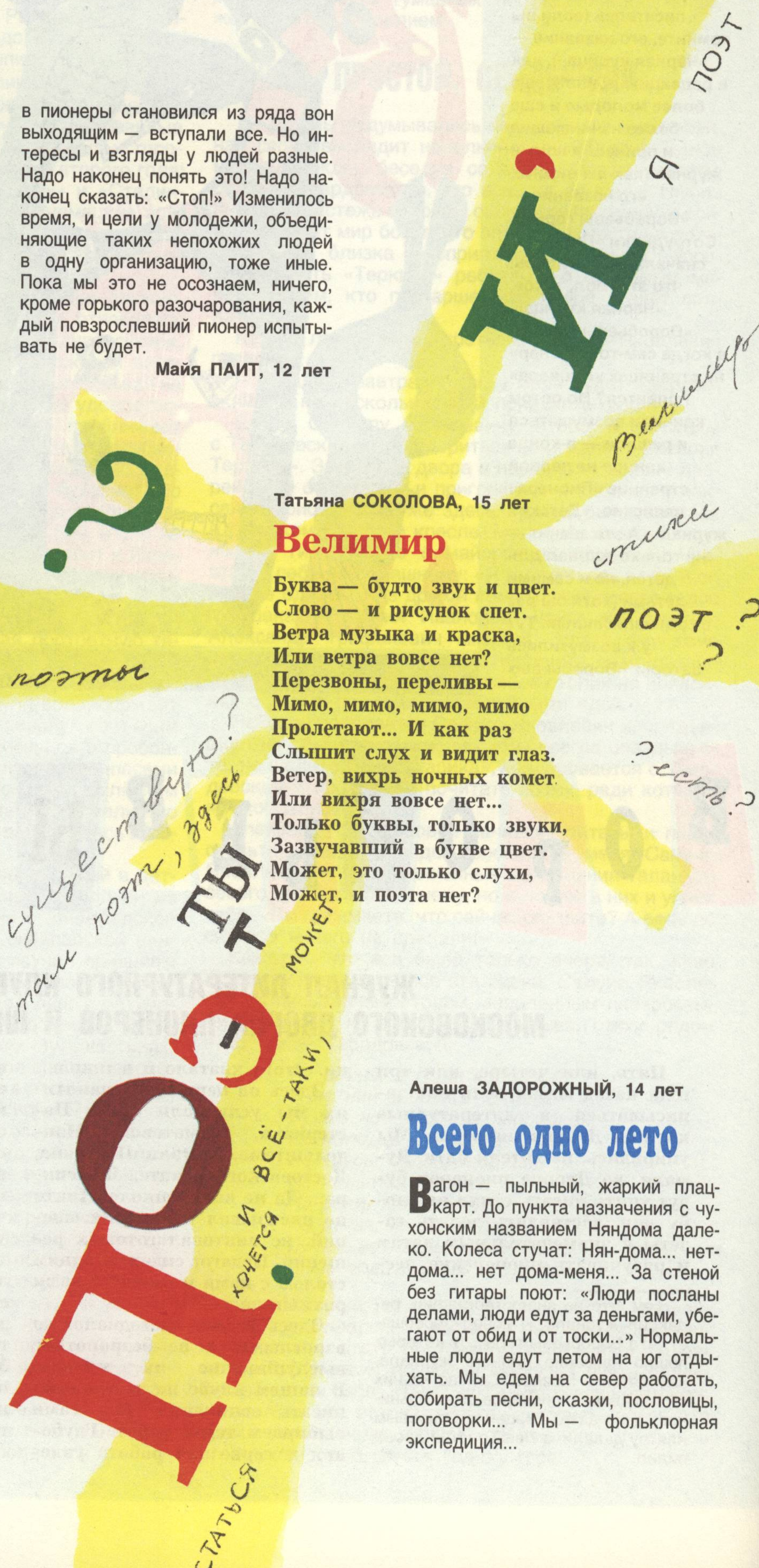
В мае этого года был слет пионеров — жителей Кунцевского района. Я была на нем. Тете из совета пионерской организации я задала вопрос: «Почему по сравнению с пионерами-энтузиастами двадцатых годов в пионерской организации стало несравненно больше инертных, безразличных людей?» Тетя вздохнула: «А это, ребята, не мне вопрос. В себе, в себе разбирайтесь».

Попробуем?

Прежде всего: в пионерскую организацию двадцатых годов **вступали не все.** Пионерия соответствовала своему названию (пионер — первооткрыватель), из-за этого вступали в нее люди, разобравшиеся в целях пионерской организации и готовые (самое главное) там работать. Проблемы актива и пассива просто не существовало. Из-за этого все приемы работы, выработанные тогда, были рассчитаны на пионеров-активистов.

Шло время, пионерская организация переставала быть чем-то необычным, и сам факт невступления в пионеры становился из ряда вон выходящим — вступали все. Но интересы и взгляды у людей разные. Надо наконец понять это! Надо наконец сказать: «Стоп!» Изменилось время, и цели у молодежи, объединяющие таких непохожих людей в одну организацию, тоже иные. Пока мы это не осознаем, ничего, кроме горького разочарования, каждый повзрослевший пионер испытывать не будет.

Майя ПАИТ, 12 лет

Татьяна СОКОЛОВА, 15 лет

Велимир

Буква — будто звук и цвет.
Слово — и рисунок спет.
Ветра музыка и краска,
Или ветра вовсе нет?
Перезвоны, переливы —
Мимо, мимо, мимо, мимо
Пролетают... И как раз
Слышит слух и видит глаз.
Ветер, вихрь ночных комет
Или вихря вовсе нет...
Только буквы, только звуки,
Зазвучавший в букве цвет.
Может, это только слухи,
Может, и поэта нет?

Алеша ЗАДОРОЖНЫЙ, 14 лет

Всего одно лето

Вагон — пыльный, жаркий плацкарт. До пункта назначения с чухонским названием Няндома далеко. Колеса стучат: Нян-дома... нет-дома... нет дома-меня... За стеной без гитары поют: «Люди посланы делами, люди едут за деньгами, убегают от обид и от тоски...» Нормальные люди едут летом на юг отдыхать. Мы едем на север работать, собирать песни, сказки, пословицы, поговорки... Мы — фольклорная экспедиция...

Казалось, собирать фольклор несложно. Идем бригадой в два-три человека. Стучимся в избу. Открывают.

— Здравствуйте, мы приехали из Москвы, собираем старые песни, сказки, частушки...

— Здравствуйте, дорогие, давно дожидаемся!

И успевай лишь записывать...

Ошарашивает и слегка расхолаживает, что на самом деле по-другому...

Стучимся. Никого. Понятно, сенокос. Или — удача! — выходит на крыльцо.

— Здравствуйте, мы приехали из Москвы, и т. д. и т. п.

— ???!!

— Нам сказали, вы много старых песен знаете, частушек...

Отмахивается:

— Ой, ничего я не знаю... Лучше идите во-о-о-он в тот дом к Ульяне, она песенница была...

А Ульяна:

— Да я не помню, идите к Марье.

Или вовсе:

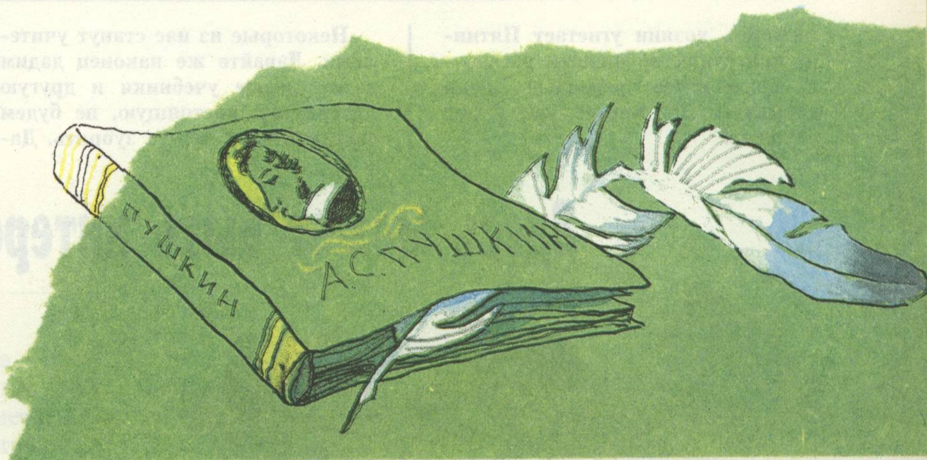
— Подьте с богом.

Даже если пустили в избу, не обязательно выйдешь с полным блокнотом записей. Старухи немногословны. И говорят больше о себе, о судьбе своей, а нас интересуют только фольклор, «былички и заклички», и мы прислушиваемся к таким рассказам, как к неизбежному лирическому отступлению. Но постепенно спадает охотничий азарт, и уже думаешь кощунственно: «Черт с ним, с фольклором...»

Судьбы старух страшные, мучительные, горькие. Вот Мария Ивановна Шулепова. Нам представили ее «таинственной колдуньей»: «Живет за рекой и заговоры знает». Мы переплыли реку на полусгнившей лодчонке и увидели три дома. Два заколочены, в третьем живет Мария Ивановна...

Я думал, такие судьбы бывают только в плохих фильмах. Вышла замуж перед самой войной. Муж ушел на фронт. Она рыла окопы в Карелии. Муж вернулся без ноги, а мужики в округе редкость. Стал председателем колхоза, вскоре загулял и сел в тюрьму. За растрату. И опять грянула беда — изба сгорела. Мария Ивановна с двумя малолетками маялась в землянке. Старший сын в детстве упал с печки и калека. Другой молодым умер от желтухи. Пришлось поднимать семью, да сестре помогать, да дочери...

Мария Ивановна рассказывала нам вещие сны. Они сулили лишь дурное, хорошего-то не случалось.

Учебник для младшего брата

Открывали ли вы когда-нибудь учебник чтения для третьего класса? Конечно. И тем не менее давайте вернемся к нему. Вообще какова задача учебника литературы?

Дать представление о ней, научить понимать ее. Но... Первая страница. Гимн Советского Союза, который надо выучить. Третьеклассник беспомощно путает определения, эпитеты; доходя до третьего куплета, начисто забывает первый, но выучивает, и вдруг... «Тройка»! За что? Как сказала учительница, он, «этакая бестолочь», читал без выражения. Это его первое представление о поэзии. Какое — догадайтесь сами.

Дальше — хуже. «Широка страна моя родная» Лебедева-Кумача. Песня времен голода на Украине, песня, под которую погибали тысячи людей. А третьеклассники учат ее и отвечают на вопрос: «Как объяснить смысл строк «Человек идет, и он хозяин необъятной Родины своей»?» Мы заблуждаемся, если думаем, что ребенка можно обмануть. Он говорит: «Инна, разве старикам у нас почет? Я вчера в метро видел старушку, она просила милостыню, ей надо жить и нечего надеть. Это — почет?» Стоит принять во внимание и такую деталь: дети смотрят телевизор и слушают беседы родителей, а потом заявляют: «Тот, кто слышал папин спор с дядей Васей, все понимает!» Хорошо, если родители могут объяснить детям суть этих споров. А если нет?

В самом конце учебника, после страниц, посвященных нашей истории (где все события в такой «каше», что ребенок потом говорит: «Минин и Бонапарт ходили через Альпы»), после многочисленных стихов Симонова и Михалкова, Лебедева-Кумача и позднего Маяковского, одиноко притаился раздел «Классики русской литературы».

Из всего наследия Пушкина для детей десяти (!) лет выбрали «Осень», II часть. Стихотворение действительно прекрасное, но ребенок не может выговорить ни строки. Его же заставляют учить эти стихи наизусть. Но если ему понравится, он выучит, нет, так нет. А так, по его понятию, надо скорее оттарахтеть этот набор слов и забыть. И снова «тройка», и ребенок заявляет: «Никогда не буду читать Пушкина, такой бред!» Обидно за всех: за детей, за Александра Сергеича, за стихи.

Есть предложение — печатать в учебнике стихи Тувима и Хармса, Ф. Кривина и Маршака, Л. Е. Керна и Чуковского. «Как же? — спросит кто-то.— Как без Симонова, Воскресенской, Н. Островского?» Но если интерес к литературе развить на детских стихах талантливых поэтов, держу пари, к Симонову, Воскресенской, Н. Островскому вернутся те, кто полюбит литературу и захочет знать ее. Если же продолжать воспитывать детей на их сегодняшнем школьном чтении, то на классику они и не посмотрят. Да еще позже, в учебнике истории для 8-го класса, будет написано: «Робинзон Крузо» — роман о расовой дискри-

«Пионер» ответственно заявляет, что сначала была написана эта статья, а уж затем о том же самом написал доктор филологических наук В. Лакшин в «Известиях». Просто журнал медленнее газеты.

минации, хозяин угнетает Пятницу как существо низшей расы»,— и более-менее взрослые люди ужаснутся, но многое уже будет упущено.

Некоторые из нас станут учителями. Давайте же наконец дадим детям новые учебники и другую литературу, настоящую, не будем заставлять их что-то зубрить. Давайте не пренебрегать мнениями и желаниями детей. Чтобы ученикам не было скучно, а учителям тяжело.

Инна БАШИНА, 14 лет

Здесь может быть интересно...

Вы встречали человека, который не хочет любить свою школу? Я — нет. Я встречала тех, кто не может ее любить. А если попробовать заинтересовать ребят учебой, привлечь к школе?

По-моему, этого добиться можно. Попробуйте проведите в школе такое мероприятие, которое бы заинтересовало всех, от мала до велика. У нас — в 43-й московской школе — такое было: это день XIX века. XIX век — целая эпоха. А в этой большой эпохе множество своих эпох: наполеоновские войны и восстание декабристов, пушкинское время и революция 1848 года, эпоха Крымской войны и отмена крепостного права, Парижская коммуна и народничество. Как непросто почувствовать себя современником этих событий!

Конечно, уместить целое столетие в один день невозможно, поэтому решили воссоздать некоторые «ключевые» моменты, такие, как бал, театр, салоны.

...И закипела работа. Все шили костюмы, готовили программу салонов, репетировали театральные постановки, учились бальному танцу (был организован кружок), готовили различные блюда, рисовали декорации, специально для этого праздника украшали кабинеты и, конечно же, читали. Школа взяла напрокат костюмы, а те, кому их не хватило, придумали какую-нибудь характерную деталь: бабочку, тросточку, цилиндр... Мы жили ожиданием этого дня.

И вот наступило долгожданное 18 марта — день XIX века. С утра учебные занятия были отменены. В старших классах шел турнир.

Остальные в это время гуляли по городу, смотрели фильмы, посещали музеи и выставки (но все это происходило, конечно же, в XIX веке). Тем временем заканчивалось оформление школы. Столовая превратилась в уютное кафе, а актовый зал — в роскошный театр. Портреты, картины, свечи в подсвечниках, свитки с эпиграммами украшали кабинеты-салоны.

В четыре часа открылись три салона: литературный, музыкальный и литературно-музыкальный. Можно было пойти в любой. Я выступала в салоне «Лампа дневного света». Здесь читали свои стихи и прозу, звучали флейта, скрипка, фортепиано, романсы под гитару. Длинные платья девочек, веера, поблескивающие украшения, фраки мальчиков, уютные столики со свечами, портреты, картины на стенах... все было, как в XIX веке.

Салоны закрылись, и все отправились в кафе. Каждый класс представил свое фирменное блюдо. Пробовать можно было все, а оценив,— узнать способ приготовления. А затем перед нами открылись двери театра. Вечер начался строфами из «Онегина»: «...Театр уж полон, ложи блещут...» Поднялся занавес, и мы увидели сцену театра онегинского времени... Постановки «Маскарада» Лермонтова, «Юбилея» и «Медведя» Чехова, «Горя от ума» Грибоедова, «Редкой работы» Аверченко были замечательны!

И, наконец, бал. Он открывался полонезом. Танцевавшие были действительно хороши. А танцевали все — и учителя, и ученики. За полонезом следовали вальсы, мазурки... Здесь же, на балу, объявили конкурс на лучшую эпиграмму. В этом конкурсе победил... бывший ученик школы. Все эпиграммы были очень смешными, но не обидными. Тут же специальным жюри дегустировались блюда, представленные на конкурс. Названия этих блюд упоминались в произведениях авторов прошлого столетия. Мы увидели и лабардан, и брусничную воду, и трюфели, и пунш, и жареного гуся, и многое-многое другое.

«Под занавес» выступил хор учителей, переодетых цыганами. И — заключительный полонез.

Сейчас мы готовим день XX века...

Нина СПИРИДОНОВА, 14 лет

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ

ПЕРЕВОДЫ

Осенние костры

Из Р. Л. Стивенсона

Чудный вид долины
Пламенем объят.
Пеленою стелется
Дым, скрывая сад,
Летнего цветенья
Кончился порыв,
И огонь осенний
Вверх уносит дым.
Каждого сезона
Песню любим мы.
Есть цветы у лета,
У осени — костры.

Перевела
с английского
Женя БАЛАН,
12 лет

Я делаю уроки

Из Мориса Карема

Линейка в Понтуазе,
В Лионе карандаш.
Ну как уроки делать мне?
Чем рисовать пейзаж?
Пенал мой на луне,
А за окном темно.
Ну, как уроки делать мне?
И я смотрю в окно.

Растеряшка

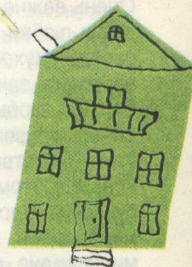
Из Мориса Карема

У меня тетрадка пропала,
Но это было вчера.
Сегодня я потеряла
Два наперстка с утра,
Ну, ключи, это ладно,
Это не в первый раз.
А перед выходом в школу —
Весь словарный запас.
«Ты потеряла голову когда-то»,—
Сказала мама. А в ответ я маме:
Ее-то сдвинуть с места
труднова-то!»

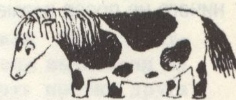
Перевела с французского
Маша БЛИНКИНА, 14 лет

* * *

Из Роберта Фроста

Леса хозяин не видит меня,
Он в доме, в деревне, сидит у огня.
А я, потрясенный, смотрю на деревья
В снегу, в темноте уходящего дня.

И страшно, наверно, лошадке моей
Стоять одиноко вдали от огней,
Средь чащи лесной и замерзших озер
Под вечер, который чернее ночей.

И звон бубенцов на округу лия,
Спросила она, не ошибся ли я,
В ответ лишь посыпались хлопья с деревьев
И ветер протяжно завыл на ветвях.

А лес так манит темнотой, глубиной,
Но долг обещанья висит надо мной.
Но мили пройдут, и наступит покой,
И после дороги наступит покой.

Перевела с английского
Оля ГУРЕВИЧ, 14 лет

ШКОЛА ДОБРА

Спешите творить благо

Слова «благотворительность», «милосердие» вы можете услышать часто. Кто-то считает благотворительную деятельность модным поветрием, а кто-то надеется, что она возродит нравственность. Сегодня в стране благотворительные общества создаются одно за другим. Это и Советский фонд милосердия и здоровья, и ленинградское общество «Милосердие», и центр социальной и физической реабилитации воинов-«афганцев», и отряды милосердия «Друг»...

Мы встретились с Алексеем Панайотовичем Мастеропуло. Он — врач, занимается историей благотворительности в России. А еще он — вдохновитель и организатор нового благотворительного общества. Это «Братство» православных врачей. Кстати, название традиционно для России. С А. П. Мастеропуло встретились **Инна Башина, Оля Пушкина, Марина Чумакина и Алеша Корнилов.**

— Как вы понимаете, что такое милосердие?

— О милосердии можно говорить много. У него общечеловеческие истоки. Лучше всего сказано в Евангелии, особенно в Евангелии от Матфея. Почитайте работу Льюиса «Любовь» (она опубликована в журнале «Вопросы философии» № 8, 1989). Очень важно понять, что в милосердии и любви к людям человек «возрастает духовно». Милосердие превосходит законы зла, оно вообще больше любых политических (юридических) законов. Оно не подвластно естественным, всемирным законам. К этому приходит каждый верующий человек, понимая, что Бог милосерден, ибо человек получает милосердие от Бога и отдает его, ничего не прося взамен, видя в этом смысл жизни, основу спасения. Милосердие в социальном смысле — это благотворительность.

— Сейчас мы видим больше агрессии, чем милосердия...

— Именно поэтому рост преступности в стране должен компенсироваться ростом милосердия — по соотношению этих двух сил и можно оценивать ситуацию в стране. Общество должно стремиться к равновесию этих составляющих.

— Но разве не может неверующий человек быть милосердным?

— Конечно, может. Но есть важные отличия. Л. Н. Толстой считал, что познание Бога — в деятельной любви. Это антропоцентричная точка зрения. Сначала милосердие — и через него к истине. Так же рассуждал Ф. М. Достоевский. Он шел к человеку, чтобы увидеть в нем Бога. Есть и другая точка зрения, теоцентричная, или богоцентричная: сначала познание Бога, потом путь к человеку. Это особенно необходимо для того, чтобы в последнем падшем увидеть образ Божий. Я врач-нарколог и потому много имел дела с больными, страдающими от белой горячки. Как относиться к таким людям? Перед вами не человек, а биологическая масса, буквально кусок мяса. Но если смотреть на него как на сотворенного Богом, то он для вас все равно Человек с большой буквы. Еще пример. Сейчас в Москве, на 16-й Парковой улице, при доме престарелых, обитель Матери Терезы. Здесь очень много так называемых «неперспективных для лечения» больных. Представьте себе, что вы пришли помогать этим людям. Атмосфера очень тяжелая, и дело даже не в запахах. Сам вид страданий человеческих невыносим. Сестры обители чередуют работу с молитвой. И это помогает. Пост, молитва и бдение дают силы сопереживать. Обычный человек устает сопереживать, но как важно оставаться на достойном человека уровне милосердия. Для этого необходим более высокий духовный уровень. Молитва — это как подзарядка. Основным правилом является: «Только поднявшись к Богу, спуститесь к человеку». Это бесконечный путь совершенствования. Сестры дают страждущему именно то, что ему нужно в настоящий момент. Они соучаствуют в его страдании. Улыбаются, если это нужно, а бывают и «девами скорби».

Учить милосердию надо в семье. С семьи все начинается. Семья — это домашняя церковь. А в идеале весь мир — ваша семья. Здесь, кстати, можно и окончить, достичь высоты абсолютной.

Конечно же, и в атеистической семье возможны такие всплески милосердия, которые затмевают семьи верующих. Надо сказать и о том, что когда церковь стремится стать бюрократическим институтом и силой заставляет жить по законам добра, она может привести к обратному.

— А что конкретно, как благотворительная организация, вы предполагаете делать?

— Планируем возродить христианские клиники, богадельни, общину для наркоманов, училище для сестер милосердия. В России этот институт был очень развит. В первую мировую войну по уровню медицин-

ской помощи мы не уступали французам, хотя наши снабжение и антисептика были значительно хуже. И все это благодаря сестрам милосердия. Как говорил Кропоткин, братства преобразуют духовную жизнь России. Так мыслили со времен Чаадаева и Аксакова. В начале века в России каждому приходу было разрешено иметь свое попечительство над богадельнями, роддомами, клиниками. Представляете, каждому! Вот это размах благотворительного движения!

— Давайте от истории вернемся к современности. Что сейчас нужно сделать, чтобы ваши планы осуществились?

— Для того, чтобы мы могли существовать, необходимо было поручительство какой-то общественной организации. За нас поручился Красный Крест. Но чтобы мы заработали в полную силу, необходим закон, разрешающий благотворительность религиозным организациям. Вместе с тем есть масса организаций, которые готовы нас субсидировать. Так что пожертвования будут, но рассчитывать мы должны прежде всего на себя. А вообще мы живем надеждами. Сейчас день идет за месяц, поэтому вероятно, что скоро наша судьба будет решена.

— Смогут ли школьники помогать вам?

— Мы с радостью примем любую помощь. Но членом «Братства» можно стать только после 16 лет.

А Я ДУМАЮ ИНАЧЕ. Надя Соболева была свидетельницей беседы с А. П. Мастеропуло. Вот ее мнение об услышанном.

— Пожалуй, более всего меня заинтересовали, нет, не так, взволновали вопросы, так сказать, теоретические. Богопознание и милосердие, истинная и деятельная любовь. Мне сейчас необходимо определить, что важнее: погрузиться в поиски истины или сразу начать делать какое-нибудь реальное дело. Да и что такое вообще милосердие? Возможно ли оно без познания истины? Я не христианка и не могу как догму воспринимать идею о богоцентричности милосердия. Мне ближе взгляд Достоевского: лишь в опыте деятельной любви можно найти свою истину. Но что такое опыт деятельной любви? Есть ли это благотворительность? И может ли быть своя истина, или она одна, единая для всех? Не знаю... Думаю, думаю, думаю...

СКАЗКИ

Максим ЛИТВИНОВ, 14 лет

Кот из космоса

Смеркалось. Кот Васька убежал из дому, потому что разбил чашку. Шел он по лесу, и вдруг его ослепило. Что-то сверкающее, ярко светящееся опускалось на опушку. Кот зажмурил глаза, но не испугался.

То, что опускалось на опушку, оказалось сияющим шаром. Он медленно опустился на землю, и его сияние померкло. Васька открыл глаза. То, что он увидел, поразило его. Из шара выкатились странные существа, ни на кого не похожие.

Одно из существ повернулось в его сторону и вдруг превратилось в симпатичного кота, похожего на него самого. Васька от неожиданности выгнул спину дугой и зашипел. Кот сделал то же самое. Васька ударил нового кота лапой по носу, кот как-то крякнул и тоже двинул Ваську лапой. Васька жалобно замяукал, кот замяукал так же. Васька начал злиться и сказал сердитое «МЯУ», кот повторил. Ваське стало интересно. Он мяукнул весело, незнакомец ему ответил. Так они промяукали всю оставшуюся ночь.

В это время дома Саша и Маша всюду искали Ваську. Они даже забыли о разбитой чашке.

— Куда делся этот котенок? — негодовала Маша.

— Пошли поищем в лесу,— предложил Саша.

Начинался рассвет, все было покрыто туманом, робкие лучи солнца пробивались сквозь деревья.

Саша и Маша вошли в лес. Вдруг они услышали тихое мяуканье. Они побежали туда, откуда оно доносилось. Когда они выбежали на опушку леса, то увидели двух котов, которые сидели друг против друга и совершенно одинаково мяукали. Один из них взглянул на Сашу и тут же превратился в мальчика, очень похожего на него самого.

— Ты кто? — спросил Саша.

— Ученый с планеты Голоид,— ответил пришелец.

— А где находится ваша планета? Я что-то про такую не слышал,— с недоверием сказал Саша.

— Голоид — одна из планет Великой галактики. Вон, видите созвездие рядом с Млечным Путем?

— А, Близнецы! — воскликнула Маша.

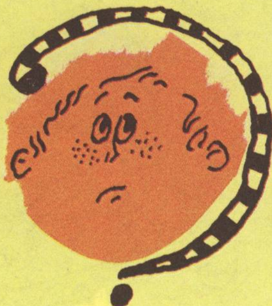
— Да, у вас это созвездие называют «Близнецами». За этим созвездием и находится наша галактика.

— Пожалуйста, расскажите нам о своей планете!

— Рад бы, но время мое истекло, я должен возвращаться. Возьмите вот это на память.— Пришелец протянул Саше и Маше блестящую коробочку. Затем он быстро направился к шару, вошел внутрь. Шар засиял и стал медленно подниматься. Саша и Маша проводили шар взглядами, и Саша открыл коробочку. Там сидел кот, который смотрел на ребят и говорил «МЯУ». Только тут Маша вспомнила про Ваську:

— Куда же делся наш котенок?

Как надо жить?

I

Вариант первый: перечитать высказывания, письма, мемуары, произведения наших и зарубежных классиков (почему-то их слова всегда воспринимаются как истина в последней инстанции) и, понадергав цитат, написать их на карточках и развесить по всей квартире — пусть поучают и днем, и ночью. Классикам лучше знать, как надо жить.

Вариант второй: спросить маму, папу, бабушку, дедушку, вообще всех родственников (знакомых не стоит, а то вдруг попадется вредная личность и даст неверный ответ).

И, наконец, вариант третий: подумать самостоятельно.

Теперь пишу серьезно. Я не принимаю варианты первый и второй. Прежде всего я хочу понять, есть ли у меня в жизни цель. Если есть, тогда имеет смысл жить дальше. Но как это определить?

Я не люблю теорию относительности. Смешно, конечно, но именно эта теория с гнусненькой такой усмешечкой объявляет мне, что в жизни все относительно, даже то, что на первый взгляд абсолютно. Мы примирились с относительностью знания, даже с относительностью истины, но как примириться с относительностью нравственных ценностей? Что есть добро и что есть зло? Как ответить на такой вопрос сейчас? Уже не помню, где я прочла фразу, смысл которой сводится к следующему: святая доброта так же вредна, как и дьявольское зло. То есть надо быть и злым, и добрым одновременно. Позиция очень популярная. Добро с кулаками. Чтобы позволить себе быть добрым, надо уметь быть злым. Такие вот жизненные принципы.

Можно ли строить свою жизнь на относительных понятиях, возведенных в абсолют? Хорошо было с Богом. Все ясно и просто. Выучил десять заповедей, прочел Нагорную проповедь — и живи. Потом Бога отменили. Мироздание и раньше вибрировало, а теперь вообще накренилось, как Пизанская башня, и требует реконструкции. Не важно, что религия давала неправильные представления о строении Вселенной: какая обыкновенному человеку разница, вращается ли Земля вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли? Главное, была абсолютная истина, и можно было жить, и была в жизни цель: если уж Бог сотворил человека, на что-нибудь ты да нужен. Пусть хоть на совершение Божьего промысла. А теперь? Хорошо, если ты талантлив,— не зря живешь. А если нет, неужели твое предназначение — только продолжение рода? Тоже вроде бы неплохо, но ведь сейчас никто своих родных дальше прабабушки с прадедушкой не знает. Обидно. За тех, кого уже забыли, за тех, кого еще забудут, в том числе и за себя.

Может быть, в этом и есть ответ — жить так, чтобы о тебе помнили. Банальный такой ответ, всем известный. Однако самое интересное то, что для меня к этому тривиальнейшему ответу сводятся все проблемы, даже такая: «Как надо жить, чтобы быть счастливой». Нет ничего более скользкого и неуловимого, чем счастье. Вот чувство, для которого надо слишком много и слишком мало одновременно. Состояние постоянного счастья невозможно — получится скорее постоянная скука. Зато не счастье ли ощущать себя постоянно полезной, нужной? В чем счастье любви? В том, что кому-то нужны ты и твое чувство.

Вот еще один парадокс: человек, по природе своей эгоист и мелкий собственник, не может жить только для себя.

У вопроса «Как надо жить?» нет окончательного ответа. Стоит ли поэтому придавать вид законченности моим рассуждениям? Здесь самый лучший конец — новый вопрос.

Как надо жить?

Татьяна БУЗИНА, 15 лет

II

По-моему, прежде надо попытаться ответить на такой вопросик: «Зачем жить?» Ведь не для «процветания же человечества» в самом деле. «Для семьи, для продолжения рода» — так часто отвечают замужние женщины. Но зачем его продолжать?

Недавно прочла хорошую книгу, «Иллюзии» называется. До сих пор замечаю ее влияние на себе, но кажется, что все там написанное я давно уже знала. Впрочем, «узнавать — вспоминать» (это оттуда). Ну так вот (влияние!), если и есть цель жизни, то она — твое счастье. Кажется несколько эгоистичным? Но почему же, ведь счастье — это не комфорт, не уют и даже не «покой и воля», нет. Счастье — умственная твоя работа (вот даже сейчас подумала — и как-то легче стало; и ведь не то что придумала что-нибудь новенькое, а просто записала, что знала). Счастье — учиться (нет, не «общеобразовываться», но познавать — мир, себя, что хотите). Счастье — разгонять облака, подчиняя их своей воле. Счастье — делать то, что действительно хочешь. Опять, наверное, кажется эгоистичным. Но я совсем не о том. Ведь то, что «действительно хочешь», чаще не эгоистично, наоборот. Ведь не можешь ты хотеть причинить боль кому-нибудь... И надо лишь научиться различать истинный голос свой

и слушаться себя, советоваться с собой, не обманывать себя, хотя бы в мыслях собственных.

Что же я «действительно хочу»? Хочу — и больше всего — не зависеть от всеобщей жизни. Понимаю, конечно, что совершенно не зависеть — нереально, но тогда так: «Хочу как можно меньше зависеть от жизни». Что я понимаю под жизнью всеобщей? Действительность, политику, объективный ход событий, крах или победу перестройки и т. д. Хочу жить сегодня почти так, как жила бы 50 или 100 лет тому назад (или вперед). Я, естественно, имею в виду то, что именуют «внутренней жизнью». Конечно, приходится делать скидку на свободу действия и слова, но на мысли наши ведь труднее наложить арест? И если бы всегда могла сделать то, что думается, то была бы счастлива...

Но мешают. И не только внешняя «объективная реальность». Мешает куча догм, норм, стандартов, которые во мне. Мешает привычка сравнивать действия и, что хуже, мысли свои со стереотипами общества. И не только всего общества, но и общества уважаемых тобой людей. Привычка сравнивать себя с ними и спрашивать: как бы поступили они? Друг, Ленин, Иисус Христос?

Я не призываю считать себя выше, чище и лучше всех. Но просто может так случиться, что ваши оценки не совпадут с принятыми. Не спешите соглашаться с большинством. Отвечайте за себя только перед собой. И спрашивайте почаще: «Действительно ли я хочу это сделать?» Выбросим из головы догмы и схемы. Ведь сколько мы делаем ненужного и никчемного, ненормального. Становимся пионерами и комсомольцами (что же я, рыжий?). Выдумываем себе любовь (говорят, что в этом возрасте уже пора влюбляться). Зачем? Давайте стараться не изменять себе.

Как хочется бросить эту нормальную (от слова «норма») нежизнь, правда? Что бы такого сделать, чтоб полететь, а? Трудно? Да...

Но что бы было на Земле, если бы все начали жить, слушая свой внутренний голос? Тогда наша планета была бы самой счастливой во Вселенной.

Евгения ГОЛУБЕВА, 15 лет

МАЛАЯ РОДИНА

Дмитрий КОЛОСОВ, 13 лет

Московские прогулки

— Ну, Дмитрий, придется тебе гостю Москву показывать,— сказал дед, как мне показалось, насмешливо и схватился за поясницу.— Я сегодня не ходок.

Гость из провинции приехал некстати. У меня ответственные соревнования, а тут, пожалуйте, показывайте Москву. И совсем уж не вовремя деда схватил радикулит. Он-то любит ностальгические прогулки по старой Москве. Уедет и целый день бродит по старым переулкам да улицам. А я из своего микрорайона уже сколько времени никуда не выезжаю. Зачем? Школа рядом с домом, бассейн в школе... магазины, каток, библиотека — все под боком. Что же я этому гостю покажу, что расскажу? Я сам-то про Москву ничего не знаю. А он вот какой любопытный: все вопросы задает, все подробности выпытывает.

Дед, словно понимая мои сомнения, вручил мне книжку.

— Держи, путеводитель по Москве. Доезжай до Пушкинской площади, открывай, где заложено, и читай. Там все описано, только голову налево и направо поворачивай да дома рассматривай.

— Вот спасибо, дед!

— Не за что,— усмехнулся дед,— не подкачай!

...«На площади Тверских ворот, или Страстной, при Екатерине были воздвигнуты пышные триумфальные ворота... Занимая половину начинающегося здесь Страстного бульвара, стоит Страстной монастырь, возникший в 1641 году в густом лесу...» Я в ужасе смотрел налево и направо, вглядывался вдаль, читал и перечитывал название площади. Ничего похожего вокруг не видел.

— Дед страницу перепутал, не ту заложил,— догадался я и поспешно начал листать путеводитель.

— Все точно,— сказал вдруг гость.— Страстной монастырь на месте кинотеатра «Россия» стоял, по его имени и бульвар назывался. А потом монастырь разобрали, бульвар и площадь переименовали. Дальше читай!

...«Налево от монастыря — дом М. И. Римской-Корсаковой. Дом устоял во время пожара 1812 года, но пострадал, стал, по выражению хозяйки, «хуже всякой блинной». Дом привели в порядок, и в нем потекла обычная дворянская жизнь. Князь Вяземский предполагал, что Пушкин, который бывал здесь, был неравнодушен к одной из дочерей хозяйки — Александре и даже анонимно воспел ее в седьмой главе «Онегина». Вернувшись из похода, Вяземский женился на Александре Корсаковой, несмотря на отчаянное сопротивление отца».

Мой гость кивнул в сторону здания газеты «Известия»:

— Дом Корсаковой на этом месте стоял.

Я дальше читаю, надеюсь, что какой-нибудь дом и мне удастся гостю показать: «Соседний с корсаковским дом — теперь разрушенная руина — принадлежал прежде знаменитому в Москве гастроному Рахманову, посылавшему своего повара учиться в Париж. Рахманов был так толст, что не мог сесть в обыкновенное кресло. Знаменитые рахмановские блины и поросят гости ели прямо на кухне, чтобы они не успели остыть».

— Этот дом ближе к Малой Дмитровке стоял,— пояснил мне провинциал.— Ну, а теперь по Тверскому бульвару пойдем, к Никитским воротам. Я тебе там много интересных мест покажу. Путеводитель этот я читал, он в начале века был написан...

И мы долго гуляли с моим гостем по Москве, по старым улицам и узким переулкам. И он все рассказывал и рассказывал о моем родном городе, а я чувствовал себя гостем из провинции...

ТЕТРАДЬ СТИХОВ

Борис ПАСТЕРНАК

Ночь

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане.
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.

В пространствах беспредельных
Горят материки.
В подвалах и котельных
Не спят истопники.

В Париже из-под крыши
Венера или Марс
Глядят, какой в афише
Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится
В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну,
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

Ехала я как-то в автобусе и листала сборник Пастернака. Ну какое чтение в автобусе? Читала короткие стихи, а длинные просто перелистывала. Вот из стихотворения «Ночь» прочитала первую строфу:

...Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

«Про летчика»,— отметила машинально. И последнюю строфу пробежала глазами:

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.

«Про художника?» — удивилась я и прочитала стихотворение с начала до конца.

Я пыталась понять: о ком же стихотворение? Художник или летчик — его главный герой? И увидела вдруг, что с первых же строк Пастернак пишет не только о летчике, но и о художнике, поэте, быть может, о себе.

Летчик и художник едины в этом стихотворении. Оба эти человека бездомны. Ночью, когда все люди спокойно и безмятежно спят в своих домах, один мчится над землей на самолете, другому не спится «на крытом черепицей старинном чердаке». А чердак не дом, а временное пристанище. Художник, подобно летчику, вознесен над человеческим жильем. Небосвод — единое место бытия летчика, звезды и художника.

Все, что говорит поэт о летчике, можно сказать и о художнике:

Под ним ночные бары,
Чужие города.

Под ним весь мир, и он все должен охватить пристальным взором — и большое, и малое. Подобно Марсу и Венере, он смотрит из далекой высоты и должен видеть не только небосвод страны, города, но даже «какой в афише объявлен новый фарс». Словно заклинание и мольба звучат последние строчки:

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну,
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

Художнику назначено судьбой рассказать о своем времени честно и беспристрастно. Рассказ этот останется в вечности — от художника потомки узнают о нас. Сравнение художника со звездой подчеркивает вселенское значение его труда.

Смотрела я в окно автобуса и думала, что, наверное, Пастернаку это и помогло вынести все тяготы жизни, устоять. Он понимал, что был брошен в мир и вознесен над миром, чтобы увидеть и испытать все невзгоды, боль своего времени. Чтобы услышали об этом времени потомки правдивый рассказ.

Ксения ИВАНОВА, 13 лет

Австралия – далекая страна

В далекую, неведомую, волшебную страну Австралию я попала почти волшебным образом.

Жил-был австралийский режиссер Эрол Брей. Однажды он решил собрать в Австралии молодых драматургов со всего света. А очень далеко, за тридевять земель от него жила-была Маша Блинкина, то есть я. Именно в это время я написала свою первую пьесу, которая случайно попалась ему на глаза. И меня пригласили на фестиваль молодых драматургов в Сидней.

...Жила я в Австралии две недели и по нескольку раз в день ходила в театры. Поэтому для меня Австралия — это прежде всего скопление театров. И формой своего существования эта страна показалась мне театральной.

Двести лет назад сюда на исправление завозили преступников из Европы. Время шло. Преступники исправлялись, женились, воспитывали детей, образовывали поселения. Одновременно в Австралию перебирались и особо отважные европейцы. На этом отдаленном маленьком материке они пытались копировать жизнь Старого Света, играть в европейцев. За двести лет в страну понаехало огромное множество народа из разных стран. Все невероятно перемешались, и получился один народ — доброжелательный, гостеприимный. Здесь французский магазинчик соседствует с китайским, европейский расположился в одном доме с арабским. Когда мы, люди из двадцати стран, приехавшие на фестиваль, шли по улице, мы ничем не выделялись из пестрой толпы австралийцев.

Мне здорово повезло. Я попала на празднование 200-летия Австралии. Торжества очень пышные. Сидней был необыкновенно красочен, залит светом...

Но далеко не все люди в стране веселились и радовались в эти дни. Ровно двести лет назад началось истребление аборигенов, коренного населения Австралии. Попытки приобщить аборигенов к европейской цивилизации те называют желанием осчастливить их насильно. Через тяжелые испытания аборигены пронесли и сохранили свою культуру, сказки и песни.

С австралийской школой я знакома в основном по рассказам моего приятеля Юджина. Австралийские школьники очень смелы и активны. Когда в некоторых сиднейских школах попытались ввести порку, поднялся бурный протест. Хотя дети идут в школу с пяти лет, они не делаются от этого затюканными. Еще бы! Детская площадка возле школы не уступает нашим паркам аттракционов. О начале перемены возвещает не электрический звонок, а нежнейший колокольчик. Напротив моего окна была как раз школа. И я каждое утро просыпалась от звона этого колокольчика.

Классов в нашем понимании там не существует. Каждый ученик средней школы выбирает себе предметы и сам же определяет их количество. Юджин выбрал для себя французскую музыку, изучает французский, немецкий языки, совсем не занимается математикой. Не похожа на нашу и система отметок, она пятисотбалльная. Когда человек кончает школу, в итоговую отметку входят ответы на всех экзаменах. Разумеется, все это подсчитывается на компьютерах. Когда австралиец поступает в институт, он уже не сдает вступительные экзамены: заранее известно, что на один факультет нужно набрать 300 баллов, на другой — 400. Самый высокий проходной балл — в университетах, ниже — в колледжах. Но, главное, людям не грозит нервотрепка на вступительных экзаменах.

По городу сиднейцы перемещаются на пароходиках, автобусах, машинах. Городской общественный транспорт очень удобный, автобусы не надо брать штурмом. Поэтому совсем не обязательно иметь свою машину. Многие руководящие и деловые люди города разъезжают на автобусах. Я как-то ехала в одном автобусе с главой местной ортодоксальной греческой церкви...

Когда я вернулась из Австралии, многие меня спрашивали, видела ли я там разгуливающих по улицам кенгуру. Не понимаю, почему эта страна ассоциируется с этими животными. Кенгуру в Сиднее живут только в зоопарке, как и другие звери, на общих основаниях.

В сиднейском зоопарке много любопытных животных. Есть даже вымирающие канды. Животные эти такие редкие, что в Сиднее открыли магазины, где продаются только сувениры с их изображением. На деревьях в зоопарке сидят коалы — маленькие Винни-Пухи. По дорожкам свободно расхаживают и раскидывают хвосты павлины. Здесь с уважением относятся к каждому животному. Стараются не подавлять индивидуальности, создать естественные условия жизни. И, насколько это возможно в зоопарке, не сковывать их свободы.

На австралийских улицах много детей. Они очень громко говорят, но я ни разу не видела, чтобы на них кто-то шикнул или, что совершенно невероятно, отшлепал ребенка. Им не делают замечаний, им только улыбаются. Для меня самой экзотической чертой экзотической Австралии была всеобщая доброта к детям. Может, поэтому Австралия такая зеленая страна...

Мария БЛИНКИНА, 14 лет

СМЕХ И СЛЕЗЫ

Максим ЗЕМЛЯННИКОВ, 13 лет

Попугай

Знакомая уезжает в санаторий. Отдает попугая.

— Полиняет — будет красивым.

— Сколько лет?

— Нет двух месяцев.

— Говорит?

— Нет, но будет.

— Как зовут?

— Никак.

Никак, Ни-ак, Ника. С тех пор зовут Ника.

Мама: «Давай поговорим, давай поговорим».

Алена: «Пр-р-ривет, здр-р-равствуй». (Думает, так ему понятней.)

Бабушка: «Ника хочет кушать, Ника хочет кушать».

Папа (учит Нику по системе Макаренко): «Здравствуйте, повесьте пальто на вешалку. Чаю хотите?» (Попугай должен быть вежливым.)

«Здравствуйте... повесьте... хотите... Здравствуйте...»

Не говорит. И не линяет. А должен.

Папа: «Здравствуйте...»

Алена: П-р-ривет...»

Ника: «Ка-р-раул!»

И слинял. Больше не видели.

Александр ИВАНОВ, 15 лет

Стена

— Хлоп! — Мячик ударился о стену.

— Бум! — ответила стена.

— Как дела? — спросил мячик, еще раз подлетая к стене.

— Отлично! — ответила она.— Хорошо об меня вытираться?

— Ничего, ты такая большая, белая...

— Ну вытирайся, малец! — гордо ответила стена.

Пришел второй футболист с грязным мячом, третий, четвертый...

Через час белую стену было не узнать. Проходившая мимо белая в яблоко лошадь, которая спорила намедни со стеной: «Как лучше, в яблоко или без», гордо распушила хвост.

Маша БЕРМАН, 10 лет

Дыра

Жила-была дыра. Она дружила с ленью. Лень спасала ей жизнь. Когда хозяева хотели зашить дыру, лень не давала им этого сделать, она вступала с ними в поединок и всегда побеждала. Таким образом существование дыры продолжалось. С помощью лени дыра все увеличивалась, протиралась все больше. Еще она дружила с нулем. Этот нуль жил в голове каждого из так называемых хозяев дыры. Просто их мысли и знания равнялись этой ничего не значащей цифре. Нуль, лень и дыра были чем-то очень похожи друг на друга.

Дыра увеличивалась, увеличивалась и, наконец, заняла весь дом. И лень, и нуль, и дыра слились в одно целое. Дыра была вполне удовлетворена и даже рада. Она теперь считала возможным занять весь мир. Во всяком случае, домом она владела полностью. Люди даже говорили: «Как можно жить в этой дыре?» Это безумно радовало дыру, и она считала себя всемогущей.

Аня БУТЕНКО, 8 лет

Калачок

В печке толстый калачок
Нарумянил свой бочок.
Стал плясать и кувыркаться
И по уши улыбаться.

Сахаром весь стол обляпал,
А потом скатился на пол.

Весь изляпался и рад,
Что бочок чумазый:
Ведь его же не съедят,
Ведь теперь он грязный.

Борис БУТКОВСКИЙ, 14 лет

Зуб

У Мишки с утра болел зуб. Что он только с ним ни делал, как только ни ублажал его! И конфетку давал пожевать, и сладким чаем поил. А он все равно болит. Тогда Мишка решил наказать его и вылил в рот полтюбика зубной пасты. А зуб продолжал себе спокойненько болеть. Издевался он, что ли? Мишка этого не знал, но зато знал, что весь рот у него теперь щипало от пасты. К вечеру зуб успокоился немного, Мишка заснул, а на следующий день, когда Мишка схлопотал пару по истории, так прихватило, что слезы из глаз потекли. Придя расстроенным домой, Мишка хотел было отказаться от мытья посуды, но зуб легкой болью дал понять, что будет, если он сейчас же не подойдет к раковине. Как только Мишка включил кран и взял первую тарелку — о чудо! — зуб вообще утихомирился, как будто его и не было. Помыв посуду, Мишка решил пойти полежать. Только он снял тапок, как зубная боль заставила его голову повернуться на сто восемьдесят градусов. Мишка увидел свой письменный стол. Вздохнул, пнул тапок ногой, тот улетел под шкаф, и Мишка в одном тапке пошел делать уроки. Пришла мама. Мишка сидел за столом и думал: «Только бы за хлебом не сказала идти. Только бы не сказала...»

— Миша, ты молодец. Вымыл всю посуду! Вот только одно плохо — хлеб кончился. Не сходишь? — спросила мама.

Мишка на сей раз вскочил, не дожидаясь, пока зуб напомнит о себе. Схватил сумку, побежал за хлебом. Принес хлеб, поели, и Мишка вымыл за двоих посуду. Зуб был явно доволен и ни разу не заболел. Зато Мишка назавтра получил пять по истории...

На родительском собрании говорили о том, как быстро Мишка повысил свою успеваемость, мама рассказывала, какой он хороший помощник. Все удивлялись и были очень довольны...

Прошел месяц. Мишке надоела такая жизнь. Сегодня он идет к зубному.

Журнал «Воробьевы горы» оформила Д. ГОНЧАРОВА.

АДАМАМ 1990

I

Каждый может видеть эту картину по-своему, я ее вижу так...

Они бесстрастно гуляли по райскому саду. Их ноги мягко тонули в пушистой траве и нежном мхе. Евины волосы, вьющиеся, будто хмелевые плети, отсвечивали медными всполохами: то и дело солнечные лучи касались их. Мышцы Адама перекатывались под смугловатой от загара кожей, светлые глаза в густых ресницах наивно созерцали рай.

Они мало говорили. У них были одни и те же ощущения, чувства, одни и те же мысли по поводу одних и тех же чувств. Им нравилось все вокруг: деревья, птицы, доверчивые звери... Ева протягивала руку к цветку — на ладонь садилась бирюзовая бабочка. Адам протягивал руку — на его пальцы опускался мотылек. Ева купалась в ручье, Адам купался в ручье. Совершенно одинаково, алмазно дрожала вода на их телах.

Они были частицами рая, где все сияло совершенством и красотой. Но никто не говорил им: «Ева, ты прекрасна! Адам, ты прекрасен тоже!» Несказанное не осмысливается. Необходимо произнести мысль хотя бы про себя, тогда рождается смысл и понимание.

Но...

Они откусили от запретного яблока: сочный плод давал знание, открывал глаза, сердца, души — райский мир вокруг преобразился. Преобразились они сами — в одноединое мгновение.

Они увидели друг друга. Адам воскликнул: «Ева!» Ева прошептала: «Адам...»

Он поразился ее бесконечной, непостижимой его сознанию ЖЕНСТВЕННОСТИ — удивительные, хмелевые волосы, кроткий, голубиный взор, слабость: какие у нее хрупкие руки, шея! — нежность, волнующая притягательность и еще, еще нечто необъяснимое... Что рай по сравнению с ЖЕНСТВЕННОСТЬЮ Евы!

Она поразилась его бесконечной МУЖЕСТВЕННОСТИ — силе, бесстрашию перед грядущими испытаниями, крепко слепленному телу, гордой шее, застенчивой диковатости и тоже — притягательности, необъяснимому.

Они увидели друг в друге МУЖЧИНУ И ЖЕНЩИНУ. Разные звезды. Противоположные полюса. Они увидели, что прекрасны совершенно по-особому: она это Она, он это Он.

...Стоп! Здесь остановимся. Дальше — океан событий. Дальше — сомнения, тревоги, победы, поражения, потери, приобретения, род человеческий в своем развитии, в движении.

...Стоп! Адам и Ева — первый МУЖЧИНА и первая ЖЕНЩИНА прозрели. Яблочный сок давно растаял, оставив на губах только щемящий душу кисловатый аромат.

Адам и Ева, стыдливо прикрываясь случайными листьями, все же не могли отвести друг от друга глаз. Ибо запретное было познано: МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА любовались друг другом. И в этом любовании чувствовалось движение светлой реки с кипучим течением. Адам и Ева открыли друг друга, и друг для друга стали ОТКРЫТИЕМ.

Все в райском саду, их окружающее, вдруг обрело иной смысл, оттенки, ощущения: мхи и травы, птицы и звери, небо и деревья, движение ветра, трепет теней.

Адам и Ева медленно поплыли по светлому течению своего Великого Открытия.

II

К нам в редакцию как-то пришел автор — сентиментальный человек, отец семейства,— и рассказал вот какой эпизод.

— Понимаете, я сейчас сдаю в издательство книгу, поэтому очень много работаю дома. И невольно наблюдаю жизнь двора во всем ее, так сказать, многообразии.

Однажды увидел из окна: у подъезда стоит группка подростков, лет тринадцати-четырнадцати, едят мороженое. Если память мне не изменяет, там было три мальчика и две девочки. Удивляюсь, как вели себя эти юные леди... Мальчики их по-свойски хлопали по плечам, плевали им под ноги, оживленно о чем-то рассказывая. Юные леди оглушительно, открыв рты, хохотали, отвечали сво-

И ЕВАМ ГОДА

им спутникам тем же — тоже хлопали по плечам, тоже плевали под ноги... Затем двое мальчиков исчезли. Как потом выяснилось, они зашли в наш подъезд, чтобы — простите! — облегчить кишечники. Да-да, прямо на первой попавшейся лестничной площадке. Тут вышел мой сосед, возмутился, вышли другие люди из своих квартир. Взрослые от подростков требовали только одного, чтобы те убрали за собой кучи. А мальчики не желали «унижаться». Они так нам и говорили: «Мы не козлы, чтобы перед вами унижаться!» ...Наконец, на крик в подъезд явилась вся оставшаяся компания. И что вы думаете! Ни мальчики, ни девочки не испытали в этот момент чувства стыда! Девочкам не было противно, что они видят, так сказать, сотворенное мальчиками. Мальчикам не было конфузно, что сотворенное ими видят девочки, их подруги. Больше того — и те, и другие начали с жаром, с упоением доказывать взрослым, мол, они не виноваты, мы ущемляем их свободу, ничего страшного не случилось, если они справили нужду в подъезде. «Мы же не на Красной площади это сделали!» — кричали нам подростки. «Да, да! — поддерживали их девочки. — Что вы к ним пристали?!» Дело кончилось тем, что кучи нашкодившие подростки все-таки кое-как убрали, а потом высыпали на улицу продолжать свою незамысловатую прогулку. Никому, ни единому из них не было стыдно. Девочкам не было стыдно. Произошедшее считалось в порядке вещей... Вас не страшит мой рассказ? — закончил тревожный монолог автор журнала.

Страшно. И за нас — взрослых людей, наше издерганное, раздираемое различными тревогами и сомнениями общество. И за мальчиков и девочек, считающих себя совершенными, раскованными, максимально открытыми друг другу.

III

Редакционная почта, которую я читаю, последнее время на удивление однообразна. Она — про первые увлечения, первую любовь, первый трепет чувств... По этой почте видно, что наши дети — нормальные дети. Души их просыпаются в тот момент, когда Природа передвигает стрелки своих неумолимых часов на очередное деление. И все можно понять — первые чувства, первые тревоги. Но... Как цинично и требовательно девочки — особенно девочки! — пишут о своих мечтах, сомнениях, увлечениях.

«Моя подруга Галя отбила у меня Славу. Теперь они ходят везде и обнимаются, целуются. Я тоже так хочу. Ведь раньше Слава дружил со мной».

«У нас в классе есть девочка Степанова. Она позволяет мальчикам задирать себе юбку, прижиматься к ней в углах. Степановой нравится такое отношение. Должны ли мы осудить поведение Степановой на классном часе?»

«Мама не пускает меня после десяти вечера на улицу. Там наши девочки катаются с мальчишками на велосипедах, поют под гитару песни, визжат, смеются. Я тоже хочу быть вместе с ними».

Быть как все, не отстать от Гали, Светы, Марины, подчеркнуто вежливо спрашивать, осуждать ли поведение лихой Степановой на классном часе — вот уровень нынешней редакционной почты. И в ней почти все сказано впрямую. Никаких тайн.

Я — за тайны. Я — за женственность, которая сама есть тайна. Я — за мужественность — неразгаданную тайну для женственности.

Я — за трепет перед опущенными ресницами девушек. За сомнения, неразгаданную тревогу, тоску, за будущее. Я — за вечное Открытие друг друга, которое первыми среди людей сделали Адам и Ева, осознав, что они два полюса, две звезды, два дерева, два неповторимых звука.

IV

...Эпизод из жизни археологического лагеря, в котором работают подростки.

Свободное, послеобеденное время, час отдыха: кто дремлет в палатке, кто брен-

чит на гитаре, кто-то пошел искупаться в близкой реке.

На лысом, вытоптанном пятачке посреди лагеря собралась группа ребят. «Ну, что, Жека, давай, Димка готов»,— говорят они.

Жека — плотная девчонка лет четырнадцати, в красном купальнике и Димка — крепыш в стареньких плавках, ниже Жеки на голову и чуть-чуть младше ее, сосредоточенно сопя, начинают двигаться по кругу. Р-раз — схватились, борются.

Группа безмолвно, сосредоточенно наблюдает. Димка мнет Жекин литой торс, Жека, кряхтя, выкручивает Димкину руку, стараясь сделать подсечку.

Сцепились. Потеют. Упорно возятся, проводя серию приемов. Наконец Димка кладет Жеку на лопатки, победоносно усаживается на поверженную — извините, поверженного противника — верхом.

Жека согласна, что ее победили, бурчит: «Ладно. Вставай».

Тут к ней, вставшей на ноги, отряхивающейся, подходит один из наблюдателей:

— Слушай, Жек, ты не права...

О! Наверное, сейчас скажет Жеке, что все-таки она — девочка и как-то не очень здорово (а честно говоря, просто омерзительно), когда с ней, кряхтящей, потной, в купальнике, из которого выпирают внушительные формы, борется мальчик.

Наблюдатель продолжает: «Нет, Жек, ты не права. Смотри, как надо делать подсечку». И тут же укладывает Жеку ловким приемом на лысый пятачок...

Можно ли представить, например, Мону Лизу, которой ловко выкручивает руку Леонардо? Или Мисс Мира, натужно пыхтящую в схватке с ведущим телепрограммы?

И Мона Лиза, и Мисс Мира, и Ева — олицетворения тайны Женственности. Невероятно их увидеть на равной доске с мужчинами. Невозможно. Непростительно... И зачем им гнаться за мужчинами? У них своя жизнь, свой ритм, свой ореол неразгаданности. Кесарю кесарево, женщине — женское. А мужчинам, соответственно,— мужское.

V

Давно я наблюдаю издалека этого молодого человека. О таких снисходительно говорят: «Он — инфантил». То есть ребенок. У молодого человека есть семья, растет сын, но в любой компании юный папа ведет себя под стать своему дитяте.

...День рождения. Собираются оживленные гости. Шуршит целлофановая фольга, снимаемая с цветов. Столы ломятся от угощений. Где-то в глубине квартиры журчит музыка.

Молодой человек первым подходит к столу: «Ой, а это что? Пирожки... А это — трюфели? Грибы... Собственного засола?»

И он, не долго думая, первым берет со стола вкусное — конфеты, пироги, залезает руками в тарелку, подцепляет прямо пальцами гриб.

Рядом с ним за стол села приятельница. Разносят вишневый компот. И надо же такому случиться: нашему молодому человеку компот не достался! Он лезет в чашку соседки — как же, там такая вкусненькая водичка и такие вкусненькие ягодки.

...Концерт. Свободных мест нет. Молодой человек идет по рядам. Видит знакомую. Оттаптывая ноги, пробирается к ней. И, кокетливо извиваясь, садится на женские хрупкие колени.

Молодой человек все время играет роль капризного мальчика.

Что-то очень важное ему недодали в детстве родители. Чему-то необходимому не научили. Не объяснили, что он — будущий мужчина — опора окружающим в тяжелые, трудные минуты жизни. Просто-напросто страшно быть с подобными мужчинами рядом, хотя многие считают, что мой знакомый притворяется, придуривается. Но, как мне кажется, давно стерлась грань его притворства, теперь это образ жизни молодого человека. Игрушечной какой-то жизни, самоделкинской.

Мне кажется, что в сегодняшних наших буднях все чаще встречаются инфан-

тильные мужчины, мужеподобные Жеки, циничные компании, гадящие без стыда в подъездах. И все, что они вытворяют, считается в порядке вещей.

VI

Недавно я была свидетелем встречи двух немолодых людей. Они вместе учились в институте.

— Мишка, а помнишь наши студенческие походы?

— Да, Валера.

— Миш, а помнишь, как ты разбил мою жизнь? Навсегда, бесповоротно?

— История с Соколовой?

— Ну, да! Да! Представляете, Ира, у нас в группе училась такая необыкновенная Соколова — женственная, стройная, с прямым носиком. Я в нее был безумно влюблен. Боялся подойти ближе чем на пять метров и даже не мог здороваться. У меня, понимаете, перехватывало дыхание, когда я видел Соколову... Ну, вот приехали мы с очередной летней практики, она, Соколова, естественно, попала на практику не со мной,— и я решился. Отстоял ночь за билетами в Большой театр. Говорю Мишке: «Ты рядом с Соколовой живешь, брось ей билет в почтовый ящик». Он бросил. Соколова не пришла. Я не видел спектакля, сидел, как слепой. Потом осмелился, на следующий день подошел к ней на ватных ногах, разлепил губы — они у меня от напряжения ссохлись! — и спросил: «Почему Вы не пришли вчера? Вы получили билет? Вы живете по такому-то адресу?» Я ее, девчонку, называл на Вы — такая она для меня была недосягаемая, такая звездная! А она отвечает: «Я не живу по этому адресу, который ты назвал». О-о-о! Мишка! Ты преступник! Как ты мог ошибиться! Бросил билет не туда! Не в тот ящик! Переломал мне всю-всю жизнь!... Знаешь что? Давай позвони Соколовой, поговори с ней, а я с другого аппарата послушаю. Миш, ну чего тебе стоит?

— Да позвоните ей сами! — предложила я.— Столько лет прошло, она обрадуется.

— Нет, я не могу. Я как только ее голос услышу, не смогу ответить.

И вот два немолодых человека устроились: один — в комнате, другой — на кухне, у второго аппарата, навалившись на стол тоскующей грудью.

Операция «Звонок к Соколовой» началась.

Увы. Выяснилось, что Соколова ушла с внучкой на детский утренник...

Вот это да! Вот это я понимаю! Сохранить память о первой любви, трепет первых чувств в такой первозданной свежести, будто прошло не тридцать пять лет, а только два дня. Уметь восхищаться женственностью, загадочностью Соколовой так, будто это сама Венера Милосская или легендарная царица Савская.

Как я позавидовала Соколовой, теперь уже пожилой женщине! Она осталась для пожилого Валеры неразгаданной тайной и светом всей жизни.

Как бы хотелось, чтобы у вас, мальчики, была своя Соколова в жизни. И у вас, девочки, свой Валера, стоящий ночь за билетами в театр. Своя Ева. Свой Адам. И достойные их испытания. Их высокому человеческому «я».

VII

Каждый может видеть эту историю по-своему. Я ее вижу так.

...Они были изгнаны из рая. Прозревшие Ева и Адам. Я вижу их зимой, босиком, в шкурах, бредущих по мерзлым острым камням заснеженных гор. Две одинокие жалкие фигурки, если смотреть на них с вершин райских кущ.

Но приблизимся к изгнанным.

Из-под шкур лукаво выглядывает медная Евина прядка. Из-под других шкур видна твердая мужская рука с посохом.

И прядка, и рука — достойны уважения, преклонения. Как достойны этого Адам и Ева: первые МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА. Первые олицетворения МУЖЕСТВЕННОСТИ и ЖЕНСТВЕННОСТИ.

И. АНДРИАНОВА

Коллажи К. ЯСИНСКОЙ.

КАРТИНЫ ДЕТСТВА

20-е годы XX века

— Никакого отпуска сейчас! Боевой пост, — с сстановкой, ровным голосом произнес Шевчук и вошел следом за ской до двери в елеграфную.

Степка долго смотрел широк раскрытыми глазами на Шевчук потом часто-часто заморгал и вдру заревел:

— Гы-ы-ы... гы-ы... И папаньк то-же... Гы-ы-ы!...

ПЕТР ШИРЯЕВ

В ДЕРЕВНЕ ВЕСНОЙ. Детский спорт.

13

Тридцать кун за чудо-зверя

Валентин РИЧ

Окончание.
Начало на стр. 15.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Золотые призеры

Глава 1. ПОЧЕМУ ВОЛ?

Расследование начнем с поисков ответа на другой вопрос: почему в азбуке на первом месте буква «А»? Чем хуже другие гласные, например, буква «О», которая в русских словах встречается чаще других?

Оказывается, в русскую азбуку буква «А» попала из старославянской, в старославянскую — из древнегреческого алфавита, в древнегреческий — из финикийского, в финикийский — из древнеегипетского.

— Ну и что? — скажешь ты,— какое это имеет отношение к быку?

Самое прямое: в древнеегипетскую букву превратился древнеегипетский иероглиф, рисунок, изображавший... голову быка. То, что у нашей буквы «А» — ножки, у египетского иероглифа было рожками. И в финикийском алфавите они еще торчали вверх. И называли финикийцы эту первую букву алфавита «алеф», что на их языке означало — бык.

Возможно ли, чтобы это животное случайно заняло первое место дважды — и в алфавите, и в древнерусской шкале ценностей? Пожалуй, нет. Но чтобы нам быть в этом уверенными, нужны доказательства. И они есть — у тех же всезнающих Брокгауза и Эфрона.

Как выяснилось, предпочтение, оказанное быкам, объяснялось многими причинами. Эти животные прежде всего отличаются примерным трудолюбием: недаром вошло в поговорку работать не как осел или свинья, а именно как вол. Кроме того, они обладают огромной силой — могут тянуть воз в 7 тонн. Не животное — тягач! Но и это еще не все.

«Вол — написано в «Энциклопедическом словаре» — рабочее животное, во многих местностях предпочитаемое лошади... Это предпочтение основывается: а) на меньшей стоимости содержания В.; б) большем количестве получаемого от них навоза и пригодности последнего для всякого рода почв; в) большей выносливости, стойкости для тяжелых работ и меньшей подверженности порче; возможности значительного повышения ценности тех из В., которые признаются негодными для работы, посредством превращения плохого рабочего животного в хорошее мясное».

Он и трактор, он и фабрика удобрений, он и ходячие мясные консервы, короче, кормилец.

Вот и вся загадка.

Глава 2. ПОЧЕМУ СОБАКА?

Это теперь говорят — «как собак нерезаных». А когда-то собак было гораздо меньше и относились к ним с таким почтением, что даже хоронили, как людей, и на том же самом кладбище. В этом убедились археологи, раскопав могильник на Черной Горе, где в течение многих столетий жили люди, пришедшие в междуречье Оки и Волги пять тысяч лет назад. Среди людских могил там было найдено четыре собачьих захоронения.

А недавно археологи раскопали в Поволжье остатки огромного средневекового города Великий Булгар, основанного в X и разрушенного полчищами татаро-монголов в XIV веке. За пять лет раскопок нашли кости, принадлежавшие почти тысяче особей разных домашних животных, а собак среди них оказалось всего 11.

Редкое всегда ценится больше. Но дело не только в том, что в далекие от нас времена собак было меньше, чем теперь. Главное, роль была у них гораздо более важная.

В те времена, когда векши, куны и ногаты не стали еще кусочками серебра, да и в последующие несколько столетий, охота, особенно для жителей лесной полосы, была важнейшим средством существования. А без собаки какая охота? Охотник без собаки — что пахарь без вола. Не потому ли и цена этим живым орудиям производства была одна, и притом наивысшая?

По костям палеонтологи восстановили внешний вид собак, живших в Великом Булгаре и городах Древней Руси,— все они оказались похожи на нынешних сибирских лаек.

В эту эпоху первый друг человека научился и другой профессии, которая стала, пожалуй, главной. Во всяком случае, именно она отразилась в слове «пес», которое, по мнению некоторых ученых, находится в родстве с латинскими словами «пекус» — скот, «специо» — смотрю. Собака стала прежде всего сторожем.

И правда, чтобы прокормиться, еще недостаточно было купить вола и с его помощью удобрить и вспахать поле, а потом вывезти урожай. И за волом, и за полученным урожаем нужен глаз да глаз. Как тут обойтись без верного пса? Вот и поднялся он тоже на верхнюю ступень пьедестала почета.

Глава 3. ПОЧЕМУ КОШКА?

Ну ладно, собака — еще куда ни шло. В конце концов и на Клондайке, по рассказам Джека Лондона, за хорошую собачью упряжку (еще одна профессия!) отваливали чуть не мешок золота. И русские баре в не столь отдаленные времена за добрых борзых отдавали целые состояния. Но кошка — это уж, как говорится, ни в какие ворота...

Несложный расчет показывает, что в Древней Руси одну мурку можно было обменять на трех

сивок-бурок, или на четырех буренок, или на 30 (целое стадо!) овец, или на 60 поросят. А любитель разнообразия мог получить за нее довольно обширное хозяйство — например, лошадь с жеребенком, корову с теленком, четыре овечки с барашком да еще трех поросят.

За что мурке такой почет? Не ошибка ли это нерадивого писца? Нет, не ошибка. Вол вспашет им же удобренную землю, крестьяне сожнут жито, обмолотят цепами, свезут зерно в амбар. А дальше? А дальше надо — и как еще надо! — запускать в амбар ту самую, за три гривны, драгоценную кошку.

Недаром в Египте, древнейшем земледельческом государстве нашей планеты, не только приручили усатого зверька, но и обожествили его. Точно так же, как и другого любителя мышатины — ихневмона (мангуста). Набальзамированные мумии и тех и других археологи находили во множестве.

Нашим предкам — полянам, древлянам, дреговичам, чуди,— когда от охоты и рыболовства перешли они к земледелию, на ихневмонов рассчитывать не приходилось: климат не тот. И чтоб летние труды не пошли прахом, обзаводились они редчайшим в средневековой Европе истребителем грызунов — усатым-полосатым.

Вол создавал урожай, кошка его сохраняла. В этом жизненно важном деле ни лошадь, ни корова, ни баран заменить ее не могли.

А о редкости кошек в ту пору свидетельствует археология. В том же Великом Булгаре, где на тысячу домашних животных пришлось 11 собак, кошачьих останков обнаружено было всего-навсего шесть...

Так в общем-то просто разгадывается загадка про кошку, жившую в удивительной стране, куда доставила нас машина времени. Стране, где голубя можно выменять на трех поросят, а в птичнике среди домашних птиц разгуливает журавль.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Не забывай!

Глава 1. ПОЧЕМУ ГОЛУБЬ?

Мы раскрыли тайны вола, собаки и кошки. Теперь на очереди голубь и журавль.

Итак, почему же наши прапрапредки так ценили голубя, что отдавали за него двух телят или трех баранов?

Не много ли? Суди сам.

Сейчас в каждом доме телефон, радио, телевизор; почту развозят самолеты, над планетой летают спутники связи. А раньше вместо всего этого были голуби. За тысячи километров несли они вести о торговых и хозяйственных делах, о жизни и событиях в других странах, о здоровье и чувствах близких людей, содержали просьбы и наставления. И все доставляли за считанные часы прямо в руки адресату.

Жителям древних Киева и Новгорода 36 граммов серебра не казались чрезмерной платой за почтальона, приносящего такие бесценные послания. Тем более что наши прапрапредки очень любили переписываться. Это подтверждают недавние находки в древних пластах новгородской земли, откуда археологи извлекли обрывки множества берестяных посланий.

Глава 2. ПРИ ЧЕМ ТУТ ЖУРАВЛЬ?

Если цена голубя на первый взгляд кажется неожиданной, то его присутствие в старинном документе рядом с домашней живностью не удивляет.

Иное дело журавль. Не то что дома, но и в небе его увидишь нечасто. С журавлями нынче мы встречаемся разве что в зоопарках. А еще — в сказках, где действует лиса. Она бывает самой хитрой: и колобка ей удается обмануть, и волка. Только журавль оказывается не слабей ее умом. Конечно, ему, как ты помнишь, неудобно есть размазанную по тарелке кашу, но ведь и лиса не может просунуть голову в кувшин с узким горлышком. Тот, кто придумал эту сказку, несомненно, питал к журавлю уважение.

И все же одно дело — уважать, а совсем другое — числить домашней живностью. Что журавлю делать на крестьянском дворе?

Обратившись к известным нам знатокам, Далю и Брокгаузу, узнаем еще одну важную подробность: издавна на Руси убить журавля считалось грехом — а это уже больше, чем просто уважение. Чем же заслужил журавль такое к себе отношение? Цаплю убить не грех, аиста не грех, даже лебедя — и то не грех. А журавля — нельзя. Почему?

Ответ на этот вопрос можно найти в двенадцатитомной «Энциклопедии Южакова». Открыв том девятый на странице 419, прочтем: «В неволе Ж. (журавли) обнаруживают большую привязанность к человеку, а также значительное развитие умственных способностей... В курятниках Ж. следят за порядком, разнимают дерущихся птиц; они пасут также скот не хуже овчарки и защищают вверенное им стадо против неприятелей».

Вот, оказывается, какой важной домашней птицей был в древности журавль.

Глава 3. САМОЕ ГЛАВНОЕ

Еще вчера мы могли сказать: «Подумаешь, кошка! Подумаешь, голубь!» А сегодня ясно — без них, может быть, не было бы и нас.

Вернемся из Древней Руси к себе домой. Где журавли, следившие за порядком в птичнике и пасшие скот не хуже овчарок? Где лебеди, плававшие в любом пруду? За какие деньги можно достать себе жеребенка?

Жизнь меняется незаметно, но быстро. «До чего же хочется, братцы, на живом жирафе покататься!» — поют ребята. Кто знает, сколько граммов или килограммов драгоценностей будут готовы отдать твои внуки не то что за живого жирафа, а за живого головастика?

Жизнь меняется быстро, и какой она будет завтра, зависит от тебя.

Ты уже забыл, наверно, что в старинном тексте было две части. Мы занялись первой и прочли ее. Осталась вторая. Вспомним, что в ней.

«Передний идет, а задний, что найдет, не делится с передним, а передний делится с задним».

Когда мы только приступали к расшифровке, нам эти слова казались непонятными. А теперь? Разве и мы с тобой — не передние? Разве и мы с тобой не обязаны поделиться с теми, кто идет за нами, всем, что нашли в этом мире? Всем, что еще осталось на нашей планете? Воздухом и водой. Деревьями и цветами. Животными и птицами.

Всем, чем поделились с нами те, кто шел впереди нас.

Александр КУРЛЯНДСКИЙ

ГОРОД НЕУДАЧНИКОВ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Рисунки А. БАЛДИНА.

Эту историю я написал совсем недавно. Она про меня, про того меня, каким я был в детстве. Я помню, как мне не везло, как все надо мной смеялись, как мечтал я попасть в город Неудачников, где живут такие же, как я, простые неудачники.

Я не знал, что такой город есть. Я понял это потом, когда стал взрослым человеком. И тогда я осуществил свою мечту. Побывал в городе Неудачников. И свои приключения описал в этой повести.

Пусть никого не удивляет, что в этой истории мне всего двенадцать-тринадцать лет. В жизни и не такое бывает. Если понимать, что жизнь не только то, что происходит с тобой сейчас, а и то, что происходило раньше, и не с тобой, и будет происходить. И в мечтах мы часто возвращаемся в свое детство или, наоборот, воображаем себя взрослыми — и все это тоже жизнь, такая же настоящая, как та, что происходит на самом деле.

Поэтому все, что я написал в этой повести,— правда, самая настоящая, подлинная правда. А кто не верит, может сам в этом убедиться. Для этого достаточно пойти на любой вокзал, купить билет и отправиться в город Неудачников.

1. Я — неудачник

«...лаванда, горная лаванда,
наших встреч с тобой...»

Это телевизор. Он за стеной, в другой квартире, но кажется, что поют здесь. У нас такая слышимость, что мы все друг о друге знаем. Живем одной семьей.

Иногда это хорошо. Иногда — плохо. Папа из-за «слышимости» не может защитить диссертацию. Это — хорошо. Не было бы слышимости — не на что было б валить. На самом деле папе не дает хода начальник. У всех начальники как начальники. А у папы — глупый и завистливый. Папа делает за него всю работу, а он только получает зарплату. Вот он и не хочет, чтоб папа защитился и от него ушел.

«...мы получили письмо от работницы камвольной фабрики...» Это там, за стеной. А здесь — папа сидит над диссертацией и делает из скрепок цепочку. Потом он раскручивает ее над головой, как лассо...

А я лежу на диванчике, под сиреневым обойным пятном, и думаю о своей неудавшейся жизни.

«Может, это наследственное? — думаю я.— Может, я неудачник, потому что папа и мама у меня такие?»

Мой папа мог полететь в космос. Он работал в фирме по ракетам. Но ему не повезло. Однажды, когда он шел на работу, какой-то мужчина сломал ногу. Папа вызвал «скорую помощь», но она долго не приезжала. Папа не мог оставить человека в беде и опоздал на испытания. Потом, когда папу простили и прошло много времени, выяснилось, что этот человек был иностранец. Он написал в своей газете, какие у нас замечательные люди и какие скользкие тротуары.

Работа у папы была секретная, о каждой встрече с иностранцами он должен был докладывать. А тут он ничего не доложил. Он думал, что это не иностранец, а латыш. Кому интересно, когда латыши ломают ноги?

Папу вызвали для объяснения и стали задавать вопросы, Папа ответил, что он не знал, что это за человек: «На ноге у него не написано...»

И все бы, наверное, обошлось: папу ценили. Но в тот день американцы успешно испытали космический паром, и на папиной работе было жуткое настроение. Кому приятно, когда тебя обходят?..

Папе вспомнили плохую общественную работу, билеты на матч «Карпов — Каспаров», которые он забыл в камере сгорания...

Папа ответил, что лучше б они вспомнили не о билетах, а о самой камере, которая нуждается в серьезной доработке. Страсти накалились, папа вспылил и подал заявление об уходе с работы.

Мама не сказала папе ни слова. Она преподавала музыку в английской школе для особо одаренных. Среди особо одаренных был один мальчик, дедушка которого очень часто появлялся на фотографиях в газете. Если бы мама поговорила с этим дедушкой, то папу не освободили бы от занимаемой должности.

Мама долго думала: поговорить или не поговорить? У нее на этот счет были свои принципы. Наконец она решила поговорить. Но тут освободили от занимаемой должности того дедушку.

Все эти события совпали еще с приездом моей бабушки из Томска. Дом ее сгорел во время взрыва цистерны, которую шофер оставил у палисадника. Еще он оставил в кабине цистерны недокуренную папиросу, от чего и произошел взрыв.

Бабушку я очень любил. До самой ее последней минуты, когда она провалилась в люк. То ли ограждения не было, то ли очки, которые ей выписали, оказались чересчур слабыми.

Мама заболела сердцем. К нам стали приезжать врачи. После них оставались красивые, словно елочные игрушки, ампулы. Потом выяснилось, что ампулы эти сняли с производства — они плохо влияли на почки. Мама, несмотря на это, выздоровела, а мы получили на новой папиной работе квартиру. Но нам не повезло с проектом. Дом был после капитального ремонта — и не предусмотрели лифт. Потолки высокие, под четыре метра. Наш четвертый все равно что шестой. После каждого подъема мама долго держится за сердце, сидит в кресле, пьет капли. А однажды я слышал, как она сказала папе, что лучше б она вышла замуж за Прохоренко, уехала бы с ним работать за границу, он бы сдувал с нее пылинки, вместо того чтоб тащиться с сумками на наш четвертый этаж. Папа ничего не ответил. Он делал из скрепок цепочку. Нанизывал одну скрепку на другую, цепочка становилась все длиннее и длиннее, пока коробка не опустела...

2. Я — законченный неудачник

Каждый год, в начале лета, когда надо собираться в лагерь, у нас отключают воду. Не всю... Холодную оставляют. Хочешь — мой голову, хочешь — стирай белье. Мама не хочет, чтоб я мыл холодной водой голову,— я и так часто простужаюсь, и отправляет меня мыться к бабушке, на Волочаевскую. Моя вторая бабушка — бывшая учительница по литературе. Сейчас она на пенсии, но живет полнокровной жизнью. Ходит в театры и всегда меня проверяет. Не повезло мне с бабушкой... Я еду мыться к ней через весь город.

Спускаюсь по нашему Старосадскому до «Ногина»... На метро, с одной пересадкой, до «Бауманской». А там — на трамвае...

Когда подходил к трамвайной остановке, то увидел толпу народа. Трамвая не было. Говорили, что ремонтируют мост через Яузу и трамваи пустили в объезд.

Я не стал дожидаться окончания ремонта и пошел пешком. Если быстрым шагом, то минут за двадцать можно дойти.

Около рынка меня нагнал синий «жигуленок». Он вильнул к тротуару, дверь открылась, и я узнал дядю Витю:

— Садись, подвезу.

Дядя Витя жил на одной площадке с бабушкой и очень с нею дружил. У бабушки был телефон, а у дяди Вити — нет!

— Мыться?..

Дядя Витя засмеялся моему удивлению:

— У тебя мочалка торчит!

Дядя Витя стал рассказывать, какие он купил рассады, как он пристроит к своему домику веранду — теперь можно... Дядя Витя очень хозяйственный. На его день рождения всегда открываются разные банки с солеными огурцами, перцами, баклажанами. Компот из вишни, варенье из черники и земляники. У него я ел варенье из черники и земляники, сваренных вместе.

Мы затормозили у светофора, дядя Витя стал настраивать приемник на «хорошую» музыку и вдруг — сильный удар в «зад». Меня ударила спинка сиденья.

Когда мы выскочили из машины, то увидели распахнутый, словно пасть, багажник. Крылья были смяты в гармошку. Таксист, молодой паренек, держался рукой за ухо. Видно, и ему досталось.

Дядя Витя не кричал, не ругался. Он только пытался закрыть багажник, все время приговаривая:

—...так-так... ого? ...вот как?.. а вот: так... как?

Паренек морщился от боли:

— Тормоза... с третьего качка...

Через улицу к нам шел милиционер...

Спустя часа три, с перевязанным веревками багажником, мы приехали на Волочаевскую. Бабушки я, конечно, не застал — она уехала к подруге, на «чашку чая».

Пришлось возвращаться домой непомытым.

Входя во двор нашего дома, я понял — неприятностей не миновать! Целый день я не звонил. Мама наверняка сидит в кресле и пьет валокордин. Папа нанизывает скрепки и не смотрит на маму. И оба они не смотрят на телевизор, который работает сам по себе... Жуть!

Я обреченно вздохнул и направился к подъезду.

— Вась!

Меня окликнул рабочий из булочной на Покровке по кличке «Шопен». Он рассказывал всем, какой у него был замечательный талант, как он играл Шопена на собственном рояле, и что из него могло выйти, если б он не потерял палец во время гражданской войны...

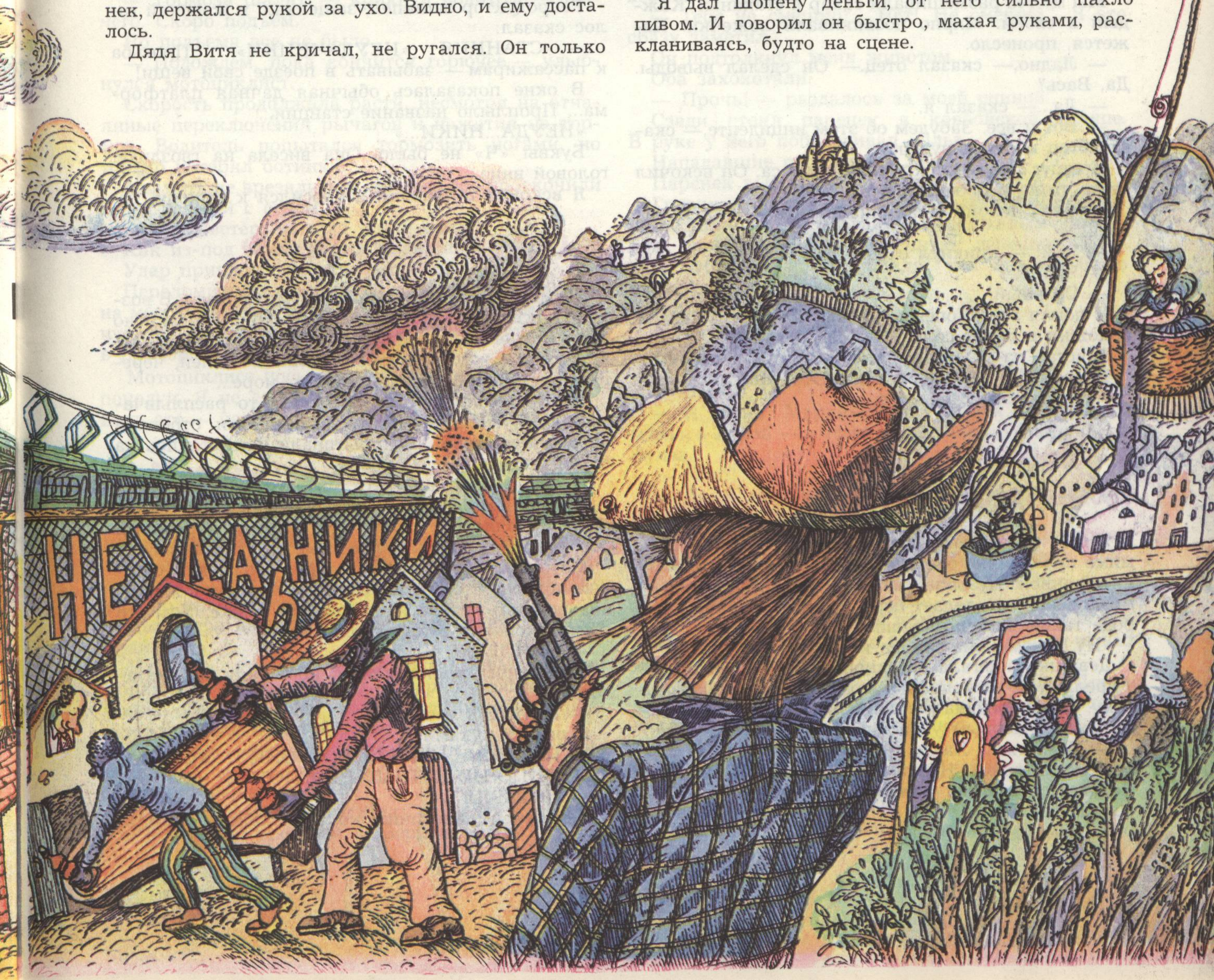
— Вась... Сахар не нужен?

Повезло! Я принесу сахар и скажу, что стоял за ним в очереди...

— Рублевка... На пиво не хватает... Здесь полкило...

Рублевка у меня была. Честно заработанные деньги. Выиграл в шахматы у отца.

Я дал Шопену деньги, от него сильно пахло пивом. И говорил он быстро, махая руками, раскланиваясь, будто на сцене.

— Лишнего не надо, Вась... не такой я человек... могу дать бесплатно... но, извини, надо... значит надо...

Он протянул мне твердый, будто надутый, пакет:

— На здоровьечко!

Дома меня встретили соответствующим образом:

— Как ты мог?! — сказала мама.— Не позвонить?! Я вся с ума сошла...

— Он совершенно не считается ни с кем,— сказал отец.— Он растет бессердечным эгоистом, таким и вырастет...

— Как ты мог? — снова сказала мать.

— Меня волнует одно — в кого он? — сказал отец.

Я не стал отвечать, «в кого я такой», они бы не поняли. Постепенно гроза пошла на убыль.

— Чай иди пить,— сказала мать.

— Руки помой! — мрачно сказал отец.

И тут я тихо подошел к столу и поставил бумажный пакет.

— Я в очереди стоял... за сахаром...

И опустил голову.

Отец и мать переглянулись. Я за ними следил.

— Это не оправдание! — сказал отец.— Не довод, понял?

— Позвонить-то можно,— сказала мать.

Они пересыпали песок в фарфоровую сахарницу. Мама налила всем чай.

— Все бывает,— сказала мама.— Я тебя прошу об одном. Звонить...

Мы молча размешивали сахар в стаканах. Каждый в своем. Мирно позвякивали ложечки. Кажется, пронесло.

— Ладно,— сказал отец.— Он сделал выводы. Да, Вась?

— Да...— сказал я.

— Вот и все. Забудем об этом инциденте,— сказал отец и отхлебнул чай.

И вдруг лицо его скривила гримаса. Он вскочил из-за стола и бросился в ванную.

— Что с тобой? — закричала мать.— Что случилось?

— Чай! — крикнул отец.— Чай!!

— Что?

— Соленый!

Я понял все. Шопен меня надул. Вместо сахара положил в пакет соль. Так мне и надо!..

Я встал из-за стола и молча пошел к дверям... В ванной плескалась вода. Это отец полоскал рот после «сладкого» чая...

3. «Просьба к пассажирам — забывать свои вещи!»

Я шел по улицам города мимо веселых витрин, мимо празднично одетых людей, мимо смеха, магнитофонной музыки, запахов свежей листвы — мимо всего, что делает первый теплый вечер в городе таким замечательным.

«Ну почему мне так не везет?»

Девушка прыгала на одной ноге. Она хохотала. Туфелька ее соскочила и лежала, будто лодка, на боку. Два паренька отпихивали друг друга. Каждый хотел первым ухватить туфельку.

— Ха-ха-ха... Ха-ха...

И опять хохот. На этот раз с сиденья «Волги». Человек с полными сумками, вылезая из машины, уронил шляпу...

«Все хорошо, один я неудачник»...

Распахнулась дверь кафе. Музыка, разноцветные лучики, танцующие пары, хохот.

«Я неудачник, и все! Есть счастливые люди, а есть неудачники...»

И снова смех. Из окна второго этажа. Перегнувшись пополам, мужчина в майке бросает пачку сигарет... Внизу ее ловит моложавая старушка. Худая, похожая на Шапокляк... Рядом прыгает пуделек. «Вот бы оказаться в городе, где живут одни неудачники... Никто бы не смеялся надо мной, не обижал... Ведь неудачник потому и неудачник, что рядом есть более удачливые люди... А если кругом одни неудачники, тогда и прозвище теряет смысл...»

Не знаю, как оказался я на вокзале. Как сел в электричку, на теплый штакетник лавочки. Наверно, мысль моя неосознанно перешла в действие, и, не отдавая отчета, я пришел на вокзал, купил билет и сел в первый попавшийся вагон...

За окном мелькали домики, кружились березки, стояли у переездов разноцветные машинки — все там было хорошо. И здесь, в вагоне, все было хорошо. Вот едет мужчина с саженцами... Приедет на дачу, посадит саженцы. И дача у него есть, и саженцы. Или вот девушка с книгой. На обложке надпись: «Мы — советские люди». Тут и говорить нечего...

Стало темно. Поезд вошел в туннель... Зажглись лампочки... Потом они погасли... Забрезжил свет... Ярче... ярче... Мы выскочили из туннеля...

Репродуктор зашипел, защелкал, и женский голос сказал:

— «СТАНЦИЯ «НЕУДАЧНИКИ»... Просьба к пассажирам — забывать в поезде свои вещи!

В окне показалась обычная дачная платформа... Проплыло название станции...

«НЕУДА...НИКИ...»

Буквы «Ч» не было. Она висела на гвоздике, головой вниз.

Я вскочил с лавочки и бросился к выходу.

4. Станция «Неудачники»

Я вышел на дощатый настил платформы. В воздухе висел туман. Влажный, густой. Его можно было потрогать рукой. Все было не в фокусе. Далекие горы с желтыми проплешинами полей, черепичные крыши, завитки дороги, море...

Светило солнце. Но тоже какое-то расплывчатое. Из тумана выпадали капли. Они отбивали барабанную дробь, подпрыгивали, разлетались на сотни осколков.

И тут я услышал треск мотоцикла.

Прямо на меня, по платформе, мчался мотоцикл с коляской. Мотор его работал короткими очередями, выплевывая черные сгустки дыма.

Мотоцикл затормозил, оставив на досках светлые полосы. С седла спрыгнул человечек в железнодорожном кителе и красной фуражке. Усы его торчали словно руль мотоцикла.

— БИИЛЕТ!

Я пошарил по карманам, но билета не оказалось.

— БИИЛЕТ!!

Я развел руками.

— ПОТЕРЯЛ? ЗАБЫЛ? ОБРОНИЛ? УЛЕТЕЛ? ВЫРОНИЛ? НЕ КУПИЛ? ПРОГЛОТИЛ?

— ПОТЕРЯЛ...

Человечек подскочил ко мне. Обнял. Внутри

у меня все хрустнуло. Подбросил, поймал, поставил.

— Здравствуй, брат... С прибытием тебя... В Неудачники. Единственный, неповторимый, самый лучший город на свете!

Он смахнул набежавшую слезу, прыгнул на заводилку своего мотоцикла.

— Садись. Подвезу.

Я сел в коляску, и мы помчались по платформе, объезжая дыры и прогнившие доски.

Прямо по ступенькам съехали вниз, понеслись по тропинке...

Впереди шлагбаум. Мотоциклист пригнул мне голову.

Мелькали картофельные огороды, пальмы, подсолнухи, кипарисы, кактусы...

Дорога петлями спускалась вниз. Пошли двухэтажные строения, появились люди...

Я всматривался в их лица, такие милые и родные. Вот они, жители города, такие же, как я, простые неудачники. Как хорошо оказаться среди своих!

Мы проехали мимо дома с висящим над входом огромным сапогом. Рядом с ним магазин «Концентраты»... Дорогу переходил рыцарь, на его копье болталась сетка с молочными пакетами. Пакеты протекали к радости кошки, бегущей за рыцарем по пятам...

Навстречу поднималась карета. На запятках стоял лакей. Он приветливо помахал нам рукой.

Мостовая пошла вниз, скорость возросла.

— Тормоза шалят! — крикнул водитель.— Ничего. Скоро подъём.

Но подъема все не было.

— Подождем, пока кончится горючее,— улыбнулся мотоциклист.

Скорость продолжала расти, несмотря на отчаянные переключения рычагов и нажатия на тормоз. Водитель попытался тормозить ногами, но только потерял ботинки.

Мы чуть не врезались в автобус, еле проскочили перед телегой с сеном.

Свистел ветер, из глаз текли слезы.

Как из-под земли вырос фонарный столб.

Удар пришелся на угол коляски.

Переломилось крепление, коляска закрутилась на месте, высекая из булыжника снопы искр, дернулась, еще крутанулась и наконец уткнулась в придорожные лопухи.

Мотоциклист посылал мне издалека воздушные поцелуи. Я не сердился на него: чего не бывает? Ведь это — наш город. Город Неудачников!

5. Мария-Луиза

Я вылез из коляски. Подождал, пока перестанет кружиться перед глазами. Пели птички, пахло цветами и морем. Оно лежало внизу, как блюдо сгущенного молока. Кипарисы на берегу были узором по краям блюда.

Два негра вносили в дом рояль. Рояль не проходил...

Из окна второго этажа выглядывал хозяин рояля. Он улыбался, хотя, наверно, понимал, что роялю крышка! Тем более что крышка рояля лежала отдельно от всего остального.

Грузчики решили преодолеть препятствие с ходу.

Они разбежались.

Первый влетел в подъезд, раздался грохот — это бок рояля врезался в дверную раму.

Хозяин рояля тихо осел за подоконником.

Послышался хохот. Я и не заметил, как собрались зрители. Все смеялись.

Из подъезда вышли перепачканные негры. Они тоже смеялись. Один из них вдруг взглянул на меня:

— А ты чего не смеешься?

— Я?

— Может, тебе не смешно? — спросил другой негр.— Скажи, парень, не стесняйся. Может, ты не такой, как все? Может, что-то про себя, а?

Я испугался.

— Что вы! — сказал я.— Мне очень смешно... Очень.

— Не нравится мне этот малый,— сказал первый негр, с белой щетиной по сиреневым щекам.— Ему явно невесело. Он там чего-то себе... Вроде, как бы... А на самом деле... А?

— Ты прав, Риччи... Не смешно ему. Нет, не смешно. Не нравится ему в нашем городе!

Он поудобнее перехватил ножку рояля и направился в мою сторону. Теперь он держал ножку, как биту лапты, а роль мячика, видимо, отводилась мне.

Первый негр, с седой щетиной, наматывал на локоть струны. Или чтобы вязать меня, или своего товарища, если тот чересчур увлечется «игрой»...

Я попятился.

Негр шел на меня, поигрывая ножкой, сверкая веселыми зубами.

— Тебе не смешно?... Нет! Не смешно... Я это сразу заметил...

Он подтолкнул меня животом...

Оба захохотали.

— Прочь! — раздалось за моей спиной.

Сзади стоял паренек в ковбойской шляпе. В руке у него поблескивал кольт.

Нападавшие попятились.

Паренек выстрелил в воздух.

Грузчики бросились бежать. С небритого соскочила шляпа, он раздавил ее тяжелым ботинком, превратив в соломенную лепешку. Первый отбросил ножку рояля: так бежать было легче.

Паренек обернулся:

— За мной! Быстро!

Некоторое время мы шли молча.

— Как тебя звать? — спросил паренек.

— Вася.

— А меня Мария-Луиза. Мария — в честь мамы, а Луиза — в честь папы. Папину маму звали Луиза.

— Как?!

— Да. Я девчонка. Девчонка. Быть девчонкой... Всю жизнь... Застрелиться можно.

Она взглянула на меня зелеными глазищами, расхохоталась, подбросила в воздух шляпу, поймала, по-клоунски пришлепнула к голове:

— Вперед!

И потянула меня вниз, под уклон улицы, в самую середину булыжного потока, который и вынес нас на набережную...

Девочки здесь прыгали через веревочку. Длинные платья были заткнуты за пояс, смешно плескались в воздухе панталончики.

— Хочешь прокатиться?

По склону холма спускались кабинки подвесной дороги.

Мы прыгнули в одну из них.

Мария-Луиза касалась меня локтем, шляпой,

кобурой, ногами,— ей не стоялось просто так, она перегибалась через борт, кричала:

— Эй, внизу! Приятного аппетита!

В палисаднике обедало семейство. Мужчина в жабо, женщина, дети...

Нас качнуло. Кабина остановилась. Повисли в воздухе и другие кабинки.

Потом мы поехали вниз, задом наперед.

Снова увидели мужчину в жабо. Он вытирал о скатерть руки...

Проскочили посадочную площадку, развернулись и стали подниматься вверх спиной по ходу движения. Механик на площадке удалялся от нас. Он хохотал.

— Бывает,— успокоила меня Мария-Луиза.— Однажды я до утра здесь сидела... Внимание...

Мы приближались к верхней площадке.

— Прыгай!

Она спрыгнула первой, за ней я.

И сразу же кабинки остановились. На этот раз навсегда.

Но это не вызвало паники. Люди в кабинках улыбались, устраивались поудобнее. Монах в черной рясе достал из портфеля складной стульчик. Офицер вынул книгу. Барышня вязала...

— Пойдем,— сказала Мария-Луиза. Кое-что покажу.

Мы свернули с тропинки в колючий кустарник. Чтоб не поколоться, подняли руки. Так и шли, будто сдаваясь в плен...

И вышли к прогнившему забору.

— Вперед!

Пролезли сквозь дырку и оказались на заброшенной стройке. Осколки бетона, ржавые конструкции, горы песка...

— Узнаешь?

Сначала я ничего не понял. Какой-то холм. Из холма торчит ржавый угол. Все поросло травой и кустарником...

И вдруг я увидел: это голова человека — огромной, вдаль уходящей скульптуры.

— Гулливер,— сказала Мария-Луиза.— Театр у нас строили, кукольный. Зал должен был размещаться в шляпе Гулливера.

Я поражался размерам Гулливера: Ноги и руки его исчезали вдали. За холмами и лесами. Он как бы спал, лукаво улыбаясь во сне. Нос был подобен гигантской ракете. Из ноздри росла веселенькая березка...

Я снова посмотрел на город.

Отсюда, с холма, он хорошо был виден. Горы отделяли его от внешнего мира... Вот станция, на которую я приехал. Платформа, ниточки рельсов... Чуть выше, на поляне,— стога, пасутся коровки. Черные с белым. На них надвигается тень от облака. Надвинулась, яркость пятен поблекла... Еще выше — русло высохшей реки, арка каменного моста... Чуть выше, почти на уровне с нами,— плотина, из-под плотины вытекает зеркальный ручей. Плотина как бы протекала. По верху плотины — скульптуры, без рук и ног... Что там, за плотиной, не видно... А выше — горы. Синие, потом коричневые, в серых шляпах туч... К одной из вершин прилепился замок... Странный город. Даже не верится, что я здесь.

— Смотри! Смотри!!

Мария-Луиза показывала вниз.

Рядом с башенкой городской ратуши висел воздушный шар. Площадь в цветных точках. Это люди. Сколько их там!

— Вперед! — крикнула Мария-Луиза.

6. День птиц

Скоро мы были на площади, в самом центре толпы. Нас сдавили. Слева парень в фартуке, от него пахло кожами. Справа солдаты в кольчугах. Все вытягивали головы в сторону ратуши, где покачивался шар.

Мария-Луиза работала локтями, мы протиснулись вперед, к самому ограждению.

Шар был величиной с дом. Он состоял из многих цветных кусков, вроде лоскутного одеяла. Из стыков с шипением выходил воздух.

— Жуть! — сказала Мария-Луиза.

— Нормально,— возразил ей рядом стоящий мужчина.— В такие сроки лучше не сделаешь.

— Вы кто?

— Я мастер.

— Но он же разобьется.

— Не исключено,— улыбнулся мужчина.— От смерти никто не застрахован.

Он достал сигарету и хотел было закурить, но взглянул на шар и поспешно загасил спичку.

Шар накачивали водородом из стальных баллонов, какими у нас пользуются при газовой сварке. От баллонов к горловине шло множество шлангов. Через них со свистом поступал газ.

— Не хватает еще горелки,— сказала Мария-Луиза.— Представляешь, что будет, если поднести спичку?

— Эй! — обернулся долговязый сержант.— Попридержи язык.

Воздухоплаватель, в лихо сдвинутых очках, бриджах и куртке-дутике, прощался с семьей.

Вот он поцеловался с женой. Подкинул в воздух сына.

Стрекотали кинокамеры, сверкали вспышки фотографов.

Но они почему-то снимали не воздухоплавателя, а мужчину во фраке, с белой гвоздикой в петлице. Стоя на помосте, он произносил речь в огромный букет микрофонов:

— ...человек не будет просить милостыню у природы, он возьмет ее сам, а потом завоюет все околосолнечное пространство... Он будет парить, как Икар, в не доступной птицам вышине и силой своих крыльев бросит смелый вызов вселенной!

— Мэр,— кивнула Мария-Луиза.— Вперед!

Я не успел опомниться, как она перепрыгнула через канат и подскочила к помосту.

— Отмените полет!

— Что-что?!

Мэр милостиво остановил подбежавших полицейских.

— Отмените полет. Он разобьется!

Мэр от удивления развел руками. Он оглянулся на свою свиту, как бы приглашая их посмеяться над Марией-Луизой.

— Да вы знаете, какой сегодня день? — спросил мэр.

Он выдержал паузу.

— Сегодня же День птиц!!

И все дружно расхохотались.

— Да, да... День птиц. Именно сегодня, в День птиц, мы проведем этот неудачный полет! Самый неудачный полет в мире, который прославит наш город!

— Но шар пропускает воздух! Он может погибнуть!

— К сожалению. Но воздухоплаватель возьмет запасной баллон... И если...

Мэр подмигнул свите.

— ...и если наш герой не будет курить...

Свита дружно расхохоталась.

—...у него есть все шансы остаться в живых!.. Ну, а если...

Мэр вздохнул:

— Тогда он останется в наших сердцах. Навсегда, герои не умирают.

И, давая понять, что разговор окончен, он отошел к свите и во главе ее стал сходить с трибуны.

Мария-Луиза вернулась ко мне. Глаза ее сверкали.

Между тем наступали последние минуты церемонии.

Оркестр ударил марш. От горловины шара отсоединили шланги. Шар рвался в небо. Его сдерживал лишь канат, обмотанный вокруг каменной глыбы.

Воздухоплаватель подошел к корзине.

— Эй! — окликнула его Мария-Луиза.

Он оглянулся.

— Вы разобьетесь...

— Возможно,— ответил он.— Но я не делаю из этого трагедии...

— Почему?

— Я неудачник,— улыбнулся воздухоплаватель.— Значит, судьба...

Оркестр заиграл что-то протяжное... Все запели. Как мне объяснила Мария-Луиза, это был «Гимн неудачников». Слова гимна заглушала слишком громкая игра оркестра. Поэтому я мог расслышать лишь отдельные фразы...

«...не падай, приятель, духом... судьба-старуха, приятель, пускай себе идет... не в том, как говорится, дело... чтоб весело и смело... а в том, как говорится, чтоб пело все в груди...»

Не ручаюсь за правильное воспроизведение, но смысл был приблизительно такой.

Все пели дружно, с наслаждением, хотя и выходило не в рифму.

К воздухоплавателю подошел мэр и по-отечески обнял его. Снова застрекотали камеры.

Воздухоплаватель открыл дверцу корзины, сбросил оттуда веревочную, в несколько ступенек, лестницу. Он собирался забраться в корзину, но его остановили фотографы. Жестами они показывали, что первым должен подняться мэр — они хотят его сфотографировать.

Мэр протестовал, кокетливо отступал, но все же поднялся по лесенке. Застрекотали камеры, засверкали вспышки.

Мэр улыбался, смотрел в небо, брал и подносил к глазам бинокль, перегибался через борт, тянул на себя канат, подпрыгивал и хохотал...

И опять я не уследил.

Натянутый канат вдруг лопнул, корзина с недоумевающим мэром медленно поплыла вверх. Мэр истошно кричал.

Полицейские крутились на месте, они не понимали, что случилось, отчего лопнул канат. И только один из них, тот, долговязый, который предупреждал про «язык», тыкал в Марию-Луизу пальцем и орал:

— Держи ее! Лови! Вяжи! Бери!

Мария-Луиза крикнула мне:

— За мной!

Я рванулся за ней, но запутался среди зрителей и потерял ее из вида...

Вскоре все разошлись.

На площади остались обрывки бумаги, фантики да несколько вялых зрителей.

Один из них, старик с тяжелым носом, подмигнул мне:

— Еще один неудачный полет сорван. Какая неудача!

7. Харчевня «Невкусной и нездоровой пищи»

Мы сидим за столиком харчевни. Низкие своды, влажно и сыро. Горят газовые лампы. Но все равно темно.

Столик — холодная плита на двух кусках дерева.

— Сорвали полет,— сказал старик.— Неудачный! За это по головке не погладят. Я все видел.

— Что видели?

— Как эта твоя подружка перерубила канат.

В глубине зала гуляла компания. Провизию доставали прямо из корзин. Черпали пиво из бочки.

— Все с собой привезли,— улыбнулся официант,— не доверяют...

Он поставил перед нами тарелки с едой и снова оглянулся на компанию:

— Празднуют непоступление. То ли в школу, то ли в академию...

— М-да, сударь,— сказал старик, заметив мое удивление,— у нас так заведено: любую неудачу праздновать.

Официант засмеялся:

— Вот именно...

Он снял с подноса керамическую посудину.

— Пять двадцать. Деньги вперед.

Старик расплатился, разлил половником суп. Запах не предвещал ничего хорошего.

— Не ешьте,— сказал старик,— это я так взял, для маскировки...

— Не нравится?! — спросил трактирщик.

Мы не заметили, как он подошел.

— Не вкусно? Да?.. А?.. Не вкусно?.. А-ха-ха!! Ну, повар... ха-ха! Ах-ха-ха!.. Что ему ни дай... ха-ха! Ах-ха-ха!

У старика затряслись руки. Я видел: он с трудом сдерживает себя. Но раздался топот сапог. По лестнице спускались военные. Сначала ноги, затем бриджи... А вот и все остальное... Это были полицейские. Во главе шел долговязый сержант.

Они сели за соседний столик. Вынули фляжки. Достали из карманов хлеб, лук, помидоры...

— За неудачу! — сказал один из полицейских.

— Что?! — рассердился сержант.— Что ты сказал, Отто?!

— А что я сказал?..

— За эту неудачу с нас головы полетят!

— А я что? — оправдывался Отто.— Я так...

— Так растак! — не успокаивался сержант.

Они выпили, брызнули помидорным соком.

— Эх, Отто, Отто! — выговаривал сержант.— И голова у тебя хорошая — фуражка отлично сидит. А простых вещей не понимаешь. Сорвали полет... Не простой полет... А неудачный... Следовательно, должны понести наказание... Не будет неудачников, что будем делать?

Он покосился по сторонам и вдруг задел меня взглядом.

— Эй, мальчик, подойди-ка сюда! Откуда я тебя знаю? Не ты ли, случайно, в прошлом месяце пожар на этой... как ее... свиноферме загасил?.. Нет?.. А телегу на переезде... когда в нее чуть поезд... а?.. Не ты махал красной тряпкой?.. Нет?..

Отто наклонился к сержанту и зашептал что-то горячо, дергая от нетерпения головой.

— А что?! — хохотнул сержант.— Пусть следствие разбирается. Мальчик, пойди, милый, сюда. Ты зачем канат отцепил?.. А? Зачем шарик выпустил?..

Старик встал и, багровея носом, пошел на полицейских. Его палка отбивала дробь по каменному полу.

— Это мой племянник!

— Ну, ладно, ладно,— дал задний ход сержант.— Уж и пошутить нельзя. Сэр!.. Забирай своего племянника... Чтоб я его больше не видел... А то сыграете у меня. В «крестики-нолики». На оконной решетке.

И все громко заржали.

8. Замок с привидением

Когда мы вышли, над морем висела луна. Свет проникал в расщелины камней, ударял в стены, шевелился в листве.

— Найдется твоя девчонка,— успокаивал меня старик.— Найдется! Такие девчонки не теряются.

Мы поднимались все выше и выше, к замку, где жил старик.

Дорогу преградило бревно.

— Узнаешь?.. Нет?.. Это шпага Гулливера!

Я попытался разглядеть конец шпаги, но не смог: с одной стороны — лес, с другой — глубокий овраг. Где острие шпаги, где рука?!

— Рука там! — кивнул старик.— За Ведьминым болотом... Правая... А левую никто не видел... Такие вот, сударь, дела...

И он захохотал...

На стенах замка висели портреты. Они казались живыми. Улыбались, хмурились, провожали нас строгим взглядом...

И тут до меня дошло. Все эти лица — сам старик. Только молодой, в орденах и медалях.

— Да, это я,— улыбнулся старик.— Генерал Уильсон. Герой битвы при Лотреке...

Он ткнул пальцем в свое изображение на коне.

— Я переправил конницу по висячему мостику. Противник не успел даже надеть брюки... А потом, спустя много лет, выяснилось, что битву выиграл не я, а майор Лейбниц... Да, Лейбниц, который был у меня писарем. Писакой. Развозил пакеты, и то, когда не очень стреляли...

— Как?! — спросил я.

— У Лейбница был красивый почерк. Ему поручили написать книгу о войне. Вот он все победы приписал себе. А я приехал в этот город... Не выдержал. А где еще жить?

Старик захохотал.

— Здесь не принято грустить! А?.. Какая история?.. Какой романец с баталиями и пушенциями?.. А?! Ба-бах! Бах... Ха-ха-ха!! Ха!.. Бах!.. Ха-ха! Ха-ха!

Мне стало не по себе. Жаль старика. Выиграл битву и не смог справиться с каким-то писарем...

— Видно, судьба,— сказал вдруг старик.

Раздался бой часов.

— Одиннадцать?

Веселье старика как языком слизнуло.

— Пойдемте, сударь, ужинать. Пойдемте, пойдемте...

Стены столовой пропадали во мраке. Свечи не могли пробить темноту и добраться до потолка.

Как только мы сели, с противоположной стороны вошел болезненного вида юноша.

— Мой племянник,— представил его старик.— Мы всегда ужинаем вместе. Бедное дитя! Скоро ты будешь ужинать один.

— Ах, дядя!— сказал юноша.— Я это не переживу.

Старик наклонился ко мне.

— Мальчик рос один. Без отца и матери. Отец не вернулся из кругосветного плавания. Когда корабль отправился в путешествие и дал прощальный залп, лопнули шпангоуты и он перевернулся. А мать... Была курьером... Кто-то неправильно написал адрес... Ее больше не видели...

Часы стали бить снова. Я насчитал тринадцать ударов.

Старик встал.

— Я пойду, господа...

Он вышел, волоча палку по полу. Невнятные бормотания оборвались, захлопнутые дверью.

— В нашем доме завелось привидение,— объяснил племянник.— Дядя ужасно боится. Где только его славное боевое прошлое?

Он встал.

— Слуга покажет вам комнату... А мой совет: не оставайтесь. В нашем замке всякое бывало...

Слуга ввел меня в спальню. Под балдахином стояла кровать.

Вышел.

Пляшут на стенах тени. Крики птиц. Шорохи.

Я разделся. Повесил брюки на спинку кровати. Звякнула пряжка. Забрался под тяжелую перину. Перина — сверху, перина — снизу. «Принцесса на горошине». Не нравится мне здесь. И замок, и таинственные шорохи, и привидение...

Началась гроза.

Сначала зашуршал дождь. Потом — гром, вспышки молний. Я хотел накрыться с головой, но раздался крик. Нет, я не могу больше здесь оставаться.

Я выбежал в коридор.

Жуткая картина предстала моим глазам.

По коридору бежал старик, а за ним летело привидение. В белом саване, ростом с хорошего баскетболиста.

Я застыл... Привидение наткнулось на меня, рухнуло. Отлетели в стороны ходули, простыня... И, к великому своему удивлению, я узрел племянника.

— Доездился,— тихо сказал он.

И громко захохотал.

9. Меня заточают в крепость

На изумрудной траве около ступеней замка накрыт праздничный стол. Белоснежная скатерть. На дырки в скатерти мы поставили кувшин с молоком, масло, тарелки. Так что дырок почти не видно.

— А я-то,— хохочет старик,— чуть от страха...

Хохочет и племянник:

— Как я тебя разыграл?!

— Ты это... ха-ха... Чтоб наследство?!

— Ага...

— И алмазную звезду, ха-ха!

— Подойди, сынок!

Старик раскрыл объятия. Племянник бросился к нему. Но сэр Уильсон вдруг взмахнул рукой, и племянник заскользил задом по траве, пока не уткнулся в кусты.

— Ты чего?! Дядя?! Шуток не понимаешь?!

— Не повезло тебе, сынок.

— Это тебе не повезло,— с трудом поднимаясь, сказал племянник.— Я знаю, какую ты книгу по ночам пишешь... И про войну, и про Лейбница... Все знаю... А если кому рассказать... Какой ты

неудачник?.. Ты только прикидываешься! А сам?! Ты наш город позоришь! Единственный в мире!

Нос старика побагровел. Он взмахнул палкой. Но племянник кинулся в кусты.

— Расскажу. Все расскажу! И зарядку по утрам делаешь! И на лошади ездишь...

Треск сучьев затих.

— Такие вот дела, сударь,— помрачнел старик.— Теперь жди гостей...

Он был прав. Вскоре пожаловали гости. Отряд полицейских. Но забрали они почему-то меня, а не старика...

Полицейский ведет меня вдоль крепостной стены.

Поют жаворонки, пахнет сеном. Не верится, что в такой день у кого-то могут быть неприятности.

Сверху послышался голос:

— Братцы...

Мы подняли глаза.

На веревке, свисающей со стены, болтался человек в полосатой одежде. Веревка не доставала до земли, а прыгать с большой высоты он, видимо, боялся.

— Братцы, сенца подстелите!

— Еще чего? — строго сказал полицейский.

— Подстелите!

— Может, тебе еще лесенку подставить? Прыгай так, если смелый!

— А ты меня не подстрелишь?

— Во всех стрелять — патронов не напасешься. У меня вон свой дружок есть.

Заключенный вздохнул, оттолкнулся ногой от стены и отпустил веревку.

Приземлился и заковылял прочь.

И тут же на стене возник часовой.

— Стой! Стрелять буду!

Он бабахнул из ружья — мимо... Еще — мимо!.. Мимо!.. Мимо!.. Мимо!..

И расстояние было плевое, и заключенный хромал, но часовой все никак не мог попасть.

Рядом с часовым возник офицер.

— Мазила! — заорал он.— Расстреляю!

Он выхватил из кобуры револьвер и стал шарахать в заключенного. Но тоже не попадал.

Офицер с недоумением взглянул на свой револьвер.

— Неужели выдали холостые?

Он приблизил дуло к виску и выстрелил.

Ничего особенного не случилось... Только лицо покрылось пороховой копотью.

И оба захохотали...

Во дворе крепости творилось что-то немыслимое. Кто шагал строем, кто боролся с тяжелыми мешками, кто подтягивался на перекладине.

Следуя стрелке «начальник крепости», мы прошли внутрь толстой стены, спустились по узкой винтовой лестнице, снова поднялись и, наконец, подошли к дверям кабинета.

Дверь была приоткрыта, хорошо был слышен весь разговор.

— ...Не крал я, ваша милость... ей-ей, не крал... это в суде перепутали... писарь не так записал... вместо «у меня украли»... написал «я украл»...

— А я что могу сделать?.. Теперь это бумага, документ, и согласно этому документу я должен тебя здесь держать...

— ...Но я не крал...

— ...А документ?

— ...Перепутали...

— ...В документе не может быть перепутано. Печать есть, подпись, число. Что тебе еще надо?

— Но я не крал.

— Вот заладил... И срок у тебя небольшой. Всего три года. Пролетят, как минута. Не успеешь оглянуться... уж и выходить пора... На солнышко, на травку... Не то что мне... А?..

Комендант кашлянул.

— Двадцать лет в должности состою по ошибке... И приказ давно послали. Да почта так работает, никак не дойдет тот приказ... И то, вишь, не грущу, мил человек... Привык... И ты привыкнешь...

— Но я не крал, ваша милость...

— Ишь заладил... С тобой душевно, от чистого сердца... А ты: «не крал», «не крал»... Уходи с глаз долой, пока я тебе срок не добавил... Следующий!

Следующими были мы.

Полицейский долго рассказывал суть дела. Как он встал утром, побрился, каким маршрутом ехал на работу, какая была погода, как он услышал песенку и что при этом вспомнил: как тоже был маленьким, как мама пела, а бабушка пекла ватрушки с творогом, а он однажды выковырял весь творог, и как при этом рассердился папа, который работал лесорубом, он как раз пришел из леса с огромной корзиной лисичек. Их было в то лето не счесть, а мама, которая стирала белье...

Тут комендант не выдержал.

— Ближе к делу!

Полицейский улыбнулся, собираясь, видимо, начать все сначала. Но плита в полу приподнялась, и в отверстии показалась обросшая гривой голова. Голова держала саперную лопатку.

— Где я?!

Увидев коменданта, голова тут же нырнула обратно.

— Постойте! — закричал комендант.— Родригес Ривейро Себастьян Эсперанто Вивальди Карпендрус Попандопуло!

Но головы и след простыл.

Комендант улыбнулся.

— Бедняга... его давно освободили, а он все подкопы делает. И никак ему не сообщишь. Пока полное имя выговоришь, уж и след простыл... А вы еще здесь?.. В камеру мальчишку!

— Отпустите,— сказал я.— Что я сделал такого?

— Ну и люди! — усмехнулся комендант.— Хоть бы один виновным себя признал...

Полицейский стал шарить в поисках ключа от наручников, но ключ не находился.

— Нет ключа? — спросил комендант.— Придется и вам пройти в камеру... Посидите годок, авось найдется.

И он весело засмеялся собственной шутке...

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Как освоиться в новой компании

Нет ничего удивительного в том, что твои родители одержимы идеей получить новую квартиру. Мало ли причин, по которым приходится оставлять привычные места и перебираться в другие. Для взрослых эти хлопоты скорее радостные, чем тревожные. А для тебя...

ТРИ СОВЕТА НОВИЧКУ

Пока мама с папой обживают новый дом, тебе приходится осваивать пространство нового двора с его порядками, правилами, обычаями, запретами и, самое главное, с его обитателями. Большинство ребят, вынужденных менять место жительства в тринадцать — пятнадцать лет, сначала ведут тяжелую «кочевую» жизнь. Ездят в свою прежнюю школу хоть через весь город, лишь бы не менять ее посреди четверти. Но когда-то приходится и к новому двору привыкать, и к новой школе. Главное при этом не мельтешить, не суетиться, а больше наблюдать и слушать.

Появившись первый день в классе, ты, естественно, оказываешься в центре внимания. Первое впечатление, которое ты произведешь, может повлиять на все твои дальнейшие отношения с этим классом. Итак, ты новенький. Неуютная роль. И главное твое стремление — как можно скорее перестать им быть.

Перво-наперво дай ребятам возможность рассмотреть тебя как можно быстрее, удовлетвори их естественное любопытство.

Если в классе есть свободное место в центре среднего ряда, выбери именно его. И никогда не садись в угол или с краю. Лучше потом, через недельку-другую, пересядешь.

Совет второй. Постарайся избежать одной распространенной ошибки. Не поддавайся соблазну что-нибудь про себя приврать, приукрасить свою персону. Некоторые ребята, те, что стесняются почему-либо своих родителей, рассказывая о них в новом классе, вдруг повышают их в воинском звании или наделяют невероятной силой. По-человечески это понятно. Каждому хочется выглядеть в глазах новых друзей в более

выгодном свете. Возможность кое-что слегка приукрасить весьма соблазнительна. Но, поддавшись на этот соблазн, человек сразу оказывается под ударом двух опасностей. Во-первых, необходимо помнить в точности, что и кому соврал. Иначе можно запутаться. Во-вторых, можно попросту завраться. Ведь аппетит приходит во время еды. А фантазировать про себя так приятно! Все слушают раскрыв рты. Ты — в центре внимания. Просто упоительно!

Правда, потом все раскрывается. И тогда положение враля становится незавидным. Начинаются насмешки, даже травля. С новыми друзьями отношения утрачивают прежнюю теплоту и искренность. Так что риск здесь, в общем, изрядный. Стоит, вероятно, хорошо подумать, прежде чем поддаться такому соблазну.

А чувство неловкости за своих родителей, которое ты вдруг стал испытывать с недавних пор, могу тебя уверить, совершенно не зависит от того, каковы твои мама и папа, кем работают и где живут. Это ощущение испытывают в переходном возрасте многие люди.

И третий совет: постарайся уяснить, что за жизнь ведут, чем интересуются здешние ребячьи компании. В классе, конечно, есть группы и группки, и составляются они в зависимости от того, кто из какой семьи, кто как учится или чем собирается заняться после окончания школы. При этом одни озабочены жизнью, которая предстоит после окончания школьного образования вообще, тогда как другие больше думают, чем бы заняться после окончания школьных занятий сегодня. И еще неизвестно, какая из этих групп на более правильном пути.

О САМЫХ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫХ КОМПАНИЯХ

Вообще говоря, классное сообщество подбирается случайно. Когда говорят, что класс — это единый коллектив, то выдают желаемое за действительное. На самом деле любой класс — это несколько маленьких коллективчиков. Подлинное единомыслие, общую устремленность ты скорее обнаружишь в каком-либо кружке, спортивной или туристической секции. Отношение к новеньким в кружках, секциях, студиях гораздо доброжелательнее, менее настороженное и агрессивное, чем в классе или дворовой компании. Ребята собираются в кружки и секции во имя личностного роста. И лидером в такой группе становится самый большой выдумщик, заводила, способный увлечь за собой остальных.

Если не можешь сдружиться ни с кем во дворе и долгое время не находишь общий язык с одноклассниками, ищи отдушину в общении с ребятами из фотокружка или футбольной секции. Не поленись потратить месяц-второй на то, чтобы покочевать из одной секции, студии в другую. Лучше ведь самому почувствовать, какая там у них атмосфера, обстановка, что там за люди.

ЕСЛИ ТЫ ЛЮБИШЬ ЛЕЗТЬ НА РОЖОН

В случае, если сильный характер значит для тебя больше, чем рост личности, если в свои тринадцать лет ты испытываешь властную потребность периодически лезть на рожон, ходить по лезвию, балансировать на грани, тебя, конечно, тянет в компанию другого типа.

Это группы, созданные не во имя, а против чего-то. Как правило, против таких же групп. Они все время находятся «на тропе войны». Это война за свою территорию — квартал или улицу. Или конфликты с милицией. Враг нужен им как воздух, без врага они быстро разваливаются.

Понимаю, когда кругом целая куча всяческих «нельзя»: уступай место старшим, не дружи с хулиганами, не ходи по газонам, не прогуливай уроки, не бранись, не груби...— возникает непреодолимое желание их нарушить, все сделать наоборот. Как правило, в такие периоды мы (я ведь такой же человек, как и ты, и имею те же проблемы) становимся и бесшабашно веселыми, и агрессивными, и безжалостными одновременно. Именно в таком настроении ребята (как, впрочем, и взрослые) сбиваются в компании, лезущие на рожон.

Но компания, которая собралась, чтобы вместе «искать» приключения, как правило, агрессивна к новеньким. Внутри такой ребячьей группы взаимоотношения весьма жестокие. Здесь всем предписаны (стихийно, конечно) определенные роли.

И если ты решил примкнуть к такой компании, тебе придется перетерпеть все «шуточки», которыми тебя будут проверять на первых порах.

Хотим предостеречь тебя сразу: в таких группах понятное и естественное для молодого человека стремление к свободе и независимости часто подменяется поиском риска и игрой в конспирацию. В результате ты полностью подчиняешься всему тому, что затевает группа. И выйти из-под властного и навязчивого влияния подобной компании значительно труднее, чем внедриться в нее.

Поэтому решай, стоит ли внедряться в компанию, вставшую «на тропу войны», если она принесет тебе не желанную свободу, а жесткую зависимость.

* * *

Полностью обновить, изменить круг лиц, с которыми ты общаешься ежедневно (включая школьных учителей, участкового милиционера, одноклассников и ребят во дворе),— ситуация не только не трагичная, но и в некотором смысле даже выгодная. Иногда неплохо наладить связи и взаимоотношения с людьми как бы заново. Все прошлые грехи и недоразумения остаются в прежней жизни. Появляется возможность снова выбрать, к какой компании пристать.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ

Заниженная оценка самого себя — одно из главных переживаний отрочества. Ваши доверительные беседы с подростком необходимы ему как воздух. Стремитесь при этом поддерживать и укреплять в нем чувство симпатии к самому себе, способность относиться к себе с юмором, умение гордиться собой как человеком.

Герман Игоревич МАРАСАНОВ, психолог.

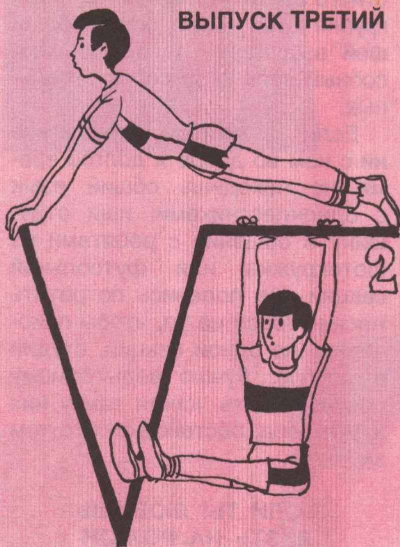
Когда Нурми заканчивал спортивную карьеру, на другом конце планеты, в США, делал первые шаги в спорте негритянский мальчик Джесси Оуэнс...

По кошачьему патенту

Старик Ричард Оуэнс изо дня в день гнул спину на хлопковых плантациях, но досыта накормить жену и девятерых детей не мог. Когда на свет появился десятый — мальчик Джесси,— забот только прибавилось. К счастью, он не требовал к себе особого внимания, рос крепким, здоровым и с утра до вечера пропадал на улице с соседскими ребятами. Даже среди них Джесси выделялся необычайной энергией. Он ни секунды не мог стоять на месте: бегал, прыгал, плавал, постоянно затевал разные игры. Став чуть постарше, начал всерьез заниматься баскетболом, бейсболом, американским футболом и особенно бегом. Понимая, что спорт для него — единственная возможность выбиться в люди, он тренировался, тренировался, тренировался...

Физически Джесси был исключительно одарен, все схватывал на лету и к 18 годам овладел всеми секретами бега, которыми пользовались его предшественники. Увы, этого было слишком мало, чтобы стать лучшим из лучших, «звездой», и Джесси вместе с тренером Л. Снайдером начинают поиски резервов скорости.

Они приглядываются к движениям разных животных, особенно из семейства кошачьих: пумы, рыси, леопарда. Интуиция подсказывает тренеру и ученику, что исключительная легкость и пластичность огромных прыжков этих диких кошек както связана с быстротой их бега. После консультаций с зоологами из университета штата Огайо их предположения переходят в уверенность. В основе легкости — пружинистость мышц, работающих рессорами: при приземлении на лапы во время бега часть кинетической энергии переходит в потенциальную и накапливается в мышцах; при отталкивании от земли потенциальная энергия вновь обращается в кинетическую, придавая дополнительную силу каждому прыжку. А пластичность движений связана с точностью включения в работу необходимых мышц и, что самое главное, со способностью расслаблять те мышцы, которые в данный момент в работе не участвуют.

Эти открытия совершили настоящий переворот в технике бега и привели к созданию парадоксальной на первый взгляд теории. Раньше атлеты, стараясь бежать «изо всех сил», напрягали ненужные для бега мышцы, вплоть до мускулатуры плечевого пояса и даже лица. От этого движения становились скованными, закрепощенными — скорость падала. По новой теории, для достижения наивысшей скорости спортсмен должен бежать расслабленно, свободно, легко, напрягая, подобно рессорам, только те мышцы, которые участвуют в беге, причем только в те фазы бега, когда это необходимо. Кажется, все просто и логично, однако потребовались десятки лет поиска, чтобы человечество пришло к пониманию рациональной техники бега. Но это еще не все...

Рекорд мировых рекордов

Сформулировать принципы бега, конечно, очень важно, но как воплотить их в движения? Как совместить бег «изо всех сил» и расслабленность, свободу движений? Как научиться напрягать, подобно рессорам, только «нужные» мышцы и расслаблять все «ненужные»?!

Два года с невероятным трудом учитель и ученик создавали свой легкий стиль бега. И вот наступил наконец незабываемый в истории спорта день — 25 мая 1935 года. В этот день Джесси Оуэнс совершил чудо, которое вряд ли кто-нибудь сможет повторить и которое до сих пор восхищает спортивный мир. За 45 минут он установил на различных спринтерских дистанциях пять мировых рекордов, а заодно и шестой — в прыжках в длину.

Уже само по себе это достижение кажется фантастическим. Ведь обычно даже выдающиеся атлеты за всю жизнь устанавливают 2—3 мировых рекорда и к каждому готовятся по нескольку лет. Оуэнс же установил сразу шесть и к каждому готовился несколько минут. Но картина поразительности этих рекордов будет все же неполной, если не сделать к ней два весьма существенных дополнения.

Во-первых, Джесси бежал свободно и непринужденно, круша мировые рекорды без видимого напряжения, как бы играючи, а после выступления выглядел свежим, полным сил. «Мне никогда не бежалось так легко»,— скажет он потом, и у тех, кто наблюдал бег Оуэнса, не возникнет ни малейшего сомнения в том, что атлет говорит правду.

Второе дополнение относится к весомости шести рекордов, установленных за 45 минут. Они были измерены на самых точных весах — весах времени. И теперь в полной мере можно оценить их значимость. Суди сам, результат прыжка Оуэнса в длину (8 метров 13 сантиметров) никто не мог улучшить в течение 25 лет! Дистанцию 100 метров он пробежал за 10,2 секунды, развив наивысшую для человека того времени скорость — около 36 км/час. Сегодня и этот рекорд побит, но чтобы представить себе, сколь мало современный рекорд мира отличается от феноменального достижения Оуэнса, совершим экскурс в лингвистику, а заодно и в физиологию. Всем известное выражение «в мгновение ока» физиологи подвергли количе-

ственной оценке, измерили продолжительность мигания глаза и установили, что оно составляет 0,4 секунды. Так вот, за полвека результат Оуэнса улучшен меньше чем на «мгновение ока»!

Оуэнс против Гитлера

Летом 1936 года, через год после установления Оуэнсом шести мировых рекордов, состоялись Олимпийские игры в Берлине — столице Германии. Власть в стране уже захватили фашисты во главе с Гитлером. Они хотели использовать Олимпиаду для доказательства превосходства арийской расы. Для этого немецкие атлеты должны были побеждать всех соперников, особенно «цветных», которых расисты вообще за людей не считали.

Немецкая команда очень тщательно готовилась к Олимпиаде, готовились к ней и фашисты. Это Джесси почувствовал, едва ступив на немецкую землю, куда он прилетел в составе команды США. Ему мешали тренироваться и отдыхать, его унижали и оскорбляли и наконец пригрозили физической расправой, если он посмеет выступить и выиграть...

Он посмел. Сначала завоевал золотую медаль в беге на 100 метров, потом — на 200, потом в эстафете 4 × 100 метров. А когда стало ясно, что он получит и четвертую медаль — за победу в прыжках в длину,— Гитлер, наблюдавший за соревнованиями, не выдержал и покинул трибуну для почетных гостей.

Физкульт-практикум

(Только для тех, кто хочет бегать ХОРОШО)

I. Итак, начинаем занятия бегом, причем лучше, если в них будут участвовать несколько человек. Первая программа занятий — на таблице (рис. 1). Каждый столбик — тренировка. Проводить их советую 2—3 раза в неделю после разминки. Тренировки, как ты видишь, состоят из ходьбы и бега, дозированных по времени, так что вооружись часами и «шпаргалками» на каждое занятие. Ходьба должна быть быстрой, а вот бег, наоборот,— медленным, расслабленным, свободным.

Если с какого-то занятия тебе стало трудно, вернись на несколько тренировок назад и снова постепенно наращивай нагрузку. Если справишься со всеми пятнадцатью занятиями, повтори последние пять 2—3 раза.

II. Помимо медленного бега, нужно тренироваться и в быстром, выделив для этого один день в неделю. Занятия лучше проводить на стадионе. Отмерив отрезок 100—150 метров, старайся пробежать его с максимальной скоростью и, конечно, с низкого старта. Всего за тренировку достаточно 5—8 стартов с интервалом для отдыха 3—5 мин.

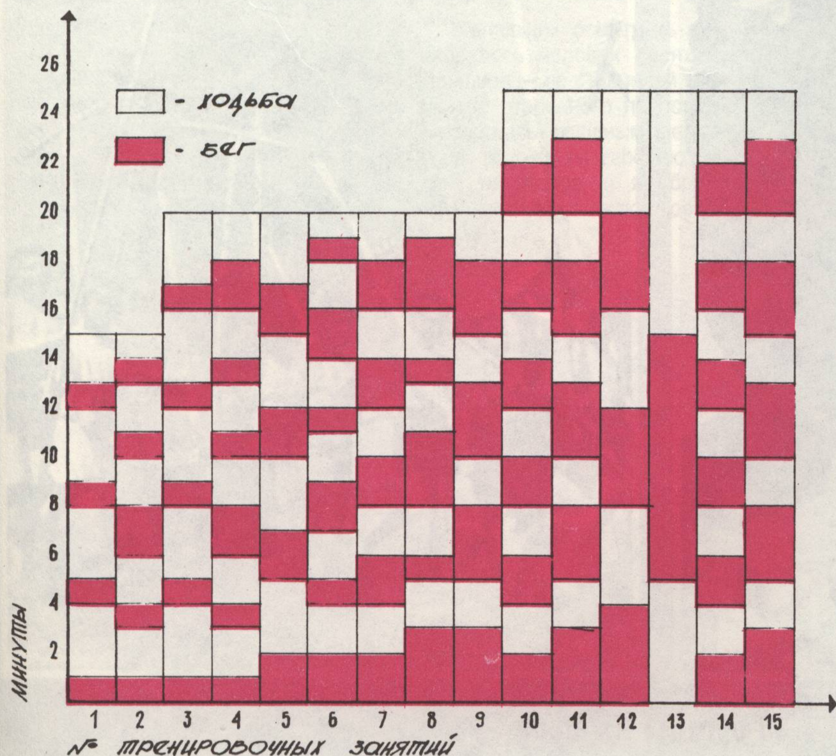
III. Было бы очень хорошо, если бы во время занятий кто-то из взрослых или из ребят выполнял по очереди роль тренера. Его задача — следить и подсказывать, правильно ли ты стартуешь (помнишь Шерилла?), не слишком ли «скачешь» и «раскачиваешься» (помнишь Нурми?), достаточно ли свободно и раскованно бежишь (помнишь ли Оуэнса?).

IV. Не сомневаюсь, что тебе захочется узнать, как тренировки влияют на твои физические возможности. Сделать это можно так. Немного освоившись на беговой дорожке, пробеги в полную силу, засекая время по секундомеру, две контрольные дистанции: 60 и 1500 метров. Первая покажет твои скоростные качества, вторая — выносливость. Проводя раз в месяц такой контроль, ты вскоре увидишь, как улучшаются твои результаты, да и без секундомера почувствуешь, что становишься быстрее, сильнее, выносливее.

V. Чтобы не держать в голове ежемесячные результаты контрольного бега и номер последней тренировки, заведи тетрадь, именуемую у спортсменов «дневник».

VI. И последнее. Занятия бегом прекрасно сочетаются с другими физическими нагрузками. Поэтому, уделив бегу 20—30 минут, постарайся еще поплавать, поиграть в футбол, сходить в лес за грибами. Впереди лето, большинство ребят проводят его за городом, в деревне или пионерском лагере, где для занятий бегом есть все условия. Бегай на здоровье и, если есть возможность, дополняй бег не только играми, но и вскапыванием огорода, прополкой грядок, стогованием сена, заготовкой дров. Это и бегу, и тебе — на пользу!

М. ЗАЛЕССКИЙ

Картины детства

30-е годы XX века

Фотографии из архива А. ЗАДИКЯНА.

К. ВАСИЛЬЕВ

ПРЕДЧУВСТВИЕ СЧАСТЬЯ

Как описать море?

Ялта, по набережной гуляют отдыхающие... Здесь прогуливался когда-то Чехов. Встречаясь со знакомыми, был приветлив и в то же время сдержан. Говорил просто, кратко. Во время разговора поглядывал на море и все думал о чем-то своем.

— Вы любите море? — спросил у него однажды писатель Бунин.

— Да. Только уж очень оно пустынно. Очень трудно описывать море...

Иногда он брал на набережной экипаж и ехал — в гору, в Аутку. Там строилась его дача. Он жил в разных местах России, а теперь решил поселиться здесь — под южным солнцем, под синим небом. В этой южной, теплой Сибири, как он назвал однажды Ялту. Рядом с морем.

Так как же описать море? Чехов был попечителем ялтинской гимназии и однажды прочитал в ученической тетрадке: «Море было большое». Ему очень понравилось: большое, и только. Чудесно!

Чехов не любил вычурных фраз.

Белая дача

Аутка в конце прошлого века была за чертой города. Выбрав участок, Чехов показал его сестре Марии Павловне. Та пришла в ужас: какой-то запущенный пустырь рядом с татарским кладбищем!

А Чехов был доволен:

— Есть вид на море. И разведем сад. Здесь такая земля, что ты воткнешь в нее оглоблю, а вырастает тарантас.

Он говорил смешные вещи безо всякой улыбки.

Дачу строили основательно. Белая, чистая, легкая, она, как говорил Куприн, стала самым интересным строением в Ялте.

Чехов строил прочный, красивый дом — надолго. Хотя знал, что жить осталось ему немного.

Экскурсовод Оля

Желающих осмотреть дом-музей набралось человек десять. Вышла женщина — со старинной брошью на платье старинного покроя. Она обмахивалась изящным веером. Она была похожа на героиню из чеховских рассказов, и я обрадовался: нам повезло с экскурсоводом, наверняка эта дама знает музей досконально; такое ощущение, что она даже Антона Павловича должна помнить!

— Оля, примите, пожалуйста, группу,— дама с изящным веером вдруг обратилась к девочке в легком летнем платье, со светлыми, коротко постриженными волосами.

Дама была смотрителем. А экскурсоводом была девочка Оля.

В нашей группе нашелся привередливый экскурсант. Он обиделся:

— А почему всем дают настоящих экскурсоводов, а нам... ненастоящего?

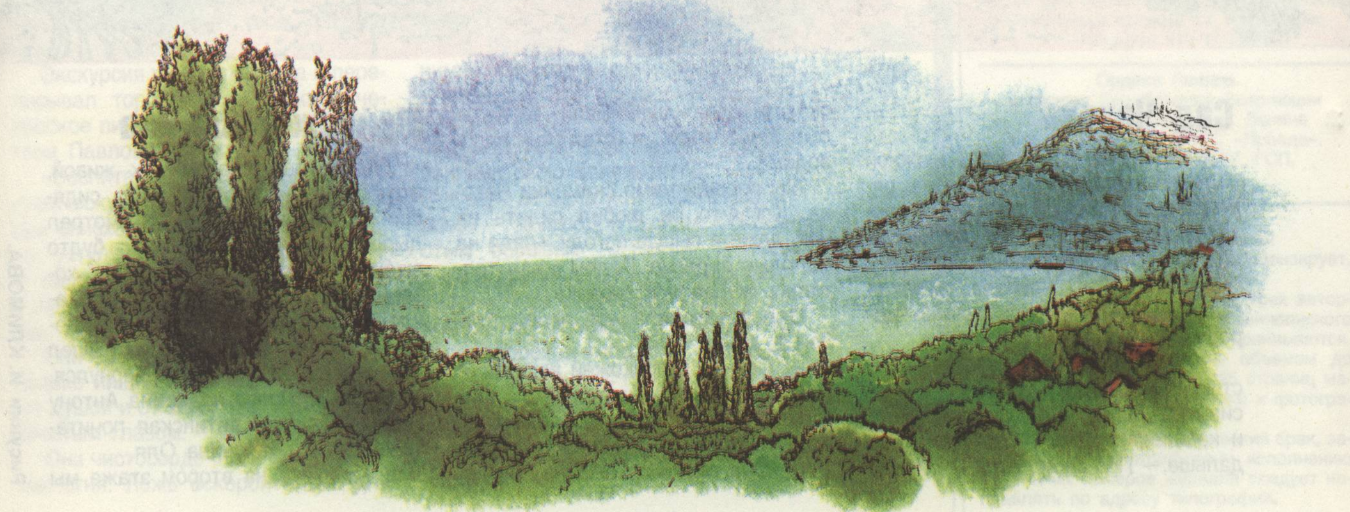
— Я настоящая. Я из пятой школы, это бывшая гимназия — та самая, где Чехов был попечителем. И мы учим все... о Чехове, об этом музее, а сейчас практика — водим экскурсии.

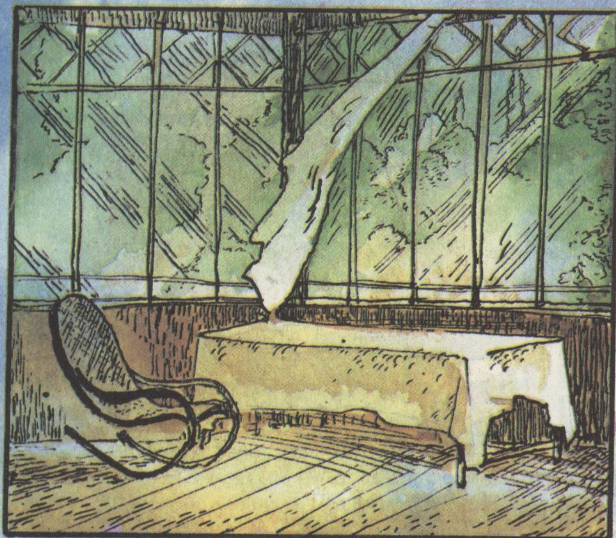
Привередливый экскурсант поискал глазами: каким бы каверзным вопросом срезать Олю?

— А сколько деревьев в саду чеховские, какие сам Чехов посадил?

— Сто пятьдесят девять.— Оля ответила сразу.— Вот эта груша, например, была посажена Антоном Павловичем. Ей восемьдесят шесть лет...

Чеховское дерево до сих пор плодоносит.

Сад Чехова

В чеховском саду рядом с южной пальмой росла северная береза, рядом с экзотической магнолией прозаический тополь, рядом с фруктовой грушей декоративный бамбук...

Под ногами скрипела морская галька — ею были посыпаны дорожки.

— Этот сад Чехов развел на пустыре. Он считал, что рядом с красивыми деревьями должна быть и красивая жизнь.— Оля вела нас дальше.— Про себя Антон Павлович сказал однажды: «Если б я не был писателем, я стал бы садоводом».

Мы прошли мимо скамейки Чехова. Когда-то он любил сидеть на ней, даже в сырую погоду, глядя на молодые деревца. Рядом с ним топтались журавль и собачка.

Оля остановила нас перед входом в дом.

— Сейчас в прихожей вы увидите собаку. Она не настоящая, а гипсовая, я на всякий случай предупреждаю, а то некоторые входят и пугаются. Она очень похожа на живую.

Пейзаж у камина

Да, он был совсем как живой, этот большой гипсовый мопс, сидящий на полу в прихожей. Он смотрел дырочками-глазами — как будто высматривая, нет ли среди нас хозяина. На морде у мопса было какое-то растерянное выражение. Восемьдесят лет назад хозяин вышел из дома... и до сих пор не вернулся.

— Этого мопса подарила Антону Павловичу одна ялтинская почитательница,— объяснила Оля.

В кабинете на втором этаже мы

Рисунки И. КЛИМОВА.

увидели другие подарки: белую вазу на камине, в каминном проеме — картину Левитана...

— Здесь на юге Антон Павлович скучал по березовым подмосковным рощам. Как-то он сказал об этом Левитану. Тот попросил кусок картона и тут же нарисовал пейзаж. Чехов потом говорил, что этот пейзаж у камина греет его больше, чем сам камин.— Оля рассказывала приглушенным голосом, ступала неслышно по дощатому полу. Следуя ее примеру, мы тоже старались не скрипеть половицами и перешли на полушепот — как будто хозяин был дома и мы не должны были его тревожить.

— Иногда сестра или мать видели, как Антон Павлович сидит в кресле с закрытыми глазами, спрашивали: может, ему нездоровится? А он отвечал: «Нет, ничего, голова болит немного...» Болезнь изнуряла Чехова, но он никогда не жаловался. И никто не видел ни разу, чтобы он плакал...

В этом кабинете Чехов написал свой последний рассказ — «Невеста». За этим столом он закончил «Вишневый сад» — свою последнюю драму. Мне вспомнился один из героев этой драмы — Петя Трофимов, его слова: «Я предчувствую счастье. Вот оно, счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги...»

«Тут дорог каждый час»

У Чехова был брат Николай, художник. Он как-то пожаловался Антону Павловичу, что окружающие его не понимают.

Антон Павлович сразу же откликнулся: «Как брат и близкий к тебе человек я тебя понимаю и от всей души тебе сочувствую... Ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, поделяешься последней копейкой, искренен. Недостаток же у тебя только один. Это — твоя крайняя невоспитанность...»

Экскурсия ушла вперед, а я переписывал торопливо в блокнот чеховское письмо — кодекс жизни Антона Павловича Чехова.

«Воспитанные люди уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы. Они прощают и шум, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их доме посторонних.

Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом.

Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет его в глазах говорящего...

Они не уничижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им вздыхали и нянчились с ними.

Они не суетны. Истинные таланты всегда сидят в потемках, в толпе, подальше от выставки. Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную.

Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой. Они горды своим талантом.

Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному пути.

Тут нужны беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля. Тут дорог каждый час».

Мне вспомнились отзывы современников о том, что в беседе Чехов был сдержан. Почему? В кодексе Чехова я нашел ответ на этот вопрос. «Воспитанные люди не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Из уважения к чужим ушам они чаще молчат».

Просто Антон Павлович был воспитанным человеком.

«В дорогу!»

Ограда, в ней калитка. Через эту калитку 1 мая 1904 года Чехов вышел на улицу, сел в экипаж, уехал... Была весна: тепло, солнечно, а впереди лето...

В такие моменты кажется, что нет у тебя никаких болезней, что ты никогда не умрешь!

«В дорогу!» — восклицает Петя Трофимов в «Вишневом саду».

«Вишневый сад», написанный в Ялте, стал последней пьесой Чехова.

«В путь!» — такое решение принимает и Надя, героиня рассказа «Невеста». Это последний рассказ Чехова.

1 мая 1904 года Чехов навсегда покинул свою белую дачу.

Сразу за калиткой дорога уводит вверх — за город, к соснам, к скалистым обрывам Ай-Петри. А если идти в другую сторону, там до самого горизонта — большое море. И кажется, что впереди, сразу за первым поворотом тебя ждет что-то неведомое, новое, счастливое. И невольно повторяешь — вслед за Петей Трофимовым, за Надей, за Чеховым: «В дорогу! Здравствуй, новая жизнь!»

ЧИТАЙ В ИЮНЕ: повесть Н. Федорова «Тучков мост»; окончание повести-сказки «Город неудачников»; смотри приключения дельфинов Тристана и Павловой.

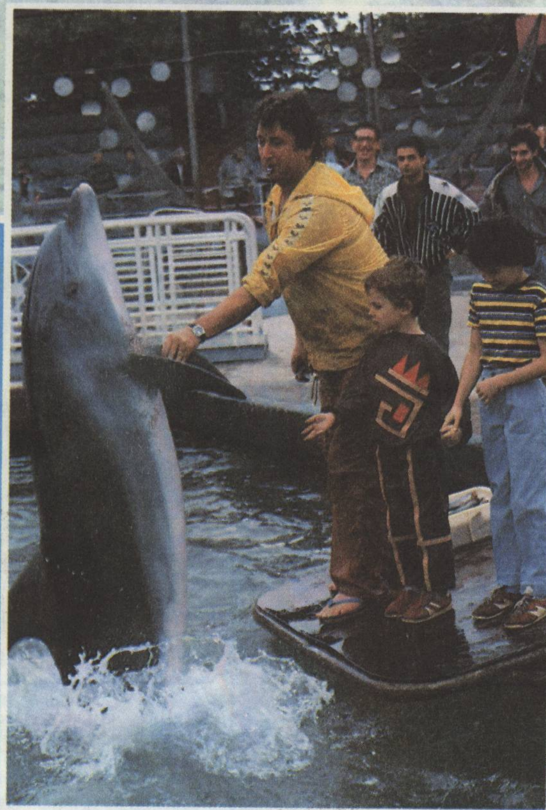
Сдано в набор 05.03.90.
Подписано к печати 21.03.90. А 00257.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 2001.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

30 коп.

Индекс 70694.

Дорогие ребята!

Я на сто процентов уверен, что вы любите зверей. Особенно дельфинов, потому что дельфины мокрые, веселые и умные. Вдобавок они очень спортивные. Я уверен, что если бы дельфин лежал на площадке (см. правый снимок) и держал в зубах сосиску, тренер не вылетел бы за ней из воды и на полметра.

Я просто обожаю дельфинов. И написал о них целую серию детективных рассказов. Со следующего номера они появятся в журнале. Приятного вам чтения, точнее рассматривания рисунков, потому что это комиксы.

Ваш Эдуард УСПЕНСКИЙ

ISSN 0130—8009. Пионер. 1990. № 5. 1—64.